

Сумасшедшей силы, позволяющей повергать отряды и армии, больше нет. Организм изношен, не обещая долгой жизни. Полученные взамен магические способности слабы и не эффективны. Но впрочем... Всегда есть варианты. А значит...

Ладонь, мягко огладила пахнувший гарью вороненый ствол...

— Валера, настало твое время!

Глава 1

Телепорт по случайным координатам из измерения демонов выкинул нас в десятке метров над водой. Рухнув с высоты, мы камнем пошли в морскую пучину. Лесная ведьма забила у меня в руках, не желая вместе идти на дно. Мне легче, в отличие от женщины, доспехи помогли сохранить воздух в лёгких при столкновении с поверхностью воды.

А вот Фиона явно оказалась оглушена, и в окружении пузырьков воздуха рвалась к поверхности. Как и я. Но тяжесть доспехов тянула на дно, заставляя тратить драгоценный воздух и остатки сил.

Вдохнуть! Хоть немного живительного кислорода!

Я ввинчивался в воду руками и ногами, всё же, сумев всплыть. Пара глотков воздуха и обратно в пучину.

Главное — не паниковать!

Именно это я проговаривал про себя, пытаюсь отбросить страх. Человек может обойтись без воздуха пару минут. И я планомерно работал: скинул латные рукавицы и пальцы, нашарил пряжку наплечника, отпуская ремешок. Другой наплечник. Руки подрагивают. Скинуть сапоги. Пряжка кирасы не расстёгивается. Короткий всплеск паники.

Не поддаваясь ужасу, переключился на наручи. Один. Второй. Защита ног. Правый набедренник удачно, левый не захотел. Вернуться к кирасе, ощупывая пряжку. Плавно, медленно потянуть. Успех. Ещё одна, и кираса отправилась в глубины океана. А я всплыл наверх, жадно глотая воздух.

Отдышавшись, сумел отцепить пластины поножей и стянуть набравшую воды стёганку. Пояс с кинжалом оставил, он меня не утопит. Расслабившись, перевернулся на спину, подняв глаза в яркое голубое небо. Хоть с погодой повезло...

Однако, море холодное. Вокруг, куда ни кинь взгляд, ничего, кроме водной глади. Рядом, молотя руками и ногами, с трудом держалась на воде Фиона. Бывшая богиня магии, оказывается, не умеет плавать.

Можно утопить или пырнуть кинжалом, навсегда решив проблему. Рука вытянула клинок из ножен, и я повернулся к ней, взглянув в наполняющиеся отчаянием глаза. Ничего сейчас не способна сделать, и прекрасно это понимает. Но она спасла мне жизнь, пусть и преследуя свои цели. Да и сейчас она может быть полезна.

Я убрал клинок обратно и, сделав пару гребков, подплыл к ней ближе. Выбрав момент, произнёс:

— Не паникуй. Набери полную грудь воздуха и расслабься. Не утонешь, не трать силы. Я помогу, если что.

Выплюнув воду, она послушалась. С первого раза спокойно держаться на поверхности не вышло, срывалась и начинала бить руками по воде. В итоге, довольно быстро поняла суть, и через пять минут расслабленно зависла возле поверхности.

Ситуация аховая. Море ледяное, и как схлынул адреналин, кожа покрылась мурашками. Долго мы тут не протянем — замёрзнем. Максимум до вечера, пока солнце хоть немного прогревает воду и тело.

Я ещё раз огляделся, пытаюсь найти хоть какие-то признаки суши. Тщетно. Вокруг только гладь океана, и только вдалеке в воздухе мелькнула птица.

Птица?

С надеждой, я посмотрел в ту сторону, стараясь даже не мигать. И вот ещё раз над водой мелькнула быстрая тень. Повернувшись к вяло плюхающей руками Фионе, быстро произнёс, махнув рукой в ту сторону, где я видел пернатое:

— Там птица. Они в открытом море обычно не живут, возможно, где-то есть суша!

— Какая разница? Мы всё равно не доплывём, — равнодушно ответила бывшая богиня.

Но, несмотря на свои слова, повернулась в ту сторону и прищурилась, увидев местную чайку.

— Показываю, как плавать правильно!

Подчёркнуто не обращая внимания на её слова, продемонстрировал, как правильно работать руками, ногами, ладонями. Она смешно, как большая лягушка барахталась в воде, пытаюсь повторить.

Зачем её учу? Брать на буксир, притом, что неизвестно, какое расстояние нужно преодолеть, не могу. Доплывёт сама или сгинет в пучине.

Пятнадцать минут я поправлял, советовал, а после, когда у неё стало что-то получаться, медленно поплыл, изредка поглядывая в её сторону. Спокойно, размеренно, стараясь не думать о будущем, и не вспоминать о прошлом, где я по такому морю бегал аки посуху. Выдох, гребок, вдох. Не думать, плыть.

Сотня метров, две. Фиона сильно отстала. Остановился отдохнуть, подождал, когда и она восстановит силы, плывём дальше. Мне не сложно, потихоньку нарабатываю технику, тренированное тело, восстановленное бывшей богиней, прекрасно справляется. Ей же очень тяжело. Плавать лишь учится, тратит много лишних сил. Вынуждена часто отдыхать.

Не знаю, сколько мы проплыли. Может, километр, может, два. На горизонте появилась очень далёкая точка суши, но плечи ломило уже и у меня, и я понял простую вещь: мы не дотянем. Даже в одиночку не смогу. Плечи отваливаются, желудок сводит от голода. Сил после боя и последующего удаления скверны нет у нас обоих.

Подплыв ближе к пытавшейся отдышаться и не уйти под воду лесной ведьме, угрюмо бросил:

— Не доплывём.

И опустошённо раскинулся в воде, смотря в потихоньку темнеющее небо. Закат уже близок, скоро станет холоднее.

Вдалеке из воды ударил фонтан, и раздался трубный рёв. Местные киты. Хорошо, не акулы. Хотя, смерть от зубов будет быстрее, чем замёрзнуть и утонуть.

Фиона же встрепенулась и, протянув подрагивающую ладонь, вцепилась мне в плечо.

— Держи меня! — коротко приказала она и расслабилась, прикрыв глаза.

Спорить не стал, придерживая её голову над водой. Дрогнул только, почувствовав незнакомое ощущение, видимо, она вторгается мне в ауру, забирая всю накопленную ману. Но препятствовать не стал.

Пару минут ничего не происходило, а потом в десятке метров от нас мелькнуло огромное тело, и спустя секунду снизу по ноге тёркой прошла жёсткая кожа. Нас протащило пару метров, пока я не вцепился в плавник, второй рукой крепко обхватив Фиону. Она не реагировала, полностью отдавшись контролю огромного создания.

Кит поплыл в сторону суши. Быстро, раздирая мне кожу обросшей шкурой. Но это последнее, на что стоит обращать внимание. Ведь земля впереди — приближается.

Било в лицо встречной волной, я старался закрывать спиной волшебницу, чтобы она хотя бы могла без проблем дышать.

— Давай, держись, — тихо шептал я, поглядывая на медленно приближающуюся точку суши.

Зверь не медленный. Однако спасение оказалось намного дальше, чем представлялось. Женщина на моих руках бледнела, подрагивала, но держала зверя. Как я понимаю, это что-то из техник ментального симбиоза, практик шаманов и тех, кто управляет зверями.

Высший пилотаж — вот так подхватить совершенно чужого зверя, потратив самую капельку маны — то, что доступно современным магам — и держать его не менее получаса. Хотя, кто знает, сколько силы отпущено ей? Богиня магии, даже пусть бывшая, это не просто волшебница.

На небе поднялись луны, море затянул ночной сумрак, а зверь тащил нас дальше. Всё чаще и чаще, норовя уйти под воду. Я вцепился задубевшими от холода руками в плавник и посиневшую «эльфийку», всматриваясь вперёд.

Это оказался остров нескольких километров в поперечнике. Камни побережья были всё ближе и ближе.

Три километра. Два. Полтора. Километр. Меньше. Тут тело подо мной дрогнуло, женщина всхлипнула, обмякнув в руках, и потеряла сознание.

Зверь тут же ушёл на глубину, засасывая нас за собой. Зажав Фионе нос и рот, чтобы она не нахлебалась воды, погрузился за ним, чтобы спустя десяток секунд всплыть и неловко, одной рукой и ногами, погрести в сторону берега.

Эти несколько сотен метров выпили из меня все силы. Ледяная вода, и я пытаюсь плыть, не утопив Фиону и не утонув сам.

Согрелся. Поначалу. Но силы уходили очень быстро, и последние метры я уже плохо понимал, что происходит вокруг. Просто дёргал слабеющими ногами, пока не ударился головой об камень.

Это привело меня в чувство, и, оскальзываясь на камнях, рассадив до крови колена, я выбрался на пляж, упав на гальку. Тело трясло от холода. Сил не было, но, окинув взглядом обнажённую Фиону, платье которой не выдержало заплыва, свою мокрую тонкую рубашку и штаны...

Нужен огонь. Иначе мы тут и останемся. Отдышался, сплюнул, поднялся и пошёл подыскивать место для стоянки, подбирая выброшенное прибоем на пляж дерево и уголь.

Дойдя до скал, увидел более-менее прикрытый от ветра участок и, свалив добычу, отправился за Фионой. Подхватив её на руки, пошатываясь, дотащил до будущего лагеря и ещё несколько минут собирал топливо. Бросив всё что горит в кучу, раскрошив пару веток на щепки кинжалом.

Руки тряслись. Я попытался развести огонь трением, но ничего не получилось. Пальцы не слушаются. Минуту сидел и тупо смотрел на дерево перед собой. Бросил взгляд на бессознательную богиню магии.

Магии?

Вскинувшись от этой мысли, взял небольшую дощечку и кинжалом вырезал на ней руну огня. Накидал сверху мелкого сора и, держа в руках, направил почти незначительный огонёк энергии, что бился где-то в глубине сознания, в символ.

Над деревяшкой поднялся почти незаметный дымок, и я изо всех сил начал раздувать уголёк. Дым усилился. Ещё немного. Накинуть мелких щепок, и вот взвился маленький огонёк. Бережно опустив его в приготовленную кучу, накидал сверху мелочи, смотря, как он крепнет. После чего подкинул ещё больше дров и угля.

Снял мокрую рубашку и накинул на Фиону, сам привалившись спиной к скале. Огонь разгорался, обдавая нас волнами тепла. С чувством выполненного долга, наконец, позволил себе отключиться.

Впрочем, через несколько часов, когда огонь прогорел, всё равно очнулся от холода. Пришлось опять ходить по пляжу, собирать больше дров, поддерживая костёр. Также притащил несколько больших брёвен, выложив подобие стены, чтобы не так дуло сбоку. И уже на этот раз уснул до утра.

Проснулся опять от пробирающего до костей озноба. Собрал ещё дров, раздувая угли костра. Нашёл на берегу несколько крабов, прибил и положил возле огня вариться в собственном панцире. Лесная ведьма до сих пор не очнулась, но, судя по ровному дыханию, просто спит.

Сижу, смотрю в огонь. Думаю. Фиона спасла жизнь нам обоим, хотя без меня это бы не вышло. Вроде квиты. Но при этом она опасна. Даже если не убьёт, медленно обрабатывает ментальной магией. Осторожно, исподволь, тратя совсем немного сил. Боязно.

Бросив взгляд на сопящую женщину, поморщился. Будь что будет. Не хочу я её убивать. Непонятно, где мы, сколько нам тут придётся провести времени, и, может так случиться, что без неё с этого острова и не выбраться. Робинзонить в одиночестве, медленно съезжая с катушек? Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз.

Кивнув своим мыслям, подвинул ближе покрасневший панцирь краба, распространяющий вокруг себя одуряющий аромат и, оторвав клешню, высосал нежнейшее мясо. Вкусно. Сам не заметил, как всё кончилось.

Потянулся ко второму, но меня опередили женские руки, поднятой веточкой подвинувшие панцирь к ней. Окинув меня сумрачным взглядом, лесная ведьма, выхватив у меня из руки кинжал, изволила кушать, чинно выкорябивая мясо клинком.

Закончив, села напротив, раздражённо поглядывая на меня.

— Недоброе утро, — вяло отмахнулся я. — Что дальше? Продолжим драться?

— Ты не убил меня, когда мог? Почему?

— Ты тоже могла. Но не убила, — пожал я плечами. — Более того, спасла.

— Хочу вытащить у тебя из памяти всё, что может быть полезно, — фыркнув, она пошевелила палочкой в костре, подтаскивая ближе к пламени кусок угля.

— Оно того не стоит. Я не на ядерного физика учился, чтобы быть полезным.

— Ядерного физика? — повторила она мою фразу на русском с акцентом, подняв бровь.

— Та самая область, которая даёт допуск к нужным тебе силам и энергиям.

— Так уверен в знании того, что мне нужно? — усмехнулась она.

— Вернуть магию, обратить вспять кристаллизацию. Обрести заново силу и бессмертие, используя для этого мощь скверны. Хотя, не думаю, что ты бы прожила необходимые для этого тысячи лет.

— Это тело не проживёт. Но важна не оболочка, а память и цель. Тебе ли не знать?

— Так я и не тот человек, чью память перенесли в это тело. Другой. Кто поручится, что тебе захочется класть жизнь на алтарь бессмысленного ожидания при подобном «перерождении».

Я поморщился от холодного ветра, ударившего в наш закуток, и даже Фиона, зябко поёжившись, села ближе к огню. Но, всё же, соизволила ответить:

— Того, что останется, хватит. И я не человек, это будет больше, чем просто переписывание памяти другой личности.

— В любом случае, стоило ли оно того? Ты увидела достаточно, чтобы понимать, что мой прошлый мир слишком сложный, и один человек не знает и малой толики необходимого. Нужны усилия сотен тысяч образованных людей, десятки лет времени, чтобы достичь хотя бы минимально сравнимого уровня.

— Десятки лет — не тысячи.

— Ты уже украла большой кусок моей памяти. Дерзай тащить этот мир в «светлое будущее», — фыркнул я, отвлечённо подумав, что нужно пойти поискать воду.

— Тем не менее, тебе хватило пары лет, чтобы «изобрести», — она обозначила пальцами кавычки, явно подсмотрев этот жест у меня, — порох.

— Химия у вас развита непропорционально сильно общему техническому уровню. Не я, так другой бы придумал нечто подобное.

— Но ты знал, куда смотреть и что искать, — задумчиво кивнула она.

— Знал. Но ты думаешь, это позволит мне наладить металлургическое производство, например? — хмыкнул я. — Мы даже лампу нормально запустить в серию не смогли. Слишком сложно и требует много побочных вещей.

— А вот оружие само по себе пошло в «серию», — улыбнулась бывшая богиня.

— Ресурсы города и жизненная необходимость многое меняют, — развёл я руками.

Она кивнула. Пару минут мы сидели молча, пока женщина не нарушила тишину:

— Я не вылечила тебя до конца, тело слишком изношено. Лет на десять-пятнадцать можешь рассчитывать, а потом, чтобы протянуть лишний год, придётся повторять высшее исцеление. Это позволит прожить ещё лет пять, но не думаю, что сильно больше. А если опять примешь скверну и будешь сражаться, то за полгода сгоришь.

Замер, осмысляя сказанное. Пятнадцать лет, да? Такова моя плата за силу? С другой стороны... Чего бы я добился без могущества? Места в прислуге какого-нибудь аристократа? Может, и хорошего положения, но уж явно не того, что получилось. Так что почесал в затылке и ответил:

— Это того стоило.

— Понравилось быть полубогом? — скривила губы в усмешке Фиона.

— Конечно, — уверенно откликнулся, не покривив душой.

— Всё вам смертным больше силы, — презрительно обронила блондинка.

— Так и ты теперь смертная. Больше нет уверенности, что тебе позволят провернуть на демоническом плане перезапись памяти. Сколько тебе самой осталось? Двадцать лет? Тридцать?

Женщина скривила личико, но не ответила, плотнее укутавшись в мешком висящую на плечах рубашку.

— Что дальше делать будем, Фиона? — устало полюбопытствовал, оглядывая камни вокруг. — Есть мысли, где мы?

Она подняла руку, веля мне не мешать, и прикрыла глаза. Кожу уколол выплеск маны, и через минуту, женщина поморщившись, откликнулась:

— Северо-запад от эльфийских земель.

— Далеко от континента?

Спутница задумчиво накрутила на палец белокурый локон, что-то считая, и неуверенно протянула:

— Десять дневных переходов, не меньше...

Я тяжело вздохнул. Корабли тут не ходят, они не удаляются так далеко от побережья на

север, незачем. Ощупав пояс, открыл маленький кармашек. Леска из конских волос, пара рыболовных крючков. Две серебряные монеты. Маленький неприкосновенный запас на всякий случай. Обычно есть ещё и кремень, но тот карман не пережил путешествия на ките.

Кинжал, ножны. Одна тонкая рубаша и штаны на двоих, а вокруг северное море и конец лета. Отличный старт для начинающих робинзонов. На всякий случай, уныло поинтересовался:

— Волшебным образом переместиться ближе к людям мы больше не можем, да?

— Только если ты продемонстрируешь убогим варварам силу технологий, — фыркнула блондинка.

— Я так никогда не говорил, — нахмурился, я.

— Скажи ещё, не думал!

Я пожал плечами, не желая спорить, и, поднявшись, хрустнул шеей. Стоит осмотреть наши «владения». Может, удастся найти что-то полезное или, хотя бы, убежище лучше. Выйдя из-за нагромождения камней, огляделся. Остров больше, чем мне казалось в сумерках, километра четыре-пять в диаметре.

Внимательно смотря под ноги, пошёл к центру, осматриваясь по сторонам. Много высоких камней, неуклонно повышающийся уровень поверхности острова, песок, мхи. Местами появлялась редкая трава.

Обойдя очередную скалу, улыбнулся. В небольшой низине росло несколько невысоких кривых ёлочек. Пара кустов с ягодой, крапива.

В самом сердце острова нашлось небольшое озерцо прозрачной ледяной воды. Я с огромным удовольствием напился, и по-хозяйски ещё раз осмотрелся вокруг. Не так уж и плохо, как могло бы быть. Есть вода, с едой хуже: питаться придётся одними морепродуктами. Но полгода-год на такой диете протянем.

Походив по острову, отыскал неплохое место между больших камней. Немного поработать, поставить пару стенок и будет что-то, похожее на домик. Подобрал по пути на берегу достаточно длинную палку, примотал к ней леску с крючком, нашёл на берегу мёртвого маленького краба, соорудил наживку и, осторожно, чтобы не поскользнуться, прошёл по камням дальше в море.

Закинув удочку, стал ждать, ёжась от холода. Море сегодня спокойное, что-то поймаю. Наверное.

Сидел и старался ни о чём не думать. Ни о том, как там Элеонора, Эрна, деревня и город. Не о выживании тут, ни как выберемся обратно.

Дёрнуло крючок, и я вытащил рыбешку, размером с ладонь. Выкинув её на гальку пляжа, обрадованно продолжил рыбачить.

Через час вернулся к огню, гордо неся в руках несколько килограмм рыбы. Разделал я обед ещё на берегу, так что только разложил поджариваться на камнях, изредка посматривая на равнодушно смотрящую в огонь бывшую богиню.

Несмотря на горящий огонь, замёрз. Холодный ветер, из одежды только штаны. Докинув ещё топлива в костёр, поморщился. Дерево нужно беречь, как и уголь. Не так уж и много всего этого оказалось на берегу. Что-то, наверное, будет приносить морем, особенно в шторм, но нужна печь и кров, чтобы хоть как-то сохранять драгоценное тепло и не топить воздух.

Как только рыба пожарилась, перекусил, пару минут отдохнул, отогрелся и отправился строить стену в выбранном месте. Пока просто подтаскивал камни побольше, намечал

контуры.

Тяжёлая работа хорошо отвлекала от лишних размышлений, и гора камней уверенно росла, приобретая вид стен.

Вечером прошёлся по берегу, собирая ракушки и куски известняка, и, с чувством выполненного долга, вернувшись к огню, уснул.

С утра рыбалка, перекус и возвращение на строительную площадку, начиная выкладывать печь. Камушек к камушку, молясь про себя, чтобы это хоть как-то жило, не развалившись на куски от температуры. Немного облегчает дело то, что камня вокруг полно.

Промучился до ночи, как и весь следующий день. Но, в результате, из трубы грубой кладки, замазанной землёй, повалил дым, а я тщательно заделывал оставшиеся щели.

Фиона со мной не разговаривает. Сидит возле огня, ест, что приношу, не проявляя интереса к чему-либо.

Я же закинул ракушки в печь и пошёл собирать новую партию. Про себя восславив ролики на ютубе. Как бы я иначе знал, что если их прожарить и потом вымочить, то потом можно получить раствор извести?

Спать я устроился прямо там же, поддерживая огонь. Утром рыбачить не требовалось, вчерашний улов оказался обилен, так что, проснувшись, выпил воды и сразу начал таскать песок и выстраивать стену. Выложив до колен, оценил результат и принялся разбирать. "Бетона" выйдет немного, нужно максимально эффективно использовать камни.

Потратил весь день, но зато на следующий уже замешивал раствор, выкладывая первый ряд. Камень к камню, не оставляя щелей. Где-то ближе к полудню пришла Фиона, с лёгким удивлением оглядев раствор, первый ряд камней намечающихся стен, дымящую печь.

Молча сидела, внимательно смотрела за работой, чем изрядно меня взбесила. Сама не работаешь, так что тут из себя изображать надзирателя? И только я повернулся к ней, собираясь высказать всё, что по этому поводу думаю, как она, всё также молча, подошла, взяв деревяшку, которую я использовал в качестве мастерка, положила раствор, а потом сверху камень.

Работа пошла быстрее. В четыре руки кустарный бетон закончился довольно быстро, как мы ни старались его экономить. Я закинул новую партию ракушек и отправился на берег собирать ещё. Но уже не один, а вместе с лесной ведьмой.

День сменялся днём, стены росли. Вот по пояс, по плечо. Все большие брёвна, что я тщательно берёг эти дни, пошли на стропила для крыши. Саму кровлю пришлось делать из дерева, камней и бетона. Вымели большинство топлива с острова, все ракушки и известняк.

— И как мы будем делать дверь и окно? — риторически спросил я, когда мы, после ужина, стояли, смотря на страшновато выглядящий домик, из трубы которого валил дым.

— Придумаешь что-то, — усмехнулась Фиона. — Раствор же придумал.

Я лишь вздохнул. Ещё недавно меня боялись армии, решал судьбы городов и десятков тысяч людей. А сейчас построил кривой домик и радуюсь.

Карьерный рост налицо.

Глава 2

В очаге билось пламя, а за мутным окном из рыбьих пузырей хлестал ливень и ярился прибор, добрасывая брызги далеко от берега. Шторм длился уже третий день, и я очень надеюсь, что сегодня-завтра буйство стихии закончится.

Ныне на обед у нас водоросли и одна маленькая рыбка, другой еды нет. Скоро отправлюсь шерстить берег, надеясь, что штормом выкинуло хоть что-то. Но главное не еда, а топливо для печи — без тепла станет совсем плохо. Хотя и тут есть особенности использования дров...

Подкинув ещё угля, бросил взгляд на Фиону, сидящую с прикрытыми глазами и держащую в руках кривую просоленную ветку дерева. На моих глазах она мяла древесину пальцами, превращая её в ровную дощечку, которая пойдёт на дверь.

Трансформация формы материи. Для этого, во времена развитой магии, существовала отдельная сложная руна. Сейчас она не работает, но к бывшей богине магии это не относится. Так же, как и объём резерва. По её словам, если бодрствует, она способна накопить десяток единиц кристаллизации. Что позволяет Фионе использовать более затратные воздействия. В её случае, зачастую, достаточно лишь внятно выраженного желания, но с рунами расход силы меньше.

— Надеюсь, на берег вынесет достаточно дерева, — вздохнул, наблюдая, как она откладывает деревяшку к таким же.

— Не жди многого, мы далеко от материка, — лениво ответила блондинка, подсаживаясь ближе к огню.

— Нам может не хватить топлива на обогрев зимой, особенно, если не решим вопрос с тёплой одеждой.

— Ты думаешь пережить тут зиму? — она недоверчиво хмыкнула, оглядывая тёмную грязную каморку.

Света мало — больше проходило сквозь забитый камнями, деревом и сухой травой дверной проём, чем через окно. Но даже так зрелище то ещё. Пока что сыро, раствор до сих пор отдаёт влагу. Если бы не шторм, то на улице было бы комфортнее.

— Не знаю, сколько будем делать лодку, да и выйдет ли у нас с ней хоть что-то.

План мы с ней придумали ещё во время строительства дома. Сделать лодку, закрытую, по типу спасательного бота. Нужно что-то соображать с парусом, но я в этом совсем не разбираюсь, и то, что изготовим, будет явно не лучшим образцом. А пройти несколько сотен километров на вёслах в полную неизвестность и без информации о погоде... Я больше не тварь скверны для таких рекордов! Отправляться в подобное путешествие полная авантюра.

Не знаю, какие здесь течения, может так статься, что нас наоборот начнёт относить к полюсу. Зато с ориентированием проблем нет: Фиона чувствует основное ядро скверны и два своих старых храма. На основе расстояния между этими точками удалось определить, где мы, не то чтобы совсем точно, но мимо материка не промахнёмся. К сожалению, вопрос течений это не решает.

Дико, по-звериному, жаль потерянную силу. То, что раньше легко пробегалось за несколько часов, сейчас непреодолимая пропасть. Зло сплюнув, я спросил бывшую богиню:

— Ты не можешь подать сигнал, чтобы нас вытащили?

— Кто? — подняла бровь женщина.

— Моя сестра или Элеонора, они смогут собрать экспедицию. Если подать им весточку, нас отсюда выгнать.

— Так далеко? С людьми, с которыми ничем не связана? Нет.

— Значит, выживаем и строим лодку. И, для начала, нам нужно решить проблему с одеждой. Есть мысли?

Она пару минут подумала, всё же, ответив:

— Думаю, если рядом будет что-то крупное, смогу приманить на берег. Кита или тюленя.

— О, у нас будет кожа и мясо? И жир? — немного воспрянул духом, прикидывая, куда мы можем пустить такое богатство.

— Если не буду тратить ману на работы и сидеть в засаде на берегу...

Я поморщился и бросил взгляд за окно. От камней и раствора пола несло холодом, и тянуло сквозняком воздух в печку. Нужна мебель, шкуры, нормальная дверь. Так что, тяжело вздохнув, протянул руку вперёд:

— Принимай ману.

Прохладная ладонь опустилась в мою, и маленький огонёк силы, что я накопил, потёк в её сторону. Как бы мне не хотелось развиваться в магии самому, но такое нерациональное использование силы мы позволить себе не можем. Каждая крупница энергии должна идти в дело. Сейчас вот — на дверь.

Шторм продлился ещё два дня, и только потом, как море немного успокоилось, появилась возможность работать снаружи. Буйство стихии оставило нам заваленный мусором пляж и несколько оставшихся на берегу крупных рыббин.

Устроив себе короткий пир, мы, однако, не теряя времени, продолжили разбирать добро на пляже. Раковины, пара трупиков чаек, с которых сняли кожу и перья, уголь, ещё я отбирал ряд камней. Вынесло немало угля и плавника, несколько больших стволов, которые пойдут на лодку. Или на мебель, если не будет других вариантов. Скучать совершенно некогда.

Дом обзавёлся дверью и небольшим навесом рядом, под которым сушилась крапива и простая трава. Выварили соли, засаливая излишки рыбы. Топлива для огня после шторма принесло достаточно много, всё перенесли, сложили возле дома. Через пару дней пришлось-таки сделать подобие кроватей. Мороз усиливался, и спать на лежанке из плавника стало совсем плохо.

На улице с каждым днём стремительно холодало. Собрали всю траву, высушили на печи, пытаюсь сплести из неё какое-то подобие циновок, повесить на дверь, положить на кровати. С едой хуже, от рыбы уже тошнит, хорошо, что кислые ягоды оказались съедобны, немного добавляли в рацион разнообразия и витаминов.

В один из дней, я рыбачил, когда сидящая недалеко Фиона встрепенулась:

— Бросай удочку, тут есть кое-кто крупнее!

Проследив её взгляд, увидел, как волны прибоя прорезало большое тело, и на берег выбрался тюлень. Осторожно положив удочку, выхватил кинжал и бросился на пляж, прыгая по камням со скалы, где удил рыбу. Несколько шагов по гальке, и вот клинок вскрывает горло, с трудом пробившись сквозь слой жира.

Отскочив назад, посмотрел, как бьётся на пляже тело, сбросив контроль Фионы и пытаюсь уползти. Но, очень быстро слабея от бьющей из распоротого до кости горла крови. Оббежав, я стал отгонять тюленя от прибоя взмахами кинжала, пока он окончательно не замер.

— Добытчица! — радостно воскликнул я, бросаясь к туше, приговаривая: — Мясо! Наконец, мясо! Шкура на одежду!

В почти двухметровом теле, которое я стал разделывать, дождавшись, когда он ослабел достаточно, чтобы добить ударом кинжала в глазницу, оказалось очень много жира. Но самое главное, конечно, это шкура.

Я снимал её очень осторожно, стараясь не допустить ни малейшего повреждения, мечтая о новой куртке, способной прикрыть от пронизывающего до костей ветра. Фиона рядом тоже жадно потирала ладони.

— Сегодня хоть поедим нормально! Не рыбу! — вырвались из неё слова, пока я отделял жир от мяса и кожи.

— Я думал, древние богини — существа бестелесные, и тебе без разницы, что есть, — широко усмехнулся, откладывая кусок жира в сторону.

А сам втихомолку радуясь, что она начинает оттаивать. Фиона мало разговаривает, отвечает, если спрошу что-либо, иногда язвит. Но, в основном, почти всегда молчит. Я бы сказал «золото, а не женщина», но в тишине острова, на котором только мы двое, подобное напрягает.

Следующие её слова, вышли не столь благостны:

— Замолкни. Благодаря тебе я тут оказалась! Без силы, в грязных обносках и постоянном холоде!

— Если бы одна лесная ведьма не вбила себе в голову, что ей нужны новые «инструменты», ничего бы этого не было. До сих пор бы висела в своём гнезде овощем, ожидая непонятно чего! — окрысился я в ответ на её внезапную вспышку ярости.

— Явно лучше там, чем здесь, — едко сплюнула она слова, обводя рукой берег.

— Что, плохо без силёнок заёмных, «богиня»? — хмыкнул, вставая и держа в руках вымазанный в крови кинжал.

Всю ману она потратила на то, чтобы приманить тюленя. Сейчас передо мной просто женщина, меньше и слабее меня. Фиона пылала злобой, практически ощутимой ненавистью. Но атаковать не решалась.

Поморщившись, я повернулся к ней боком, бросил взгляд на море и тяжело выдохнул:

— Мне тоже плохо. У тебя хоть какая-то магия есть...

— Это не магия, это жалкие ни на что не годные остатки!

— Это ты зря. Просто используются они неправильно...

— Ты знаешь лучше, как нужно? Расскажи об этом. Мне! — презрительно рассмеялась женщина.

— За ужином. Работа не ждёт! — отмахнулся, возвращаясь к разделке. Поругаться мы можем и потом.

Уже вечером, когда мясо оказалось частично засолено, частично коптилось на улице, а кости я сгрузил в небольшой заводи на будущее — крабов приманить, да и даже таким материалом в наших условиях грех разбрасываться — когда мы отдыхали после жареного мяса на ужин, я вернулся к теме магии:

— Да, мощные воздействия совершать нельзя. Но есть много мелочей, для которых подобной силы достаточно. Особенно, если подавать её постоянно почти предельными импульсами. Ты же видела множество устройств у меня в памяти? Вы бы смогли сделать что-то подобное, главное, добиться равномерной подачи энергии.

— Это бесполезно. Сила рун будет угасать со временем, и не останется способа

проявлять ману каким-либо гарантированным способом, лишь спонтанными выплесками.

— Она угасает? — нахмурился я. — Не знал.

— В первые пятьдесят лет после катастрофы руна трансформации ещё работала. Сейчас нет. Лет через двести перестанут работать и самые простые, вроде огня или движения.

— Значит, та магия, что есть сейчас, полностью исчезнет? А как же алхимия?

— Не будет рун, не смогут вложить какое-либо воздействие в раствор. Всё обучение магии сводится к повторению рун и их сочетаний. И как следующий этап, осуществление воздействий уже самостоятельно. Не будет этого, останутся только попытки повторить воздействие эффектов скверны.

Она поморщилась и, покачав головой, добавила:

— Это не магия. Просто крохоборство.

— Почему слабеют руны? Они же на тебя завязаны? Ты тоже слабеешь?

— Прежде всего, они были выжжены в магическом эфире, окружающем нас. Я всегда была просто его проявлением. Как и все мы.

— Вот почему скверна, а не попытка возродить магию даже в таком виде, да? Это не имеет будущего?

— Так я считала, пока не появился ты, — кивнула бывшая богиня.

— Что же тебя так воодушевило? — поднял бровь.

Она усмехнулась, и с сильным акцентом произнесла на русском:

— Розетки.

Я замер, осмысляя сказанное, а она, тем временем, усмехнувшись, разъяснила свою мысль:

— Ты ведь, наверное, и не понял. Сама концепция подачи силы в каждый дом, её хранение и использование подобным образом... Пока я не разобралась, что вы не используете магию, считала, будто построили систему передачи маны на весь город. Когда возможность восполнить её для артефактов есть везде.

— Для этого надо знать, какой из дешёвых материалов проводит силу лучше всего. Но, как мне кажется, сделать подобное можно. А с учётом того, что для выделения из кристалла маны обратно, нужно приложить просто много энергии... Да совместить это с электростанциями...

— Э-лек-три-чес-тво, — по слогам произнесла она. — Вот основа всего, что я видела, так?

— В быту, во многом, так и есть. Хотя самодвижущиеся экипажи работают на земляном масле. Правда, есть и электрические машины, но энергия для них берётся, в основном, из сжигания всего подряд. Но есть и более сложные системы получения энергии, конечно.

— И оружие.

— В первую очередь, — согласился я.

— И кое-что ты уже принёс в наш мир.

— Не я, так другой. Идея лежит на поверхности. А ещё по поводу рун, то исходя из твоей логики, они уже не должны были работать. Значит, есть что-то ещё, позволяющее им существовать. Так что, богиня, скажи, насколько вам была важна вера людей?

— Она двигала магические потоки, изначально сформировавшие нас, — поморщилась она. — Многие не любят об этом вспоминать, и даже искренне считают наоборот, но мы появились позже, чем разумные.

— Да вас и не было, пока люди не развились, чтобы начать строить идолов, овладеть

огнём и началами магии, — хмыкнул я, вспоминая те картины, что видел у неё в памяти.

— Бог охоты и грозы, который потом стал главой «пантеона», считал, что он появился раньше людей, — криво усмехнулась Фиона.

— Так может и руны стали слабеть, потому что стало мало магов?

— Скорее всего, всё вместе.

— Значит, если магов станет опять много, и получится создать сеть передачи силы, не затухающей ни на секунду, то и руны могут опять работать? Или, по крайней мере, перестать ослабляться.

— До тебя не считала подобное выполнимым. Сейчас? Не знаю. Даже не представляла, что вероятно такое огромное население в мире. Возможно и так, этого хватит поддерживать руны. Ты предлагаешь учить магии совсем всех?

— Как у нас, преподавание в школе. Всех учили музыке и рисованию, но музыкантами и художниками, однако, становились не все.

— Да... Всеобщее образование... Победа голода, одна из основных проблем людей — ожирение. Знаю, что не врешь, но в голове не помещается.

— Другое общество, другие проблемы. Хотя начинали мы ровно также, пусть и без всякой нечеловеческой живности. И магии.

Она немного помолчала и задумчиво спросила:

— Как думаешь, спустя сколько лет наш мир дорастёт до подобного?

Я почесал в затылке, раздумывая. С одной стороны, очень много сил образованных людей тратится на магию. Но она же и продвинула некоторые области, вроде химии, очень далеко. Да те же знания о наличии микроорганизмов, оставшиеся от старых времён, это не средневековье. И если начнут использовать все знания, что накопили, в практической плоскости технологий...

— Сам? Лет двести-триста. Возможно и быстрее. Я ввёл в обиход тип пороха, который отстоит от того времени, где я родился, немногим более, чем сотню лет, а оружие лучше всего подстёгивает прогресс.

Она поморщилась, но, кивнув своим мыслям, уточнила:

— А не сам? Если ты сможешь придумать ещё что-то?

— Даже не нужно изобретать. Достаточно экономических и социальных условий, и использования того, что вы уже придумали. Оружие тянет за собой добычу и обработку металлов, порох — химию. Что-то из этих дисциплин, наверное, вспомню, когда увижу сами процессы. И найдутся люди, которые будут меня слушать и тратить кучу времени на попытки это воспроизвести. Хотя, как мне кажется, мои знания не главное.

— А что же? — приподняла она бровь.

Я пожал плечами:

— Вводим всеобщее образование, систему высших и специальных учебных заведений. И уже через пятьдесят лет ты не узнаешь мир вокруг. Если систематизировать ваши знания и разложить их на тысячи областей и миллионы человек, то всё будет очень быстро.

— Так было у вас?

— Сильнее всего в последние сто лет. До этого всё не сильно отличалось от того, что есть тут.

— Значит, вот зачем ты ввязался в эту историю на полуденных островах? — хмыкнула женщина, заведя прядь волос за длинное ушко. — На мелочи решил не размениваться?

— И не бросать же людей, — пожал плечами. — Я бы всё равно ничего не успел, жить

мне оставалось не больше пары лет даже без срыва.

— Но сейчас можешь успеть больше...

— Могу. Но пока мы с тобой сидим на острове, и неизвестно, переживём ли следующий месяц. А за это время, без силы, которой я лишился, на островах всё может развалиться.

— Ты не можешь ничего сделать. Сейчас мы зависим только от погоды.

— И от топлива, что приносит море, — согласился я.

На этом в этот вечер наше общение угасло, и мы достаточно быстро легли спать. Утром стало не до абстрактных разговоров, началась история с обработкой кожи. Сложить из камней небольшую кадку, промазать раствором. Пока сохнет, заняться попытками сохранить жир, вытапливая его в печке.

Очень сильно не хватает посуды. Нет на острове глины, может, получится найти, если перепахать единственную лощинку, где есть растения, но слишком жалко губить плодородную землю.

Что-то выходит сделать из дерева, используем большие раковины, пару больших кадок я и вовсе из раствора слепил. В них как раз жир и заливал. Будет на зиму дополнительная подушка безопасности.

На следующий день нам немного повезло: проснулись с утра под птичий гвалт. И не от той маленькой колонии чаек, что живёт на острове, а огромной стаи здоровенных птиц, похожих на гусей. Они облепили весь остров, видимо, отдыхая от перелёта.

Аккуратно приоткрыв входную дверь, скрипнул зубами. Такое богатство, но начни я бить птицу, большая часть просто улетит. Смерив взглядом шикарный птичий пух, повернулся к Фионе. Та выглянула во двор и приказала:

— Открывай дверь, попробую приманить.

Я кивнул и встал сбоку, так, чтобы нас было не видно. Женщина прикрыла глаза, и через пару секунд огромная жирная птица вальяжно направилась в сторону нашего дома. Так же вальяжно добыча зашла внутрь, и тут же попала ко мне в руки. Прижав её к груди, чтобы не шумела крыльями, свернул шею и, выждав полминуты, закинул под нары.

— Маны! — велела женщина, протягивая ко мне ладонь.

В таком режиме мы проработали до самого вечера, а потом и ночь, уже отлавливая птиц не в доме, а отходя подальше — рядом птица кончилась. Тем не менее, когда утром стая поднялась и улетела, она не досчиталась трёх десятков особей. А мы, поспав пару часов, всю стали солить мясо, жарить, печь и коптить.

Основное, конечно, это не мясо, а несколько килограммов пуха и перьев. После этого наши планы по строительству лодки отошли на длительный срок. Мы занимались заготовкой мяса, а всё остальное время кожей. Постоянно разминая, вымачивая. Сначала в воде с золой, потом в воде с известью, где получилось лучше.

Попробовали поварить с шишками и иголками. Не знаю, есть ли толк, но вот иголки после этого стали мягкие, похожие на волоски. Тоже были отложены в сторону. Кожа смазывалась жиром и отмокала опять.

По ночам уже сильно подмораживало, и вопрос сохранения мяса решался каждый день сам собой. Но главное, мы разбирались с одеждой.

— Стой ровно, — хмуро скомандовала Фиона, прикладывая к спине и плечам кусок кожи.

Я повиновался, расставив в стороны руки. Женщина приложила куски материала друг к другу и выдала импульс силы, а перехватив кожу в другом месте, следующий. Такая вот

примерка сразу вместе с работой. Накопив больше силы, сделала ещё два десятка сантиметров «шва».

Так, за неделю, она сообразила мне куртку до пояса, а потом и себе нормальные штаны, престав смущать мелькающей голой задницей. Следом, мы стали нашивать на мою куртку второй слой кожи, забивая пухом расстояние между ними аккуратными ромбиками. Без этого уже стало совсем никак. Очень холодно.

Из приятных неожиданностей, мы забили ещё двоих тюленей и несколько перелётных птиц. Кожа есть, пух тоже. Также бывшая богиня соображает по вечерам пряжу из волокон крапивы вперемешку с волокнами из еловых колючек. Обещает новую рубашку сделать.

Сложнее всего с топливом. Накопить хоть что-то на строительство лодки за зиму не выйдет. Всё, что приносит океан, уходит в печную топку. У меня были мысли заняться кузнечным делом, выковать нам хотя бы иголки, да и так в быту много чего нужно... Но всё это пришлось прикрыть: нет топлива.

Вот и сейчас, проснувшись с первыми лучами солнца, я накинул куртку, которой накрывался ночью, и первым делом шагнул к печке, раздувая угольки и подкидывая дерева. Дома, на удивление, тепло, если постоянно топить. Но стоит хоть немного выморозить помещение...

Натянув сапоги из кожи, отворил дверь и быстро выскользнул наружу, чтобы не выпустить тепло. Вдохнув холодный, влажный воздух, оглянулся вокруг.

— Лепота!

Два дня до этого сильно штормило. Распогодилось только утром. Но сейчас с голубого неба ярко светило Солнце, весь остров засыпан снегом, а от нашего дома, отходит всего две прочищенные тропинки: на берег да в небольшую будку, сложенную из камней. Я не мог не построить туалет, куда же без этого.

Наклонившись, подобрал снега и, потеряв им лицо, отправился по важным утренним делам. В первую очередь, ещё до завтрака, пошёл на берег проверять, что принесло беспокойное море. Может, удастся разжиться крабом или другим чем-нибудь вкусным. Мы каждого шторма ждём с нетерпением.

Я хрустел обувью по снегу, стараясь идти побыстрее. Носки, связанные Фионой, помогают, но всё равно прохладно, как-никак зима в самом разгаре. Берег, как и всегда в последние месяцы, встретил меня льдинами и заваленным мусором и обломками льда.

Я шёл по краю песка, откидывая от линии прибоя всё полезное, чтобы не унесло морем. Уже потом буду сортировать и нести домой. Пока этот шторм не очень удачно выглядит, надеюсь, следующий принесёт больше всего. Видимо, придётся немного урезать норму топлива на день.

Так, погруженный в свои мысли, я обошёл почти весь остров, изредка бросая взгляды по сторонам, мельком посмотрев на океан. Замер. В сотне метров от берега, по морской глади, парил корабль.

Небольшой, даже отсюда были видны проблемы с мачтами. Но, тем не менее, корабль. Я тупо смотрел на него, хлопая глазами, не складывалось у меня в голове подобное зрелище.

А потом громко закричал:

— Эгегей!

И побежал в сторону дома, сверкая пятками. Неужели наше заточение на этом острове заканчивается?

— Что случилось? — вскинула заспанные глаза Фиона, когда я ворвался в дом.

— Корабль!

Она вскочила с кровати, пытаясь попасть ногами в свои сапожки, и, накинув куртку, устремилась на выход. Я же, выпустив её наружу, закрыл дверь, последовав за ней к берегу. К тому моменту, когда мы прибежали на пляж, корабль подошёл ещё ближе, а от него в нашу сторону направились шлюпка.

— Можешь сказать, что за люди? — прищурился я, смотря на полдюжины крепких мужиков с оружием на поясе или в руках.

Смущало меня количество шрамов на лицах, а когда они подошли ближе, на сбившейся на затылок шапке одного мелькнуло клеймо.

— Нет смысла тратить ману, сам всё видишь, — скривилась Фиона. — Если будем сражаться, смогу ошеломить двоих, не больше.

Кивнул, внимательно осматривая оружие возможных противников. Три лучника, сейчас держащие нас на прицеле, у которых мелькнули ещё и сабли на поясе. Тем временем, лодка поскребла днищем по гальке, и на берег выпрыгнуло трое мужчин. Меч, копьё, сабля.

Сошедшие на землю оружием пока не угрожали, но из шлюпки в нас продолжали целиться. Да и те, кто на земле, держались грамотно, не перекрывая линию выстрела.

Воин с мечом оглядел нашу кустарную одежду и, презрительно усмехнувшись, спросил:

— И давно вы тут?

— Достаточно, чтобы больше всего хотелось это место покинуть, — благожелательно улыбнулся я, стараясь всем видом показать радость. — Но как в этом забытом богами месте оказался ваш корабль?

— Шторм, — сплюнул тот. — Радуйтесь, избавление пришло. Так что кинжал на землю, мордой в снег, руки за спину!

— Зачем? — изобразил недоумение. — На материке у нас найдутся возможности оплатить путешествие, достаточно обратиться в банк.

— Тем более, — ощерил губы в кривой гримасе пират и потянул из ножен меч.

Дальше я ждать не стал, бросившись вперёд и вынимая клинок из ножен. Остановил поднимающийся в замахе меч кинжалом, а сам ударил левой рукой в шею. Он отступил назад, хрипя перебитым горлом. Но я не позволял разорвать дистанцию, прикрываясь им от лучников.

Удар кинжалом в горло добил его. Я, выхватив меч из слабеющей руки, парировал удар копьём. Свернул корпус, уходя от ещё одной атаки и сместился вперёд, одновременно нанося удар по руке, держащей древко. Хрустнула кость, и конечность повисла на обломках недорубленных мышц.

Отбив в сторону неловкую попытку укола с одной руки, резанул по горлу. И, выхватывая копьё, перекинул меч Фионе. Спасаясь, от выпада сабли, припал к земле. Укол в голову, ногу, грудь, голову. Короткое остриё копья вошло в распахнутый в крике рот, отшвырнув мёртвое тело назад.

Не останавливаться ни на секунду! Мимо пролетела стрела, обдав щёку дуновением ветра, и я большими скачками понёсся в сторону шлюпки, смотря в глаза натягивающему тетиву лучнику. Рядом бежала бывшая богиня, опережая меня на пару шагов. Видя, как

стрелок переводит наконечник стрелы на неё, я метнул копьё.

Нас разделяло метров пять, но он успел юркнуть за борт и, бросив лук, выхватить сабельку. Моё же копьё пролетело над плечом и ушло за борт с другой стороны лодки. Но главное, что Фиона смогла запрыгнуть на нос, и обрушить на него меч.

Через пару секунд я тоже оказался на борту, кинувшись к открывшему рот с повисшей на бороде ниточкой слюны пирату: Фиона кинула обещанное ошеломление. Кулак раскрошил бандиту зубы, отбросив бессознательно тело назад, а удар ребром ладони раздробил трахею второму.

Вырвав саблю из ножен хрипящего будущего трупа, я атаковал противника Фионы. Впрочем, она уже ранила в бедро, так что я подгадал момент, когда он отвлёкся на её атаку, и взмах сабли лишил бандита клеймённой головы.

Тяжело дыша, мы замерли, оглядывая трупы и раненых врагов. Гулко билось в груди сердце да хрипел смятым горлом один из пиратов.

— Оставил пленного? Хорошо, — между попытками отдышаться похвалила меня блондинка.

— Ты меня сражаться ещё поучи, женщина, — хмыкнул, выкидывая тела на берег.

— С мечом ты не мастер, — усмехнулась блондинка, спрыгивая на землю.

— Меч — оружие самообороны! Главное — копьё! — степенно ответил я, пинком, отправляя срубленную голову в море.

Про то, что она со всеми своими знаниями финтов и приёмов победить меня в спарринге на мечах уже не может, я добавлять не стал. В конце концов, я просто сильнее и быстрее. Мы пробовали неоднократно. В форме поддерживать себя нужно, без тренировок навыки теряются. Да и что делать зимой на острове, кроме тренировок в магии, фехтовании и настольных игр?

— Что делать будем, Бьёрн?

Она кинула задумчивый взгляд на корабль, на кучу трупов на берегу, добавив:

— Пираты не простят убийство своих.

— И что они сделают? Не вижу у них второй шлюпки. Что, выкинут корабль на берег?

— Зачем на берег? — и она кивнула на прибитую подальше к пляжу льдину.

— Твою же мать...

Тяжело вздохнув, спрыгнул на мерзлый песок и стал раздевать тела. Удалось найти одну бесформенную кольчугу, которая смогла налезть на куртку, шлем. Вытащив из воды копьё, бросил взгляд на, надевающую залитую кровью кольчугу, Фиону.

Затянув пояс с ножнами, она повесила на него колчан, который наполнила стрелами. Я перепоясался ножнами с мечом и посмотрел на пленного. Время для допроса нет, так что, крепко того связав, мы выдвинулись в сторону льдины.

На корабле должно быть ещё около сорока человек. Скрипнув зубами, поморщился от воспоминаний о силе скверны. Раньше подобная ватага не была проблемой...

— Жаль, щита нет, без него трудно.

— Можно было сдаться, накопила бы маны — освободились, — изображая равнодушие, пожала она плечами.

— На корабле у нас не будет манёвра, и сражаться труднее, особенно, если бы не уничтожили десантную партию.

— Могли ночью их вырезать.

— И что бы они с тобой до ночи делали? — сплюнул я.

Блондинка замолкла. Тем временем, корабль нас немного опередил, и на лёд уже прыгивали пираты. Полтора десятка человек сходу взялись за луки и побежали в нашу сторону. Но, нам на льдину и не нужно, мы остановились на месте первой стоянки, прикрытые с трёх сторон камнями.

Я протянул руку, хмуро сказав:

— Забирай силу.

Она взяла меня за ладонь, принимая ману, и наложила первую стрелу на тетиву. Держаться тут мы сможем довольно долго, а если они решат пробиться в рукопашную, то уж несколько человек я с собой заберу.

— Не отвлекай, я буду помогать себе магией.

Уколов палец, она мазнула оперение стрелы кровью и замерла, внимательно смотря на окружающих наше пристанище пиратов. Хлопок тетивы, и один из мужчин упал на землю со стрелой в бедре. Через минуту ещё один, а потом она добила шипящего от боли первого.

Враги попрятались среди камней, а через пару минут в нашу сторону пошёл строй из полутора десятков противников, прикрытых тяжёлыми щитами. Фиона смогла снять ещё двоих, прикрывающих их лучников, но и всё.

Они быстро дошли, хотя и были вынуждены спрятаться за камнями, дальше их не пускало расстояние между глыбами. Двое крепких бойцов оказались передо мной, а позади раздалась команда: «высокий!».

Я, не растерявшись, воткнул копьё в лицо поплывшего и опустившего щит от удара ментальной магией человека. Увернуться от выпада второго, быстро уколоть в ногу и тут же в лицо.

Следующий укол в бедро заставил его захромать и отступить назад. Правда, тут же это место занял другой. Немного нерасторопно, он запнулся о тело, на мгновение открыв мне бок. И я своего не упустил, вбив туда наконечник копья. Тут же парировал чужое копьё, нанёс серию уколов в ответ, один из которых, в держащую оружие руку, прошёл. Бросив щит, раненный в бок, пытался отползти назад. Мимоходом добив его ударом в шею, поднял щит и перекинул назад. Пригодится.

Желающие идти вперёд временно кончились. Уж очень для их команды велики потери. Так что я отступил, встав на колени и прикрывшись трофейным щитом.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил женщину за запинки и «подскальзывания» пиратов.

— Надолго силы не хватит, — хмуро ответила Фиона, выпустив очередную стрелу.

— Надо было изготовить хранилища, — согласился я.

Хотя раньше нам были не нужны накопители маны. Она тратила всё, что мы получали, на бытовые мелочи, куда уж тут что-то скопить. Впрочем, если бы не успели изготовить ту же одежду, до боя могли и не дожить.

Пока же, я вопросительно посмотрел на Фиону, высунувшуюся на миг из-за камня.

— Обсуждают.

Вторя её словам, из-за камня раздался хриплый голос:

— Выходите по-хорошему, тогда мы вас просто милосердно убьём!

— Приди и возьми, если жизнь не мила! — крикнул я.

На этом переговоры кончились, а пару минут спустя раздались уверенные шаги. Нахмурившись, Фиона, поведя носом, тихо прошептала:

— Скверна. Он принял зелье.

— Сможешь помешать ему? Сила ещё есть?

— Смогу, — твёрдо кивнула она. — Но не промахнись, я почти всё потратила.

Отдав ей щит, поднялся и встал в стойку. Копьё уверенно лежит в ладонях, тело в меру расслабленно и напряжено. Радует, что сейчас в руках лёгкое оружие, а не привычная рогатина. Без скверны каждый грамм веса очень важен, а мне потребуется вся возможная скорость.

Из-за камня вышел коренастый крепкий мужчина в дорогой кирасе и открытом шлеме северного образца. Доспех не полный: наручи, кольчужная юбка и всё. В море полные латы и нельзя носить. Длинный узкий меч, лёгкий щит в левой руке. Плохо. Щит всё сильно портит.

Атаковал я первым. Укол в бедро, голову, колено. Сместить наконечник на отходе, немного порезав ему ногу. Шаг назад, немного отпустив копье, когда он парировал атаку мечом. Под усилением легко можно перерубить древко, если оно будет сильно зафиксировано.

Свистнувший меч врага перешёл в следующую позицию, максимально мягко переходя из одного движения в другое. Враг явно далеко не первый раз под зельями работает, повышенную инерцию оружия в связи с возросшей силой, учитывает. Я вынужденно отступал, нанося уколы в руки и ноги. За спиной замаячили камни и свистнула стрела, заставив мужчину вскинуть щит, закрывая лицо.

К сожалению, от моего укола в колено пират спасся, отпрыгнув назад. И тут же метнулся вперёд, отводя щитом копье и нанося укол мне в грудь. Очень быстро. Но, к несчастью, именно в этот момент бывшая богиня магии атаковала магией, на долю мгновения оглушив врага. Он взмахнул мечом, пытаясь, сохранить равновесие.

Шаг вперёд, и локоть ломает дезориентированному противнику нос, вбивая хрящи в мозг. По кольчуге проскрипел неловкий удар мечом, и враг отлетел назад, растянувшись на земле замертво.

— Благодарю, — кивнул Фионе, а сам бросился к трупам, проверяя его пояс. Мешок с монетами, огниво, кинжал, и, бинго! Распахнув подсумок, достал небольшой флакон мутного стекла с янтарной жидкостью внутри. Зелье повышенной регенерации.

Сглотнув, осторожно разместил у себя на поясе и отступил назад. Практически тут же нас атаковали ещё трое, и я опять был вынужден беспрестанно колоть, пытаюсь их сдерживать, пока одному из них в бедро не прилетела стрела, а второй запнулся от ментальной атаки. Атака в пах заставила его завизжать, прикрывая рукой повреждённое место. Щёлкнула тетива, и недобиток получил стрелу в раскрытый в крике рот, замолкнув навсегда.

— Отходим, братва! Там маг! — зычно скомандовал один из бандитов.

На этом нападение закончилось. Подождав пару минут, выглянул из укрытия и обнаружил, что пираты отступают. Их капитан мёртв, много убитых и раненых. Они, конечно, могут продолжать, но тогда им уже будет сложно управлять кораблём.

Отходили они осторожно, не забывая закидывать наше убежище стрелами. И лишь когда стало слишком далеко для стрел, развернулись и побежали на корабль, помогая раненым.

— К шлюпке! — скомандовал, бросаясь в другую сторону.

Больше всего боюсь, что они угонят или испортят наш шанс на побег с острова. Но всё оказалось в порядке, они спешно грузились на корабль, собираясь отплывать от льдины. Я скрипнул зубами и на всякий случай поинтересовался у бывшей богини:

— Ты не умеешь подобным кораблём управлять?

— Я раньше подобных и не видела. Столько парусов...

Ну да, трёхмачтовик с таким развитым парусным вооружением я тоже до этого видел только мельком в порту. Это вершина развития местных корабелов, и такие корабли производят-то лет десять-пятнадцать. Он бы домчал нас до материка за несколько дней. Но не сложилось.

— Значит, будем учиться на шлюпке, — вздохнул я, окидывая довольным взглядом судёнышко. Особенно меня обрадовало, что по центру лодки лежала снятая мачта со сложенным парусом.

А самое главное, отныне у нас есть страховка: пальцы трепетно пробежали по поясу, где лежало зелье. Не важно, для чего оно предназначено, главное — содержание скверны. Мы выберемся с этого острова. Теперь уже точно.

Жаль, что хорошее настроение испортила необходимость разговора с ненужным нам больше пленным. Вернувшись на берег, я нашёл того плачущим, провожая глазами отходящий от льдины корабль. Увидев меня, пират что-то нечленораздельное прошепелявил, сплёвывая кровь.

И зачем, спрашивается, брал языка? В драке бы всё было легко и просто, но вот сейчас... Оставить в живых? Это к себе в дом пускать, иначе околет уже через пару часов. Допрашивать? Не буду.

Не хочу видеть в очередном убитом живого человека с его мыслями, проблемами и мечтами. Пусть останется безымянным пиратом, которому не повезло. Бандита уже трясло от холода, он лишь и мог, что бросать на меня полные тоскливой надежды взгляды.

— Пощади! — всё же, прошептал пират, когда я тычком копья заставил его встать на колени и сорвал с головы шлем.

Отступив ему за спину, выхватил саблю и нанёс удар. Безголовое тело упало на присыпанную снегом гальку, а я дрогнувшей рукой вытер клинок об одежду трупа и убрал в ножны.

Мерзко. Нагнувшись, зачерпнул снега и вытер лицо. В душе, шевельнулась жалость. Но вряд ли он бы нас пощадил, да и вариантов нет, так что подхватил тело за ноги и потащил к остальным, оставляя кровавую дорожку за собой.

Хотелось напиться. Но вместо этого проводил взглядом уходящий корабль, сходил, позвал Фиону, и мы принялись осматривать и раздевать трупы, собирая всё полезное, что нашли.

Сами тела оттащил к пытающимся выжить деревьям и там аккуратно разложил. Насыпать бы песка сверху, но придётся подождать до весны. А пока пусть лежат.

Получили много оружия, доспехов, одежды. И что самое приятное, у одного из них нашлось немного крупы. С огромным удовольствием мы, наконец, поели что-то другое, кроме рыбы и мяса.

Их плащи утеплили наше жилище, часть одежды, что покрепче, пустили на укрепление паруса у лодки, который оказался не в очень хорошем состоянии. Но всё это приятные хлопоты. Через неделю прошёл удачный шторм, принёсший несколько больших брёвен и другой мелочи, и мы перестали бояться замёрзнуть.

— Меньше грани, — попросила лежащая на своей кровати Фиона, смотря, как я шпифую кусок камня.

— Могла изменить форму, как тебе вздумается, — проворчал в ответ, поднимая

блеснувший кристалл и рассматривая его в свете коптящей на жиру лампы.

— Будет хуже держать ману, если создавать хранилище с помощью магии, — хмыкнула она, лениво заплетая волосы в косу.

Сегодня у нас банный день, так что разогрели помещение посильнее и по очереди мылись. Могли бы и вместе, такое ощущение, что на собственную наготу Фионе полностью наплевать. Да и у меня её бесспорно красивое тело вызывает больше опаску своей чужеродностью. Нельзя даже сказать, с чем подобное связано...

У неё не растут волосы на теле ниже головы, но это скорее плюс. Однако, всё равно ощущение, что она что-то совсем другое, не человек, постоянно давит. И это больше относится к её изначальной природе, чем к эльфийскому телу, что Фиона занимает.

Конечно, смущает иногда, но чаще отношусь к женщине, как к неведомой херне, от которой непонятно чего ждать. Да и отношения у нас не сильно дружеские. Не говоря уже о том, что кое-где меня ждёт целая принцесса. Хотя в текущих условиях Элеонора бы меня простила. Наверное.

Нужны накопители — небольшие, очень твёрдые камни, которые после огранки и полировки смогут лучше удерживать силу. Их обработка — это очень проблемно: на хранилища идут максимально твёрдые кристаллы. Но не отвертеться от работы, они наша страховка в путешествии, как и флакон с зельем, на случай, если что-то пойдёт не так.

— Удивлён, что ты не стала принимать зелье. Не хочешь вернуть былую силу?

— А ты? Не желаешь опять стать полубогом?

— На год, а потом умереть? Не очень. Но, всё же, почему?

— Успею ещё. Никогда не существовала так долго сама по себе. В лесу, это не жизнь, просто сон в попытке дождаться, когда скверна станет достаточно сильна.

— А до этого? До катастрофы?

Она придиричиво оглядела заплетённую косу и, задумчиво смотря на то, как я подкидываю дров в печку, протянула:

— Аватар почти всегда имеет свою волю, в его теле ты лишь гость или захватчик. Это совсем не то, да и тогда мне не хотелось проявляться надолго. Слишком велик контраст с тем потоком силы, что ты ощущаешь, как вольный дух. Так что, у меня никогда не было возможности долго жить, как смертная. Это необычно. Интересно.

Я лишь хмыкнул, продолжая водить кристаллом по камню. Стать опять сильным очень хочется: добежать до материка, решить все проблемы... Тяга к этому иногда становится нестерпимой, настолько, что мысли прожить полгода вместо десяти не кажется чем-то страшным.

Однако наслаждаться миром вокруг и увидеть своих детей хочется не меньше. Впрочем мысли о том, что уж сейчас, с большим опытом, смогу распорядиться этой силой грамотно, не допуская перегибов и повреждения тела, остаются. Хотя на самом деле это ложь. Например, реши я добежать до материка своими силами, то дорога отнимет у меня несколько лет жизни.

Так что мы создадим запас маны, на случай, если потребуется быстро развернуть очаг скверны, но пользоваться им не будем до последнего. Сейчас с новой одеждой и запасами жить стало проще, так что чрезмерно торопиться с путешествием не будем. И отправимся в путь, как станет теплее.

Хранилища маны, работа с лодкой, всё отнимет много времени. На лодке отгораживали небольшой закуток, натягивая кожу между стальными рёбрами, сделанными из оружия

погибших пиратов. Так же сделали дверь, всё, по возможности, в два слоя, чтобы лучше держало тепло.

Там же и печку-буржуйку сообразили, на которую пошли доспехи. После трансформации стали магией закалка уходит, но нам это совершенно не критично. Поймали ещё пару тюленей, так что появилась возможность закрыть от воды и кусок лодки на носу, обеспечивая отдельное место для дров.

После того, как закончили модернизацию лодки, стали выходить в море. Сначала на полчаса, потом на час, а там и на весь короткий световой день. Не всё выходило хорошо, даже на не таких уж и сильных волнах лодка скрипела и хрустела деревом корпуса. Поэтому, по результатам испытаний, пришлось укреплять металлическими скобами и деревом.

Пробовали топить печку, готовить на ней еду. Главное, немного обеспечить себя теплом в дороге, как минимум горячим питьём.

Так или иначе, когда Солнце начало припекать, а по склонам нашего острова в море побежали ручейки воды, мы выждали ещё неделю и приняли решение выдвигаться.

Я таки засыпал трупы бандитов песком, решив отблагодарить остров, ставший нам домом на столько времени небольшим увеличением плодородных земель.

Мы перенесли вещи на борт, заперли дверь и остановились, смотря на сиротливый каменный домик, непривычно выглядящий без дыма над трубой, которую, к слову, я тоже заткнул куском плавника.

— Это был интересный опыт, — негромко проговорила бывшая богиня.

— Главное, чтобы нам не пришлось повторять подобное в ближайшее время. Но согласен, уютно вышло.

— Посмотрим, что получится у тебя на континенте, Бьёрн.

Развернувшись, она отправилась к лодке. Хмыкнув, последовал за ней, оглянувшись назад только когда шлюпка закачалась на волнах и я взял в руки вёсла, отводя нас от берега.

Остров удалялся, знаменуя собой очередные приключения. И, почему-то, есть у меня ощущение, что я ещё буду вспоминать нашу робинзонаду, как отпуск...

Первые три дня наше путешествие проходило достаточно хорошо. Да, проблем хватало: холодно, влажно, сложности с управлением, в котором мы не специалисты. Моя попытка ловить ветер парусом, создавая постоянное движение в нужном направлении, привела к тому, что шлюпка зачерпнула бортом воды.

Молчаливая Фиона, не выдержав, долго меня материла, отбросив всегдашнюю сдержанность. После этого она попробовала смотреть за парусами сама, и лодка зачерпнула бортом ещё раз. Помирились. Эксперименты прекратили, и я стал чаще работать вёслами.

На четвёртый день погода испортилась. Налетел сильный ветер, хорошо хоть, попутный. Фиона сидела на корме, вцепившись в руль, а я управлял парусами.

— Волна! — крикнул, вцепившись в борт.

Замерло сердце, когда шлюпка рухнула за волной вниз. Чуть повернув парус, облегчённо выдохнул. Стоило бы снять паруса и спокойно переждать шторм, но терять такой попутный ветер...

В очередной раз добрым словом вспомнил наши кожаные пуховики. Тяжёлые и неудобные одежды, но от пронизывающего ледяного ветра спасают очень хорошо. Хуже всего рукам — при подобной погоде нужны полноценные меховые рукавицы, а не лёгкие перчатки. Однако других у нас нет. Фиона обмотала перчатки тряпками, а сверху кожей, ей легче, а мне постоянно нужно работать пальцами.

Через час, окончательно задубев, я убрал паруса и мачту, юркнул в «каюту» и тут же поднёс руки к печке, где Фиона развела огонь. Сама же лесная ведьма замерла, оценивая наше местоположение, и через несколько минут уверенно произнесла:

— Нас несёт к материку, хоть и не прямо.

— Живём! — бодро хмыкнул я, пытаюсь пристроить к печке кружку.

Не выходит, качка слишком сильная. Так что пришлось глотнуть простой воды и потянуться за вяленным тюленьим мясом. Шлюпка скрипела корпусом, пытаюсь не развалиться. После особенно сильного падения, заскрипела и металлом. Отработали по полной программе все наши усиления корпуса, но шторм и не думал стихать.

Немного отогревшись и поев, выполз наружу. Громко выругавшись, подхватил ведро, став вычёрпывать воду. Ведро за ведром, пока не обнаружил трещину в корпусе.

— Фи! Сюда! Трещина! — крикнул, продолжая вычёрпывать воду.

Она вылетела наружу, приложила руку к трещине и крикнула мне в ответ:

— Начну склеивать сейчас — разойдётся сильнее!

Я сплюнул и, вручив ей ведро, положил сверху трещины деревянную плашку, вытащил десяток гвоздей с молотком из ящика на корме и быстро прибил. Вода всё равно сочилась, но уже не так сильно. А там и Фиона смогла поработать, клеивая дерево в доски.

— Надолго не хватит, — предупредила она, трезво оценивая нашу работу.

— Плевать. Главное шторм пережить, — отмахнулся я.

Ни о каком режиме «круиза» после происшествия речи уже не шло. Дремали по очереди, постоянно ожидая новых проблем. Они, разумеется, возникли: начинало светать, когда из-под нашей заплатки опять хлынула вода.

— Да чтобы я ещё когда-нибудь вышел в море! — возопил, подхватывая ведро.

Высунувшая наружу лицо Фиона жалобно сморщилась, когда я опять передал ей ведро, а

сам стал забивать пошедшую дальше трещину. Кое-как залатал, но там и ветер немного утих. И только я собирался идти отогреться, как она недоверчиво прищурилась, разглядывая что-то вдалеке.

— Кажется, земля.

Я ничего в серой снежной хмари не видел, но, эльфийское зрение острее человеческого. Так что оценил слегка утихший шторм, направление ветра и занялся установкой паруса. К тому моменту, когда закончил, что-то уже видел и я. А там судёнышко полетело вперёд, следуя за туго натягивающим паруса ветром.

Час, второй, третий. И вот опасно скрипящий обледеневший корпус, опять набравший немало воды, заскрёб по песку пляжа. Я тут же спрыгнул на промёрзший песок и протащил шлюпку пару метров, пока мог.

Вбил в землю кол, к которому привязал шлюпку и, удостоверившись, что всё хорошо, залетел в «каюту», где трясущимися от холода руками стал стаскивать с себя набравшие воды сапоги.

В печке всю сгорал запас дров, даря живительное тепло. Впереди виднелся лес, топливо больше можно не экономить. Отогрелся, попил горячей воды и, наконец, с чувством выполненного долга, задремал. Доплыли!

Проснулся ночью и, подкинув дров, отправился на разведку. Прошёлся по берегу, немного по лесу, но близких следов людей не нашёл. Срубил несколько сухих деревьев и до рассвета работал топором, обеспечивая нас дровами.

Точное местоположение будем выяснять, как проснётся Фиона, а там и решим, что делать дальше. Как бы мне ни хотелось больше в море не выходить, однако, судя по всему, дальше мы опять продолжим путешествие по воде.

Закончив с дровами, вернулся внутрь каюты, где зевающая женщина готовила завтрак. Удивительно, бывшая богиня очень вкусно готовит. Что называется, дано ей природой. Даже на острове она собирала какие-то травки, сушила, добавляла в мясо или рыбу. С нетерпением жду момента, когда она получит в своё распоряжение нормальный ассортимент продуктов.

После того, как мы набили животы тюленьим мясом, я поинтересовался:

— Где мы?

Она ткнула пальцем в точку на нарисованной на стене угольком карте мира:

— Тут!

— Нехорошо...

Северо-запад материка, эльфийские земли. Если двигаться вдоль линии моря на север, там будут поселения орков. На юг: эльфы, потом болота и драконий архипелаг. Нам удобнее двигаться на север, договориться с орками, нанять нормальный транспорт, и через пару месяцев будем на островах.

Сейчас мы далеко от людей, до ближайшего большого порта орков не меньше тысячи километров. Однако, выбора нет, так что я вздохнул, подхватил топор и поднялся. Нужно срубить пару деревьев, сделать подпорки, поставить шлюпку на бок и залатать трещину, а там уже можно отправляться в дальнейший путь.

Это заняло у нас весь световой день, умаялись страшно. Однако, утром, как взошло Солнце, опять оказались в море. Шли вдоль берега, не отдаляясь больше, чем на полкилометра-километр, и вот тут у нас и началось настоящее изучение парусного дела. Попутный ветер поймать сложно, чаще ветер идёт с материка или на материк, приходится

мудрить с рулём и парусом, двигаясь не прямо, а зигзагом.

Впрочем, плыть всяко лучше, чем идти. К тому же, стало теплеть, и снег всё чаще сменялся дождём, а снасти не леденели. Мы учились ходить под парусом, проходя с каждым днём всё больше, затрачивая на это меньше сил.

К полудню третьего дня шлюпка вошла в небольшую бухту, на берегу которой раскинулась деревня на полсотни домов.

— Шляпу не снимай, — предупредила меня Фиона, когда мы подходили к берегу. А сама бодро выкрикнула приветствие стоящим на небольшом причале эльфам на их языке.

Эльфийская глубинка, насколько я знаю, тут людей очень сильно не любят. Могут и вилы в бок воткнуть, а уж продать испорченной еды сами мёртвые боги велели. Поэтому я свернул парус и скрылся в каюте, не желая показываться местным. Если убедятся что мы вдвоём, и я не на рабском положении, могут и напасть.

Фиона о чём-то бойко переговаривалась с местными, звенела монетами. Осторожно приоткрыв дверь сквозь узкую щель, стал рассматривать происходящее. Она рассказывала историю про путешествие с братом, которому стало нехорошо, посмеиваясь в нужные моменты и плавно переводя разговор на покупку продуктов.

По-хорошему, в деревню вообще не стоило заходить, но желание поесть овощей и хлеба перевешивало всё остальное. Хочется посмотреть, как живут эльфы, но нельзя.

То, что мне видно отсюда, это обычные люди. Пусть и слегка отличающиеся внешне и культурно. Домотканая одежда, лапти, соломенные шляпы. Отличие от любой другой рыбацкой деревни — это безбородость мужчин да длинные заплетённые в косы волосы у некоторых.

Ну и, всё же, некое изящество в одежде и украшениях. Расшитые бисером браслеты, деревянные обручи, не дающие опускаться волосам на лица. Чем больше смотришь, тем сильнее видны отличия. Да и предметы обихода выполнены немного по-другому...

Один из мужчин стоял, опираясь на тятку, на которой по всей длине дровяка шла красивая фигурная резьба, у другого эльфа вилы на плече с резным цветочным орнаментом. Такое ощущение, что красота им важнее функциональности и удобства.

Тем временем, спустя десяток минут общения, принесли корзину с овощами и зеленью, несколько завернутых в холстину буханок хлеба, крупу, одну тушку курицы.

Фиона платила медью, найденной на трупах пиратов. Было у нас и серебро, и даже несколько золотых, но тут это не требуется. Я же нервничал всё сильнее. Мужчины бросали на бывшую богиню недоверчивые взгляды, которые всё чаще поворачивались в сторону каюты.

Блондинка закруглила общение и, расплатившись, быстро вернулась в лодку. Расправила парус, и шлюпка медленно поползла от причала. Только через полсотни метров я позволил себе выдохнуть, а побелевшие пальцы отпустили эфес сабли.

— Лучше нам больше к селениям не приставать, — нахмурилась Фиона, стоило мне только вылезти наружу.

— Что их не устроило? — спросил я, поглядывая на паруса.

Ветерок совсем слабый, еле ползём. Надеюсь, сможем выйти хотя бы из бухты, а там станет лучше. Садиться на вёсла сейчас — ломать всю легенду.

— Деньги не эльфийские, говорю странно. Мне не очень поверили, но живут бедно, а тут настоящие монеты...

— Говоришь странно?

— Эльфийский мне не родной, — пожалала она плечами.

— Главное, не напали, а больше мы с ними не увидимся, — пожал плечами и, достав из корзины, захрустел морковкой, добавив: — Предлагаю заесть это вкусным ужином!

— Корми тебя ещё, — усмехнулась она, тем не менее, просачиваясь в каюту и начиная разбирать купленные продукты.

Я же занялся парусами и рулём, выводя нас из бухты. Про себя радуясь, что хоть в этот раз обошлось без боя. Получить стрелу в брюхо совсем не хочется.

Потихоньку вышли в открытое море, а от печки потянуло вкусными запахами, заставляя сглатывать слюну. Наконец, впервые за полгода, я смог насладиться похлёбкой с курицей, салатом и, самое главное, свежим вкусным хлебом.

После обеда мы прошли совсем недалеко и пристали к берегу, заготовливая дрова. А потом я кинул Фионе деревянный меч и, тяжело вздохнув, попросил:

— Нападай.

Она скривилась, взяв в руки деревяшку, но тут же нанесла боковой удар. Парировать, сместиться, рубануть в ответ. Изогнувшись, женщина пропустила удар мимо и резанула меня по животу. Шаг назад и ещё один удар.

Фиона любит атаковать в момент уклонения. Но получается у неё это редко, вот и сейчас я взвинтил темп, стараясь держать её подальше и всю пользуясь преимуществом в силе и длине рук.

Она красиво сражается, встраиваясь в мои атаки, нанося неожиданные удары. Я сам с удовольствием перенимаю её приёмы, это может однажды мне сильно пригодиться, когда я столкнусь с более сильным противником.

Пять минут на пляже раздавалось только тяжёлое дыхание, звук столкновения деревянных мечей да редкие ругательства. Потом мы разошлись отдышаться и сошлись заново. Три схватки по пять минут, следом немного индивидуальных тренировок.

Особенно я люблю подтрунивать над Фионой, гибкостью. Вот и теперь, я плавно перетекал из продольного шпагата в поперечный, вставая после этого на руки.

— Позёр, — фыркнула блондинка, прокручивая восьмёрку мечом, тренируя связки.

— Просто ты так не можешь, — хмыкнул я.

— Не собираюсь выступать в цирке, — отмахнулась та.

Причём, под шумок, сама тоже старается тянуться, когда я этого не вижу. И, помогая себе магией, потихоньку добивается в этом успеха. А я же просто не хочу потерять хоть часть того, что достиг в бытность заражённым. Нужно поддерживать форму и мастерство, неизвестно, что будет дальше: как нас примут орки, да и эльфийские земли будут тянуться ещё не один день.

После тренировки мы растопили печку как следует и, по очереди, с перерывом в пять минут, окунулись в море. Я шёл вторым, так что ввалился в каюту, постукивая зубами, в одних спешно надетых сразу после ополаскивания штанах.

Так проще мыться, чем растапливать печку, пытаюсь сделать баню внутри каюты. Утром, ещё до восхода Солнца, шлюпка пошла дальше. Очень хочется как можно скорее выбраться из владений эльфов. Как я читал, это в торговых городах и портах они ещё хоть как-то готовы мириться с людьми, но тут вцепятся в глотку, как только увидят человека.

Драконы потеряли не меньше при катастрофе, но там такой ненависти к людям нет. Наверное. В книгах и об эльфийской ненависти указывается очень вскользь. Никому не нужны эльфийские каратели, которых послали за неверно написанное слово.

Было бы остроухих больше, думаю, давно начали войну. Но это никому не нужно, кроме них, а в одиночку страшно. Гадят по мелочи, но при этом активно торгуют, и не только со своими традиционными союзниками, но и с людьми. Кушать хочется всем, какой бы ты гордец не был.

К полудню прошли мимо ещё одной деревеньки, но заходить не стали. Нам оставалось не так уж и далеко до территории орков, когда навстречу выплыл трёхмачтовый корабль.

Очень похожий, как был у пиратов, но больше и богаче украшенный, а на мачте у него бился белый флаг с зелёной веточкой. Эльфы. Видимо, пограничный корабль. И шёл он ровно нам наперерез, явно собираясь поинтересоваться, кто тут в их водах ходит.

Я скрипнул зубами и провёл рукой по поясу с флаконом зелья и накопителями маны.

— Не надо, попробуем обойтись, — отреагировала на мой жест, Фиона. — Всё равно ты не успеешь набрать достаточно сил, а если там есть маги, то поймут, что ты под зельями — точно убьют.

— Маги там точно есть, — согласился, одёргивая полу куртки и скрывая пояс. — Что врать им будем?

— Потерпели крушение? — неуверенно предложила она, смотря на всё ближе подходящий корабль.

— Не похожа наша шлюпка на это, слишком обжитая. Да и оружия полно, — покачал головой я, начиная править ближе к берегу.

— Путешественники?

Я лишь хмыкнул, смотря на приближающийся парусник и прикидывал варианты. Сейчас можно повернуть к берегу и попробовать прорваться по суше. Выйдет ли это? Корабль может высадить десант и отойти севернее, перерезав путь и предупредив пограничников. Идти на юг? По эльфийским землям? Это быстро станет загонной охотой на полностью вражеской территории.

Корабль был всё ближе, а я не мог решить, что делать. Хотя, куда уже суетиться? Будь что будет. Хмыкнув, стал на ходу придумывать легенду:

— Мы маги. Потерпели кораблекрушение, жили долго на острове. После встречи с пиратами заполучили лодку. Я Олаф. Ты...

— Фланиэль, — хмыкнула она. — Росла в человеческом городе, сирота. Случайно попала в академию магии Канта, где мы и познакомились. Именно поэтому говорю с акцентом.

— Рассказывай больше реальных случаев из того, что было на острове, в этом плане не врём.

— В путешествие отправились в попытке найти северное схождение линий силы.

— Такое и правда есть? — поднял я бровь.

— Есть. Не так уж и далеко от нашего острова, но оно на дне моря.

— Удивительно. Это имело связь с тем, что мы оказались именно там?

— Да, прорвать барьер между реальностями там легче.

Я лишь кивнул, продолжая сыпать подробностями:

— Шторм, крушение, чудом выбрались на остров на обломке мачты. Выживали. Потом встретили пиратов. Отправились в путешествие. Можем заплатить за помощь, как только окажемся в любом банке.

— Попробуем, — кивнула она.

Спустя пару минут корабль оказался рядом. А на нас с борта нацелился десяток

лучников. Раздался повелительный оклик, а борта упали верёвки с кошками, цепляясь за борт и подтягивая нас ближе.

— Не стреляйте, мы просто потерпевшие кораблекрушение! — выкрикнул я.

Рядом повторила это же на эльфийском Фиона, продолжая что-то быстро говорить.

— Поднимайтесь на борт, без оружия, — раздалась команда на общем, и к нам упала верёвочная лестница.

Я снял с пояса ножны с саблей и отбросил их назад, влезая на палубу. Там меня встретило трое копейщиков, выставивших вперёд наконечники. Подняв перед собой руки, я быстро-быстро проговорил:

— Не стреляйте, мы маги, потерпели кораблекрушение, выбираемся в населённые места.

— Мы так рады, что вас встретили! Долго нам ещё до порта? — подержала меня Фиона.

— Кто такие? — произнёс высокий седой эльф, смотря на нас с недоверчивым прищуром.

Женщина с пулемётной скоростью рассказывала нашу историю. Я же принялся, прикрыл на секунду глаза и удивлённо посмотрел на местного капитана.

— Вы везёте заражённого скверной? Сорвавшегося?

Скверной тянуло очень сильно. У меня выступила слюна, и я сжал кулаки, когда стали подрагивать пальцы. Такая сила, только протяни руку...

— Не ваше дело, — осадил меня капитан.

— Это опасно! — продолжал я давить, желая отвлечь его от нашей истории.

— Не меньше, чем отправляться в путешествие на край света. «Мы станем знаменитыми». Не ты ли говорил? А потом мы гнили полгода на этом острове! И всё из-за тебя, идиота, — прошипела Фиона, отыгрывая роль.

— Но оно же есть, это схождение! Ты была согласна! Мы вместе всё решили! — воскликнул я в ответ.

— Надо было послушать подруг, они говорили, что ты фанатик. Выберемся к людям — видеть тебя больше не желаю!

— Заткнитесь, — поморщившись, приказал капитан.

— А уж как мне надоели твои бесконечные истерики! Дура.

— Я сказал! — уже громче прикрикнул эльф.

— Простите, уж очень устала я от этого идиота, — фыркнув, изящно поклонилась Фиона.

Я зло сплюнул ей под ноги, но промолчал. Капитан скривился, как будто съел лимон, оглядывая нас. Прикрыл глаза на секунду, и от него в нашу сторону ударил небольшой импульс силы, оценивая ауру. Тут проблем не возникло, Фиона легко способна замаскироваться под простую волшебницу.

Если нас не убьют сразу, то есть варианты... Мой жадный взгляд непроизвольно метнулся в сторону трюма, откуда тянуло скверной. Дайте время, и вся эта сила станет моей!

Капитан усмехнулся, заметив мой взгляд. Я замер. Нехорошо.

— Всё бы вам, людским магам, играть с огнём.

— Это разве мы везём заражённого скверной неизвестно куда? — не смог сдержать своего удивления от слов капитана.

— Вот только не я стремлюсь порезать его на реагенты для зелий, захлёбываясь от жадности, только ощутив рядом, — хмыкнул эльф.

— Там на десяток золотых, не меньше! — возмущённо ответил я.

Изобразить такие эмоции не сложно, достаточно вспомнить начало своей охотничьей карьеры.

— Больше! — поддержала меня Фиона, тоже бросающая жадные взгляды в сторону трюма.

— Маги из Канта, алхимики... — задумчиво протянул капитан, оглядывая нас.

Мы одновременно с Фионой фыркнули и независимо пожалы плечами, вызвав смешки половины команды. Кажется, в нашу историю, что мы видеть друг друга не можем, тут внезапно верить перестали.

Стало спокойней. Похоже, убивать нас сейчас не будут. А капитан оглядел ещё раз наши кустарные, неуклюжие, кожаные пуховики, покачал головой и крикнул:

— Поднимайте их шлюпку. Поможем потерпевшим кораблекрушение, доставим в порт. Ходить на этом гробе они будут до ближайшего шторма.

— Несколько она уже выдержала, — с искренней обидой за наше творчество воспротивился его словам я.

— И не треснула? Не поверю. Это же дешёвая поделка, их берут, если совсем денег нет. Вот, посмотрите, как правильно, — кивнул капитан на их шлюпку.

Ради любопытства я подошёл проверить. Действительно, даже на взгляд непосвящённого, каркас казался массивнее, доски обшивки толще.

— Да твою же кочерыжку... Это что, мы едва не померли, потому что кто-то сэкономил?

На мой заданный в пустоту вопрос эльфийский капитан пожал плечами:

— Радуйтесь, что остались живы. Я бы на вашем хламе дальше спокойной бухты не вышел.

Я почесал затылок и, устало выдохнув, ответил:

— Новичкам везёт.

На палубе очень тесно, две шлюпки заняли всё свободное место. Мы с Фионой проводили больше времени на корме, рассказывая капитану истории из нашего выживания на острове. Как строили дом, били тюленей, шили пуховики.

История получалась, конечно, сказочная, но пуховики — вот они. Капитан же объяснял нам, как правильно пользоваться парусами шлюпки, на которой мы столько прошли. Говорил, как что правильно называется на морском сленге.

В общем, оказался отличным мужиком, хоть и эльф. Может, я излишне предвзят? В конце концов, в любой деревне чужаков встречают настороженно. Особенно пришедших с моря и с весьма мутной историей.

Если на то пошло, про эльфийских карателей я слышал только из пьяных разговоров в таверне у Эрхарда да читал в приключенческих книгах. Как бы подобное не было тем же, что и истории про крутой спецназ и ниндзя в моём мире.

Больше всего подобные слухи должны веселить людей в деревне охотников. У нас ведь уровень владения оружием очень высокий. Я имел возможность сравнить на островах. Однако же, истории про неких эльфийских карателей, способных достать где угодно, забраться по отвесной стене и чуть ли не летать по воздуху... Ну чистые же истории про ниндзя. Никто не видел в деле, но выходят бойцы, окутанные покровом легенд и сказаний.

Хмыкнув пришедшему в голову сравнению, бросил взгляд на проходящий по правому борту берег. К утру будем в порту, а там уже можно найти корабль, который отвезёт нас дальше. Сейчас мы с Фионой расположились в шлюпке, готовясь ко сну, и желая по возможности свести к минимуму общение с командой. Да и лишних кают на корабле нет, у нас тут всяко уютнее, чем гамак в трюме.

Не желая общаться лишней раз, чтобы не проколоться на мелочи, мы спали практически до полудня, пока в борт нашей шлюпки не постучали. Неспешно собрались и выбрались наружу, смотря на приближающийся берег.

Пограничный порт между эльфами и орками оказался не очень большой, может, на пару тысяч населения.

— Опускайте гроб! — зычно велел капитан.

С помощью специального крана шлюпка опустилась за борт, и через пару минут уже качалась на волнах.

Я переглянулся с бывшей богиней и, подойдя к капитану, смущённо протянул ему небольшой кошель. Золото и серебро, что у нас было от пиратов, не так уж и много, на шесть золотых.

— На пиво команде. И спасибо за помощь.

— Ну, раз команде...

Усмехнувшись, он повесил кошель на пояс и кивнул на верёвочную лестницу. Не мешкая, мы спустились вниз и тут же отчалили, облегчённо выдохнув, когда подходили к одному из меньших причалов.

— Неужели, получилось... — недоверчиво протянул, оглядываясь на корабль.

— А ты хотел устроить очередную резню? — покровительственно фыркнула спутница.

— Очередную?

— А когда ты решал в последний раз проблемы без этого? — иронично подняла она

бровь. — Всегда же с тесаком или копьём наперевес, на острие битвы, весь в крови, чужих мозгах и кишках.

— Когда строил дом на острове, — лениво отмахнулся я, не желая втягиваться в пикировку. — В банк или ищем постоянный двор?

— Банк. Портной. Купальни. Обед, — однозначно определила она приоритеты.

Двухэтажное здание банка встретило нас тишиной и свернувшимся клубком драконом за стойкой. Ящер дремал, лениво подняв веки только когда прозвенел дверной колокольчик, оповещая о посетителях.

— Снять денег со счёта по соответствию ауры, — сразу оповестил его я.

Ящер подобрался, кивнул и, проскользнув к стене, открыл небольшую дверь, выкатив стол на колёсах со сложной рунной схемой на нём.

— Операция снятия параметров ауры платная. Если на счёте будет недостаточно денег, вам придётся заплатить две серебряных монеты на человека, — скучным тоном, не очень вяжущимся с его размерами и могучим голосом, уведомил нас дракон.

— Знаем, не в первый раз, — отмахнулся я.

— Капните каплю крови на медную пластину и приложите руку к каменной сфере, там, где контур руки, — не обращая внимания на мои слова, продолжил описывать порядок действий служащий. Бюрократ и клерк, он и есть бюрократ, невзирая на клыки, когти и хвост.

Молча уколов палец, мазнул кровью и выполнил требование, смотря, как мягко загорелись руны. Через несколько секунд перед ящером зависла цветовая иллюзия сложного спектра.

Дракон подхватил кусок мела и стал быстро черкать буквы на доске в полстены, приговаривая:

— Красный, синий, бирюзовый, чёрный, жёлтый...

Спустя мгновение иллюзия погасла, и клерк накидал последние несколько букв уже по памяти. Довольно кивнув, он убрал машину обратно и подошёл к другой стене, где можно было увидеть десятки выдвижных ящичков.

— Чёрный, желтый, фиолетовый... Есть. На кого оформлен счёт?

— Бьёрн Охотник, — пожал плечами.

— Есть пометки об оставленном имуществе на сохранении. Есть возможности доставить в наше отделение банка. Услуга интересует?

— Нет, потом заберу, — покачал головой я.

Нафига здесь старые доспехи, которые мне уже слишком большие и пойдут на продажу или перековку. Прибудем в тот город, займусь.

— Сколько желаете снять?

Я смерил взглядом Фиону, себя и, задавив собственную жадность, ответил:

— Сто золотых, из которых пять серебром и пару серебра медью.

— Ожидайте...

Подняв тяжёлый засов на двери, который человек просто не поднимет, он исчез в другой комнате, закрыв за собой створку.

— Интересно, а монеты он сам считает? Удобно ему, наверное, с такими-то когтями, — усмехнулась Фиона, с интересом оглядывая монументальный интерьер отделения банка, сделанный под драконьи габариты.

— Система отработана, справляются. Я видел, как Крайг когтем пишет. Почерк лучше,

чем у меня.

И действительно, не прошло и пяти минут, как нам вынесли три набитых мешочка.

— Пересчитайте, — хмуро бросил дракон, занимая своё место за стойкой.

Я поморщился, закидывая кошелек с золотом за пазуху и отдав женщине два остальных. Пересчитай, обиды будет до небес, хотя и не покажет ящер этого, разумеется. Но одну вещь, всё же, решил уточнить:

— Сколько у меня сейчас на счету?

— Четыре тысячи девятьсот девяносто пять золотых, — коротко ответил ящер.

— Значит, Крайг добрался... — задумчиво протянул я и, повернувшись к клерку, поблагодарил: — Спасибо, я попозже ещё зайду, хочу передать почту.

— Можешь больше никогда не работать, — лениво произнесла лесная ведьма, когда мы вышли наружу.

— От меня зависят люди, уже так просто не получится лежать на пляже и пить коктейли.

— Особенно потому, что нет ни таких пляжей, ни коктейлей, — усмехнулась она.

— И это тоже, — согласился я.

Следом, мы отправились к портному: и если со мной всё получилось довольно быстро и не так дорого, то Фиона ни в чём себе не отказывала. Брала вещи хоть и из самых дорогих тканей, не скупясь на украшения, но практичные.

Я с удовольствием растянулся на полке в бане, чувствуя, как тепло проникает в сердцевину костей, и постоянный призрак холода, терзающий все эти месяцы, начинает отступать. Больше всего в этой истории с нашей робинзонадой мучила невозможность нормально согреться.

Полежав ещё полчаса, лениво поднялся и отправился снимать стресс от второго фактора, бесящего больше всего: невозможность нормально и разнообразно поесть!

Уже после очень плотного ужина, перед сном, я написал длинное письмо Эрне, в котором в общих чертах описал свои приключения и поделился, что дальше плыву на Полуденные Острова. Завтра занесу в банк, а они отправят его с попутным кораблём.

Тут я ничего ускорить не могу, и, надеюсь, в деревне всё хорошо. Да и что может случиться? Сильных тварей всех выбили на месяцы пути вокруг. Скорее, там сейчас очень скучно, охотники конкурируют между собой в попытках добыть что-то лучше, чем изменённые растения.

Именно с такими мыслями я заснул, чтобы утром, после завтрака, отправиться искать корабль. В гавани разгружали рыболовецкое судно, и небо заволочла туча чаек, а на ближайшей крыше расселось несколько котов и кошек. Сновали эльфы, несколько человек, орки.

Светло-зелёная кожа, высокие, довольно внушительные и массивные относительно людей. Но это в среднем, а так орки разные есть: невысокие, толстые и с клыками той или иной степени выраженности. Как и женщины, немного повыше и крепче людей, в среднем, но далеко не все. Избавление от магии сказалось и на них, расширяя фенотип.

Гортанная орочья речь перемежалась с напевной эльфийской и континентальным человеческим общим языком. В одном месте старик и молодой парень общались на языке второго континента, заставив меня удивлённо поднять бровь. Он далеко отсюда, если примерно представить к масштабам Земли, это как Австралия от Англии.

Кроме разгрузки рыбы, судов больше не было. Спросив местных, с удивлением узнали,

что в ближайшую пару недель на восток кораблей не ожидается.

— Снимаем дом. Не желаю травиться едой из трактира, — твёрдо проронила Фиона.

— Хорошо, — только и пожал я плечами. Бывшая богиня вкусно готовит, грех от такого отказываться.

Походили по городку, поспрашивали, осмотрели несколько вариантов домов и остановившись на одном: том, в котором раньше работал местный мастер по столярке. Что, собственно, и заставило меня выбрать именно этот вариант, так на заднем дворе, и в комнате на него выходящей, у него оказалась мастерская.

Наняли людей убраться, купили кое-какие бытовые мелочи. А потом я забегал по местным кузнецам, алхимикам, плотникам. Разные виды сталей, медь, кислоты. Взял в аренду инструмент, типа того же тигля, приценился к мехам для небольшой кузницы. Ну и хлопок, разумеется. И засел в обрётшей жизнь мастерской, прикидывая, что можно сделать из оружия.

Так выходит что, наверное, нечто переломной системы. В первую очередь, на ум приходит двустволка. Патроны сообразить из меди, а ударный механизм сделать по типу того, что я разрабатывал в Бродно, но изящнее.

Самое главное, что у меня теперь более широкие возможности, чем раньше. Подкинув на руке кусок металла, обмакнул перо в специальную краску и, высунув язык от усердия, нарисовал на брусочке две сложные руны и третью проще — связующим переходом между ними. Основные — это руна объёма и руна состояния. Всё вместе — «малый комплекс познания».

Руна объёма, которую ещё иногда называют руной «вещи», тут нужна, чтобы очертить область воздействия, откуда конкретно будут сниматься данные, и через связующую руну она стыкуется уже с руной, которая должна снять текущее состояние обозначенной вещи.

Проверив ещё раз начертание, сел удобнее, положив руку на пластину, и сконцентрировался на огоньке силы внутри. Короткий импульс, и часть энергии отправилась в руны, заставив их блеснуть. Сосредоточившись на первой, отправил яркий образ именно этой металлической пластины.

Глубоко вдохнул и подал остатки маны, что имел. Полностью активировалась первая, связующая, вторая. Перед закрытыми глазами мелькнул короткий образ структуры кусочка металла.

Несколько каверн, неравномерность в плотности, коррозия. Выдохнув, откинулся назад, осмысляя узнанное. Проблема этого рунного комплекса в сложности интерпретации. Раньше, до катастрофы, был ещё вариант получить слишком много данных и успешно поехать котелком.

Сейчас всё и безопаснее, и сложнее. Информации слишком мало, нужно очень хорошо направлять воздействие. В который раз позавидовал своей спутнице, которой для подобного эффекта руны не нужны. Только если чтобы уж совсем ни крохи лишней силы не потратить. Хорошо, у меня была вся зима, чтобы научиться подобному и ещё несколькими трюкам. Что-то уже умею.

Скрипнула дверь, вырвав из размышлений, и Фиона негромко произнесла:

— Обед.

Отложив железки, отправился за ней, вымыв по дороге руки. Заурчало в животе, и я сглотнул слюну, уж очень вкусно пахло. Пока рагу из кролика и овощей не отправилось в живот, говорить о чём-либо не очень хотелось. Только отпив ягодного морса с мёдом, я

лениво поинтересовался:

— Поможешь с оружием?

— Да, — поморщилась она.

С её помощью работа спорилась намного быстрее. Я выполнял грубую обработку ковкой, а всю точную делала она. С некоторым удивлением, понял, что сделать мы можем практически что угодно, на что хватает знаний, фантазии и доступных материалов.

Для себя я в любом случае хочу что-то многозарядное. А с учётом того, что гильзы вещь дефицитная, то сразу напрашивается револьверная система. Да и оставлять их везде, а в бою по другому может и не выйти, не хочется.

Обложился бумагой и рисовал чертежи. Один вариант механизма, два, пять. Всё же, как многие парни, оружием я немного интересовался. Пока пробовал корпус и барабан из дерева, активно пользуясь помощью Фионы, закаливал пружины, ломал и делал опять.

Через неделю что-то получилось. Поделка крутила барабаном при нажатии на спусковой крючок. Щёлкала и крутила дальше.

Устроив шикарный ужин по этому поводу, мы стали пытаться повторить изделие из металла. Без бывшей богини бы не вышло — то, что она может менять форму деталей на ходу, очень сильно всё упрощает. Иначе я бы на один барабан потратил неизвестно сколько времени, не говоря уже о механизме.

Гильзы придётся делать медные — это самое доступное из металлов, что у нас есть достаточно мягкое, чтобы штамповать. Хорошо, что ещё когда работал у Густава, он показывал, как медь можно сделать мягкой, разогрев и резко остудив.

Фиона предлагала делать гильзы своей трансформацией, но тут нужна стандартизация. Размер гильзы, потом к ней размер пули. А её работа штучная и далеко не такая точная на дальней дистанции и больших количествах.

Да, подогнать детали мы можем, довольно хорошо выходит. Но тратить столько сил и дефицитной маны на каждую гильзу? Нет. Штамповка на одном прессе под один размер — лучший выбор.

С системой воспламенения пороха получилось как и планировал, руна огня на донце каждой гильзы. Можно сделать её на курке, но тогда затраты маны на выстрел значительно возрастают, как и сложность конструкции. А в таком варианте получилось довольно экономно. Небольшого накопителя в курке хватает на пятнадцать-двадцать выстрелов.

При нажатии на спусковой крючок, связующая руна, нанесённая на курок и соединённая с накопителем, касается руны на дне гильзы, и порох вспыхивает.

Есть, конечно, у такой системы и недостатки. И главный их них — это то, что, если мы потеряем хоть одну гильзу, общий принцип работы оружия станет понятен для всех, кто захочет в этом разобраться.

Впрочем, рано или поздно, если выживем и доедем в Бродно, систему всё равно надо переводить на капсули, а так, соперники могут пойти по этому пути, который, в целом, просто костыль, пока не получится подобрать состав для нормального капсуля.

Механизм револьвера вышел мягкий, не требующий резкого удара по капсулю, в отличие от обычных систем. Основное сопротивление — это прокрутка барабана. Ну и проблема в том, что мана продолжает тратиться впустую, если курок прислонен к стрелянной гильзе. Но это решилось установкой возвратной пружины.

Работа нас захватила. Настолько, что когда пришёл корабль, мы остались творить дальше. Пришлось разжиться дополнительным кузнечным оборудованием, выполняя

первичную обработку. Закупить угля и больше металла.

Я ковал, хоть и криво, но достаточно, чтобы потом Фиона смогла доработать. С нарезками разбираться пока не стали, требуется подбирать шаг, проводить много экспериментов. Сейчас на это нет ни времени, ни ресурсов.

Выходит грубая корявая поделка. Но она стреляет. Отстреляв пять выстрелов на столе во дворе с помощью верёвочки на закреплённом в тисках оружии, решили провести более значительные эксперименты. Собрав вещи, снарядив три десятка патронов, мы отправились на природу, проверять револьвер в условиях, приближённых к боевым.

Подождали серьёзно. Купили старые доспехи, шлем. Оказавшись в лесу, я прежде, чем начать стрелять, надел всё это барахло. Металла на револьвер мы не жалели, ствол, даже на глаз толще, чем нужно. Да и барабан массивный, должный выдержать, если патрон взорвётся.

Подняв тяжёлое оружие, нажал спусковой крючок. Провернулся барабан, на последнем моменте перед выстрелом пришлось приложить больше силы, преодолевая действие пружины. Контакт рун.

Грохнуло, в ладонь сильно лягнуло так, что не будь латной рукавицы, было бы больно. Перехватив рукоятку, быстро отстрелял барабан и переломил ствол, смотря, как вылезли доньшки трёх гильз из шести. Бросил красноречивый взгляд на бывшую богиню.

— Радуйся, что хоть половина вышла, — фыркнула она.

Я только вздохнул. Экстрактор гильз при переломе, вроде, работает, но гильзы распирает сильно и неравномерно. Сняв барабан, выбил шомполом гильзы и зарядил ещё барабан. Отстрелялся, перезарядил патроны, сменил накопитель и начал стягивать доспехи.

— Двумя руками держи, как можно крепче, очень сильно пинается, — предупредил я Фиону, помогая облачиться в броню.

После первого выстрела револьвер подскочил у неё в руках, чуть не ударив в лицо. Она зашипела, встала покрепче и сделала несколько выстрелов подряд.

— Руки болят. Слишком бьёт. Что можно сделать? Только уменьшить заряд пороха?

— Сделать приклад и длинный ствол.

Она пару минут помучилась, с трудом выбивая гильзы, и кивнула:

— Да, мне сделаем именно так.

Тестовый образец револьвера был, в итоге, разобран. Плохая подгонка деталей, много газов выходило в стороны. На нём мы отстреляли больше сотни патронов. Потом, всё же, уменьшили навеску пороха, немного уменьшили вес, где нужно доработали механизм. И принялись создавать на базе револьвера винтовку.

Тут навеску пороха даже увеличили, но возни со стволом надлежащего качества вышло намного больше. Вообще, оружие получилось очень дорогим. Одни только медные гильзы чего стоят, не считая сплава меди с растолочённым в пыль сапфиром на рунные контуры.

А ещё заканчивались кислоты, причём не только у нас, мы скупили всё, что было в городке. Они шли не только на порох, требовалось много энергии, и приходилось растворять кристаллическую ману. Снял ещё денег со счёта, но это меньшее, что меня волновало. Больше то, что вместо пары недель работа заняла два с половиной месяца!

Однако прерываться нельзя, на островах меня ждёт явно не мирная жизнь, и нужно хоть какое-то преимущество, да и в дороге может случиться что угодно.

Легенда о полусумасшедших алхимиках, спускающих бешеные деньжищи ради своих экспериментов, о нас тут точно останется.

Мы в последний раз выбрались в лес сжечь по десятку патронов, оставив ещё сотню на путешествие.

Бах! Разлетелась на части ветка за полсотни метров от нас. Ещё выстрел, и от неё отлетел ещё кусок. Переломилось на части ружьё, и привычным движением Фиона вытащила гильзы, закидывая в карман, а на смену им пришли скреплённые в круг между собой патроны.

Закинув в другой карман снятую упаковку, она произвела несколько выстрелов, кромсая несчастную ветку, и, сделав несколько шагов, уселась рядом со мной на бревно. Стреляет она удивительно хорошо для такого небольшого опыта и из гладкоствольного ружья. Эльфийское тело даёт своё?

— Таким вы и воевали в своём мире? — задумчиво спросила она, поставив винтовку у дерева, срывая и надкусывая травинку.

— Лучше. Но ты и сама видела в картинах из моей памяти.

Они лишь хмыкнула, а я поднялся и, выхватив револьвер из подмышечной кобуры, сделал шесть выстрелов. Он по-прежнему неслабо бьёт в руки, но уменьшать калибр при моей жизни не вариант — кроме пробивного действия нужно и останавливающее.

— На днях должен прибыть корабль. Отправляемся?

— Да. Мы и так задержались, — кивнул, перезаряжая револьвер.

Глядя на ствол в руках, усмехнулся пришедшему в голову воспоминанию и ласково провёл пальцами по металлу:

— С днем рождения, Валера.

Глава 6

В который раз за бортом океанская гладь, парят редкие чайки, мелькает вдалеке кит. И до печёнки доставшая качка, чтоб её так! Оперевшись о борт, повернулся к Фионе и тоскливо произнёс:

— Не люблю море. Надоело!

— Ты же хотел отдыхать когда-нибудь на пляже? Есть морские деликатесы...

— Лучший деликатес — мясо. Хватит с меня рыбы!

Вот уже больше месяца корабль шёл на восток. За спиной остались сборы и продажа имущества, которым мы успели обрасти. А впереди ещё не менее месяца пути: основной континент в этом мире значительно больше Евразии, а формой похож на гантелю, с самым узким местом как раз в землях скверны.

От моря тошнит. Хочется скорее на твёрдую землю и забыть всю эту морскую эпопею, как страшный сон. Хорошо хоть, что корабль несколько раз останавливался в городах пополнить запасы воды и провизии. Сегодня должна быть очередная остановка, чего я ждал с большим нетерпением.

И как стоило лишь показаться земле, я уже караулил у борта, первым выбежав на сушу, как только положили сходни.

— Как же хорошо! — воскликнул, вызывая смех команды корабля.

Усмехнувшись, дождался, когда медленно, сохраняя величественность, на берег сошла Фиона. Основные наши вещи в виде пары сумок остались на корабле. При нас сейчас винтовка в чехле за спиной у женщины, небольшой мешок с порохом, гильзами и деньгами у меня за спиной.

И доспехи, конечно. Бригантина у меня и Фионы. Очень хорошие, с мягкой подкладкой, комфортные даже без поддоспешника, подогнанные по фигуре. Если не брать лишний десяток килограмм, давящий на плечи, то и не чувствуется. Лёгкие куртки поверх, маскирующие всю эту красоту, а в моём случае ещё и револьвер на боку.

— Купальня, потом трактир? — понял я бровь, повернувшись к своей спутнице.

Она лишь фыркнула, уверенно выдвинувшись в сторону одного из домов, явно заранее уточнив у команды корабля, что в этом городе где находится.

В порту на удивление тихо: обычно встречать корабли выходит толпа народа. А тут едва десяток человек, и, чем дальше мы шли, тем сильнее мне всё это не нравилось. Где детвора? Где хозяйки со своими соленьями, свежий хлеб, лепёшки с мясом?

Резко остановилась Фиона, и мне пришлось положить руки ей на плечи, чтобы не толкнуть на землю. Несмотря на то, что женщина не любит, когда я её касаюсь, в этот раз она не отреагировала, коротко сказав:

— Скверна. Восемь бойцов.

Я успел только сглотнуть, когда, скрипнув воротами и калиткой, позади из дворов вышло пятеро воинов в полной броне. Тут уже и меня накрыло эманациями скверны, а спереди вышло ещё трое, сопровождающих толстого усатого мужчину лет пятидесяти.

Для меня всё стало понятно, когда увидел шикарные, красочные, шёлковые, украшенные золотым шитьём, пояса. Ждать я не стал. Приблизив губы к дёрнувшемуся длинному уху, тихо прошептал:

— Твои впереди!

Сам выхватил Валеру и, разворачиваясь назад, открыл огонь, смещаясь в сторону. За спиной меня повторила блондинка, выхватив своё ружьё.

Нас разделяло меньше десяти метров, когда островитяне бросились в атаку, едва увидев мелькнувший в моей руке ствол.

Выстрел в грудь ближайшему, ещё одному в голову. Попал. Третья пуля, удачно расплескавшая мозги другому. Три быстрых выстрела в центры масс оставшихся, прыгая в сторону и бросая в карман куртки револьвер, чтобы выхватить саблю. Попытка парировать удар, но сталь лопается в руке, а по груди проходит клинок, завизжав по покрытой тканью стали бригантины.

Раздался хлопок, и голову моего противника пробило вместе со шлемом. Потом ещё один, упокоив следующего. Я подхватил очень тяжёлую саблю, принимая на неё следующий удар. Успел не иначе чудом. Ну и тем, что мой противник надрывно пытался вдохнуть, явно получив пулю в лёгкое.

Эта сабля выдержала удар, а я отлетел назад. Перекатившись через голову, стоя на колене, вскинул вверх клинок, держа второй рукой за обух. Этого удара оно уже не выдержало, хоть и смогло отвести удар.

А дальше враг на долю секунды ошеломлённо замер получив ментальный удар от Фионы, и я вогнал обломок сабли ему в забрало шлема. Вскочив, выхватил из кармана револьвер, быстро перезаряжая и не забывая двигаться в сторону. И не зря. Мимо пролетел арбалетный болт, и мы со спутницей, петляя, бросились обратно на корабль.

В спину мне ударила стрела, но доспех не пробила. Возле головы пронеслась ещё одна. Щёлкнул, закрываясь, барабан, и, развернувшись, я начал стрелять в выходящих из ворот и калиток, солдат. Слева вторя мне, грохотала винтовка блондинки. Враг быстро попрятался, и мы пробежали оставшиеся шаги, взлетая на палубу.

Присев за бортом, перезарядил оружие, сменив и накопитель.

На палубе матерился сухой, среднего для орка роста, старик. Отведя душу, он сплюнул и вкрадчиво спросил:

— Какого хера вы их убили, господа маги?

— У меня не очень хорошие отношения с островитянами, — лениво ответил я капитану нашего корабля, внимательно смотря на берег и по сторонам.

— Я вижу, — сплюнул он, кивнув на выход из залива.

Проследив за его взглядом, поморщился. Из-за изгиба бухты выходило два корабля с островов. Узнаваемый дизайн, который «высшие» частично упёрли у северян, хотя парусов в их варианте больше. Штуки это очень быстрые, особенно если задействовать гребцов. И уйти от них наш корабль не сможет.

Фиона, тем временем, выстрелила, и на суше откинулся назад ещё один труп с развороченной башкой. Нужно что-то решать. И срочно.

На берегу, судя по всему, десятка два лучников, сейчас прячущихся по дворам, да мужик, заползший за угол дома. Он, наверное, кто-то важный, судя по одежде и уверенности, с которой держался, но убивали мы, прежде всего, бойцов, не до лидеров. Мои размышления прервал крик толстяка:

— Ты стал слаб, Бьёрн Охотник, тебе не уйти. Сдавайся, дома твоя жизнь станет предметом торга. Может, даже обменяют.

Я скривился. Сдали. Драконы сдали, больше некому, только там выясняли личность. За спиной раздался восхищённый гул команды корабля. И я поморщился ещё раз.

История «повергающего армии бойца, исчезнувшего в объятиях древней богини» успела широко распространиться. Уже неоднократно слышал эту байку в различных интерпретациях за время плавания. Иногда даже получалось не заржать.

— О как! Олаф и Фланиэль, значит? — оглядев нас с блондинкой, ощерил клыки старик-капитан.

— Без понятия, о чём он говорит, — меланхолично ответил я, демонстративно не глядя на команду корабля и их лидера.

— Да? А зачем тогда убили островитян?

— Что-то не поделили? — хмыкнул я.

— Бьёрн, хватит. Что делать будем? — поморщившись, прервала мою игру в конспирацию Фиона.

Я смерил взглядом берег, орков вокруг, корабли на горизонте. Бежать на сушу? Ну да, мы пробьёмся через лучников. А что потом? Пробираться через леса в другой порт или вообще на южное побережье через земли орков, гномов и эльфов? Преследуемым всеми, кого смогут соблазнить деньгами или чем-то ещё островитяне? Глупо.

— Не желаете сразиться с парой набитых островными аристократами кораблей? — усмехнувшись, обратился я к окружающим меня оркам. — Плачу по пять золотых за бой, независимо от того, выживете вы или нет. Трофеи тоже ваши, в том числе корабли.

Народ вокруг замер, обдумывая предложение. Да, два корабля, набитых превосходными бойцами. Но! Один, наверняка, по большей части, пустой, не могли же бойцы в городе появиться там с пустого места? А на глазах команды мы сильно уменьшили ряды островитян практически мгновенно.

Капитан оглядел свою команду и оскалил клыки:

— Мы в деле.

Я благодарно кивнул, слушая, как посыпались команды экипажу судна. Моряки надевали броню, доставали щиты и оружие. На судне устраивались баррикады, позиции для лучников. Сам же сходил в каюту и вернулся с копьём в руках и парой шлемов. Отдав один спутнице, нахлобучил на голову второй и крутнул копьё.

Привычная рогатина рассекла воздух длинным наконечником. Довольно кивнув, я занял позицию у борта, прячась за поднятым на него щитом. Достав патроны, стал снаряжать их в деревянные кругляшки. У меня таких ускорителей заряжания четыре, но и патронов всего три десятка.

У Фионы более полусотни, но это все наши запасы. Есть ещё немного пороха и пуль, хватит снарядить меньше полусотни патронов. Потом придётся закупать ингредиенты и готовить заново. Боюсь я с этим порохом работать, его нельзя долго хранить. Чуть не такие условия, слишком жарко — и может самовоспламениться.

Надеюсь, когда прибуду на острова, состав к тому моменту хоть немного доработают. А пока же, почесав в затылке, отошел к Фионе и отсыпал ей все патроны россыпью. Она на корме, среди лучников, в самом защищённом месте. У неё должно быть время на перезарядку, в отличие от меня.

Тем временем, вражеские корабли подошли достаточно близко. Полетели стрелы, а с кормы одного из судов ударила баллиста. Впрочем, огромная стрела попала в борт, но так и осталась там торчать, никому не причинив вреда. Лучники заработали и с нашей стороны.

— Пятеро! — крикнула мне спутница. Именно столько она насчитала бойцов под скверной на подходящем к нам корабле.

Тридцать метров между кораблями. Двадцать. Десять. И, выдохнув, я высунулся из-за щита, открывая огонь.

Бил прямо сквозь щиты, которыми прикрывалась закованная в доспехи десантная партия. Отстрелялся, перезарядился и продолжил. С кормы хлопала винтовка Фионы, разя намертво. Ей проще, она выше. Врагов не спасает даже попытка залечь, спрятавшись за бортами.

Зарядил ещё барабан, когда с палубы вражеского судна взвились в прыжке две фигуры, стремясь обрушиться к нам на палубу. Стрелять стал ещё по летящим целям и остальное, как они приземлились. Один из них сразу рухнул с простреленной головой, второй бросился в мою сторону, но тоже получил пулю в котелок.

Выстрел по бойцу на корабле, ударившем нас борт в борт, перезарядка, и револьвер отправился в кобуру, которую я перевесил на пояс. Копьё в руки, и я шагнул вперёд, нанося первый за сегодня укол.

Один из первых врагов, перебравшихся к нам на корабль, вскрикнул, получив в колено. Прикрываясь, бросил в ноги щит и упал на палубу, получив десяток сантиметров стали в глаз. Рядом пролетела вражеская стрела, и, бросив взгляд в сторону лучника, я успел увидеть, как он заваливается назад с дырой в шлеме. Фиона бдит.

Я же продолжал колоть, иногда подрезая ноги или руки. С обеих сторон установился строй, и мне, как копейщику, пришлось работать из второго ряда под защитой щитносцев. В который раз поблагодарил родную деревню, где подобному бою хорошо учили.

Выбрав момент, когда противникам удалось составить напротив особо крепкую партию воинов и даже начать нас теснить, выстрелил три раза. Очень удачно, все три пули в головы. Строй дрогнул, и я убил ещё одного уже копьём. Остатки отступили, и вот мы перепрыгиваем на чужой корабль, составляя стену щитов.

Враги тоже не дремали, и на нас пошла вторая волна атакующих со второго корабля, подошедшего борт к борту к первому. Потянуло скверной. Выхватил револьвер, отстрелялся. Повезло, одна из трёх выпущенных пуль попала в голову. Передо мной осел один из орков, заливая палубу кровью из пробитого горла. Воткнув копьё в настил, я бросился к нему, подхватывая тяжёлый ростовой щит.

Сабля во вторую руку, укол в открывшийся бок одного из противников, радостно ощутив, как клинок погрузился в мясо. Шаг дальше, тесня щитом и выискивая возможность для укола. Но мне помогли, закованный в неплохую броню командир орков подхватил моё копьё, вгоняя лезвие в щит врагу и оттягивая его вниз.

Пользуясь возможностью, я пробил трахею благородному. В строю возник разрыв, и я устремился вперёд нанося удары по телам вокруг. Один из них запнулся о труп, и я не удержался, рубанув по шее. Голова повисла на куске кожи, а мне в спину прилетел удар по бригадине. Не прорубил, но заставил быть внимательней.

Впрочем, свою роль я выполнил, уколы копьями и мечами союзников убили ещё троих, отвлекшихся на меня. Но праздновать некогда, и вернулся в строй, делая вместе со всеми несколько шагов вперёд. Я колол, давил щитом, очень изредка рубил.

Сквозь крики и звон металла пробивался шум выстрелов. Нам редко это помогает, Фиона и лучники, в основном, заняты стрелками врага. Пот заливают глаза, щит, кажется всё неподъёмней. Подгадав случай, отступил назад и, поставив щит на палубу, перезарядил револьвер.

Вдох, выдох, несколько выстрелов. Этого уже враг не выдержал, раздались команды, и

они стали отступать на второй корабль. Поморщился, увидев, как подходят лодки. Пара десятков свежих бойцов с берега...

Тем не менее, когда мы пробились к борту второго корабля, они пытались отчалить, расталкивая корабли баграми. Оскалившись, я выпустил остатки барабана и запрыгнул к ним на борт, сильным ударом сверху, вбивая саблю в шею врагу. Выхватил его тесак из безвольной руки, сделал шаг в сторону, попутно ломая коленный сустав ударом ноги. Взмахнул, отрубая руку ещё одному.

Присел, закрывшись щитом от стрел, и прыгнул вперед, вскидывая меч. За спиной гремели выстрелы, очень близко, а я бил и резал.

Вот предо мной оказался тот самый толстяк, атакуя снизу. Бросив тяжеленный щит вниз, я отбил атаку и ответил в голову. Он закрылся, контратаковал. Я повернул корпус, позволяя удару звякнуть по доспеху, одновременно рубанул сверху.

Тем временем, по бокам вставало всё больше зеленокожих бойцов. Вот в моего противника ударило копьё, которое он был вынужден жёстко парировать. Он оказался очень удачно рядом, и я на автомате выстрелил локтём, ощутив, как треснула чужая челюсть, заставив богача мешком упасть на пол.

Переступив бессознательное тело, глубоко вдохнул и, заорав, бросился ещё на группу врагов, отводя встречный удар сабли и сбивая своим телом. Мы покатались по палубе, но я сумел вцепиться левой рукой ему в кадык и рванул на себя, отбросив в сторону хрящ. Подхватив саблю заливающего палубу кровью трупа, поднялся, делая шаг к новой цели.

Хлопнул выстрел, и на меня брызнули мозги из пробитой головы. Тряхнув головой, я огляделся вокруг. Сопротивляющихся врагов не видно.

— Победили! — раздался возле меня голос капитана орков.

Он стоял, тяжело дыша и опираясь на моё копьё. Все устали. Хлопнул выстрел, и высунувшийся из трюма лучник отлетел назад.

— Ты на кой на второй корабль полез? Богом себя возомнил, идиот? — раздражённо выплонула слова подходящая ближе спутница.

— Они бы ушли, — пожал плечами я, оглядывая заваленную ранеными и убитыми палубу.

Уставшие орки ходили между ними, оказывая первую помощь своим. Десяток раненых благородных сгрудились кучкой, покидав оружие в сторону и пытаясь оказывать помощь, кому можно из аристократов. Их не добивали, это пленные.

После островов, где подобное было бы невозможно, видеть такое приятно. Бой жестокий вышел, но вот дикой ненависти тут нет. Разве что в мою сторону бросали подобные взгляды. Так что, на всякий случай, перезарядил револьвер.

Фиона подняла бровь и едко осведомилась:

— Нам обязательно победить так, чтобы никто не ушёл?

Я замер. Мысли сделали круг в поисках причины, и, отведя глаза в сторону, произнёс:

— Они бы пустились в преследование...

— С кучей раненых, неспособных не то что на вёсла сесть, но и парусами нормально управляться? — недоверчиво подняла бровь бывшая богиня.

— Мы победили, — поморщившись, отмахнулся я.

— Да уж не твоими стараниями, — фыркнула она, выразительно постучав по прикладу винтовки.

— Соглашение о трофеях в силе? — прервал нашу пикировку орк.

— Забирайте, корабли ваши, — кивнул, отчасти благодарный капитану, остановившему спор с блондинкой. И подошёл к пришедшему в себя толстяку, сейчас привалившемуся спиной к мачте.

Где-то я его видел, как бы не среди осаждающих на островах. Доспех довольно приметный, с драконами на кирасе, хотя в этот раз броня не полная.

Присев на корточки, подождал, пока в глазах пленника появится узнавание и понимание, и мягко спросил:

— Откуда вы узнали, что я жив и где нахожусь?

Он поморщился, но промолчал. Я тяжело вздохнул, доставая кинжал. Неприятно, но куда деваться. Одним движением вбил лезвие в палубу, пробив по пути мякоть бедра островитянина. Он вскрикнул от неожиданной боли, но продолжал угрюмо смотреть в пол. Я пошевелил оружие, но он лишь кривился от боли, но молчал. Рядом опустилась на колени Фиона, приложила ему руку к голове, взглянула в глаза.

Я ощутил выплеск маны, а глаза толстяка на секунду остекленели.

— У тебя пара минут. Спрашивай.

Благодарно кивнув спутнице, вынул кинжал из ноги, перемотал ногу тряпкой и стал задавать вопросы.

Да, узнали через банк. Но сдал меня клерк из отделения в островной столице. Причём, человек. Ничего сложного, все движения средств на каждом крупном счету, расходятся, в итоге, по всем банкам. И как только я снял деньги, через месяц об этом узнали и в столице.

Дальше, снарядили и отправили несколько отрядов, желая остановить меня по дороге. В порты на континенте и вот сюда, планируя перехватить на самом ожидаемом маршруте. Ничего неожиданного. Хотя то, что меня сдали не драконы, почему-то обрадовало.

Ну а потом я поинтересовался, кто он и что происходит на островах. Как там Элеонора, Бродно и Вышгород. Пленный аристократ жадно посмотрел на флягу, и после того, как я дал ему напиться, стал быстро, глотая звуки, говорить.

И ему было что рассказать...

Глава 7 Интерлюдия. Часть 1

Под стенами города кипело людское море. Враги старались держаться под защитой окопов и деревянных щитов, но долго длиться подобное стояние на месте не сможет. Линия укреплений, построенная за месяцы осады, не способна вместить такое количество народу.

— Сегодня-завтра будет штурм, — уверенно произнёс Свен, стоящий рядом с Элеонорой на стене.

— Как говорил Бьёрн, «спасибо, Капитан Очевидность», — фыркнула девушка.

Северянин вздохнул и угрюмо спросил:

— Ты всё ещё надеешься, что он вернётся?

— Тела никто не видел, как и возвращения богини. Бьёрн везучий, выкрутится.

— Даже из мира демонов?

— Откуда угодно, — фыркнула принцесса. — Мне просто нужно дождаться!

— Похвальная верность, хотя и не ко времени, — только покачал головой Свен и перевёл тему: — Много их, никогда раньше столько не приводили под стены.

— Много. Пушки расставлены?

— Все десять штук. И триста человек стрелков, из которых двадцать с ружьями нового образца.

— Как же мало...

— Это предел, больше людей мы не можем снабдить порохом, — развёл руками командующий войском.

Элеонора поморщилась. Да, производство кислот не могло обеспечить их потребностей, даже с металлом проще, чем с кислотой. Одно дело алхимия и получение маны, и совсем другое, как оказалось, производство пороха, который сложно производить и хранить.

Бьёрн строго предупреждал не собирать много продукции в одном месте. Но пока не взлетело на воздух два склада, серьёзно к этому не относились. Хорошо что алхимика при взрывах не оказалось рядом. И до слёз жалко загубленного пороха. Кто же знал, что он может и сам по себе воспламениться?

Встряхнув волосами, она спросила у северянина:

— Мы отобьёмся?

— Их тут тысяч пятнадцать. Нас семь тысяч человек обученного ополчения, ружья, пушки. И мы стоим на стенах. Справимся.

— Ты воин, тебе лучше знать, — пожала плечами принцесса, добавив: — Больница готова, запасы пищи и медикаментов есть.

— Хорошо. Идите отдыхать, Ваше Высочество. Штурм начнут под утро, когда подморозит сильнее.

— Да и так достаточно холодно, — вздохнула она, смотря на покрытый слоем льда ров.

Кое-какую пользу зимние холода принесли и обороняющимся. Склоны под стенами, политые водой, превратились в ледяные горки, по которым забраться практически нереально. Но сейчас не первая, глупая попытка штурма, и силы благородных подготовились намного лучше.

— Чем крепче лёд во рве, тем надёжнее при штурме. Мелочей тут нет, Элеонора.

— Вот, узнаю северную кровь, а то всё Выше Высочество и Ваше Высочество...

Северянин хмыкнул в бороду, ответив:

— Бьёрн мне голову оторвёт, как вернётся, если что не так.

— Думала, в подобное верю тут только я, — фыркнула брюнетка.

— Его удача не могла кончиться так. Он выживал там, где не должен, и совершал немислимое. Не верю, что человек, который решил перейти своих ходом пролив на острова, умрёт от рук какой-то бабы.

— Мы там чуть не умерли, — содрогнулась Элеонора, вспоминая пробежку по океану и шторм. — Если бы не корабль...

— Вот именно — корабль, Ваше Высочество. Можно быть сильным, умным, родовитым и богатым, но удача — она или есть, или нет. Слишком часто от смерти отделяет просто щепотка везения. И всегда лучше идти за тем, у кого она есть.

— В таком подходе что-то есть... — задумчиво протянула девушка. — До завтра, будите, если что.

Кивнув на прощание, Элеонора, отправилась на постоянный двор, где по-прежнему и обитала. Захлопнув дверь в свои комнаты, оглянулась вокруг. Вот манекен, на который Бьёрн вешал свою броню, стойка для оружия. Стол, на котором ровной стопкой лежит бумага, перо, чернильница и свинцовый карандаш.

Самих рисунков давно уже нет, всё ушло в кузню и алхимику. Именно по ним удалось изготовить патроны и нарезные ружья под них. За подобными винтовками будущее, и есть рисунки, как сделать такое оружие намного скорострельнее. Но ресурсы, порох... Где взять столько всего?

— Возвращайся скорее, не знаю, как всё нести одной, — тихо прошептала девушка, проведя рукой по столу.

Впрочем, сегодня легче, моральная поддержка северянина оказалась очень вовремя. Сняв шлем и кольчугу, Элеонора умылась из тазика, распустила волосы, и, взяв гребень, прошла по волосам. Мысли не отпускали: правда, не переживания о любви, а страх, что не отобьются, и даже если победят сегодня, что потом?

Алхимик говорит, что цикл получения кислоты два года. Что-то собирают по ямам, сортирам и пещерам. Но ставить на подобное нельзя, все природные запасы довольно быстро заканчиваются. Что-то удастся купить на материке, торговцы получили задание. Однако этого хватит лишь заместить текущие траты. Да, порох позволяет компенсировать пушками превосходство «высших» в коннице и качестве подготовки. Но, в основном, биться придётся как раньше: луки, копья, щиты и мечи.

Было бы в запасе лет пять...

Лениво скользит по волосам гребень, бьётся огонёк свечи под сквозняком и выются в голове мысли: куда сходить завтра, что проверить, с кем поговорить. Как и каждый вечер в последние месяцы.

Вздохнув, Элеонора заплела косу на ночь, задула свечи и юркнула под одеяло. Через пару минут она уже спала. Без снов, лишь с подспудным ощущением тревоги.

Под утро, когда одна из служанок постоянного двора постучала в дверь, принцесса открыла глаза, спросив только одно:

— Они пошли на штурм?

— Да, госпожа.

Вздохнув, девушка оделась, переплела косу плотнее, натянула броню и вышла из покоев, приветственно кивнув заспанным лицам охраны. Длинно, протяжно зевнула и уверенно потопала в сторону городской стены. Наверху уже работали катапульты и баллисты,

стреляли лучники, караулили раненых несколько женщин, способных оказать помощь, а под стенами стояли телеги, готовые отвезти солдат в госпиталь.

Проскользнув мимо бойцов, она взглянула в одну из бойниц и тут же отошла назад. Штурмовали серьёзно, в бойницы постоянно летели стрелы.

Шли вражеские воины, прикрытые целыми домами на колесах или просто закованные в хорошую броню, держа щиты над головой. Тащили десятки огромных лестниц.

Смертей с обеих сторон очень мало, несмотря на активный огонь лучников, только если кому-то не повезёт получить стрелу в глаз. Быстро выглянув ещё раз в бойницу, Элеонора пробежала по стене, пока не оказалась рядом с раздающим приказ Свеном.

— Принцесса? Зачем ты здесь? — отвлёкся от работы северянин.

— Я не буду отходить от тебя, не беспокойся, — сразу успокоила она мужчину. — Но я хочу видеть.

Он поморщился, но перечить не стал. А враги, тем временем, подходили всё ближе, перекидывая свои лестницы через ров, бросая сверху доски, выстраивая так путь под стены. Только на крепость льда во рве никто не полагался.

Со стены полетели глыбы льда, разя атакующих. Это уже не стрелы, прилетит по голове — будет плохо, несмотря на шлем. Однако потери не мешали осаждающим устанавливать лестницы, активно застраивая склон под стеной. Раненых врагов стало намного больше, их крики часто долетали наверх.

Штурмующие планомерно построили дорогу, и вот вдоль стены пошла подниматься лестница, немного не доходя до верхнего края, чтобы было сложнее откинуть. Ополченцы толкали рогатинами через бойницы, стремясь скинуть хотя бы в бок.

Лестницы очень массивные, тяжёлые, стоят под довольно большим углом — в одиночку такое и не сдвинешь. По ним, прикрываясь щитами, поползли десятки человек. В дело пошёл кипяток, масло и смола. Тем не менее, горящие фигуры продолжали ползти наверх. Слишком хорошие доспехи, так быстро их не убить.

Воины почти доползли до верха, когда по паре свободных лестниц ввысь рванули закованные в броню фигуры.

— Скверна! — раздались громкие крики на стене.

Затрещала кровля крыши галереи на стенах, на которую рухнули усиленные заразой бойцы. И практически без паузы с башен ударили картечью пушки, а, следом, единичный ружейный огонь.

Десяток благородных, запрыгнувших последними и не попавших под пушки, сумели спрыгнуть вниз, в город. Но огонь не прекращался, и двое из них до земли долетели уже трупами. А остальные, оказавшиеся на пустынной дороге между стенами и второй линией укреплений, бросились в стороны, спасаясь от пуль. Не вышло, спустя десяток секунд и они растянулись на утопанной земле.

На крыше продолжали выбираться бойцы, скидывали вниз лестницы, но успеха это не имело. Усилился ружейный огонь, с башен пушки стали бить вдоль стен. Из бойниц начали стрелять ружья, а не луки и арбалеты.

С каждым выстрелом Элеонора кривилась всё сильнее, несмотря на кровавую жатву, что собирали пули.

— Порох жалко? — усмехнулся Свен, увидев её недовольное лицо.

— Экономь. Неизвестно, что будет дальше.

— Дальше? Очередной штурм с воды, — северянин кивнул на медленнодвигающийся

по реке флот из плотов, лодок и кораблей.

— Опять? — поморщилась принцесса. — Им прошлого раза не хватило?

— Говорят, что того, кто командовал осадой раньше, убрали за потерю принца. Там теперь новые люди. Прибыл сам император.

Девушка порадовалась про себя: на императора наплевать, главное, чтобы не прибыла тётя. А вот повторять штурм с воды прошлый командующий бы не стал.

От лупящих пушек звенело в голове. Но пользу канонада принесла. Орудия разнесли лестницы и всё чаще просто били вниз в массу войск. Прямой штурм захлёбывался, благородные не хотели умирать, не имея ни малейшей возможности ответить. Склон под стенами всё сильнее пропитывался кровью, которую слишком хорошо видно на белом снегу.

— Свободные пушки на берег! — приказал Свен одному из бойцов рядом. — Тут они больше не пойдут.

И действительно, наступающие откатывались назад, а незадействованные орудия срочно снимались с креплений и опускались вниз. Система отработана, так что под лебёдками уже стояли телеги.

К тому моменту, когда армада подошла со стороны реки, всё оказалось готово. Залпы, последовали незамедлительно. Картечь, простые болванки, если требовалось потопить судно. Однако с этим выходило не очень. Нет, попадали хорошо, но потопить полдюжины немаленьких кораблей из десятка лёгких пушек быстро не выйдет.

Картечь показывала себя удивительно хорошо, снося всё живое, пробивая борта лодок и судов. Они подходили всё ближе, и вот уже до стен оставалось несколько десятков метров, когда своё слово сказали и ружья.

Залп, ещё один. Дальше стрелять стали вразнобой, когда успевали перезарядиться.

— Всё же, страшное дело — порох. Сильно меняет бой, — покачал головой Свен, оглядывая побоище.

— И дорогое, — наморщила нос Элеонора.

— Война никогда не была дешёвой, — равнодушно пожал плечами северянин.

— Ты просто не понимаешь... Это смерть всей системе мелких баронств. Снарядить и обеспечить такую армию смогут только силы целой страны. И противостоять ей сможет не менее богатая держава.

— Скажите тоже. Ваше Высочество... А управлять на местах кто будет?

— Управлять — это не комплектовать войско своими силами. Главное — хорошо собирать подати. А для подобного закованная в броню дружина не нужна. Особенно, если в руках с обеих сторон ружья.

Ещё когда Бьёрн не уехал, они много обсуждали, как может измениться общество с развитием новых видов оружия. Точнее, как ему придётся измениться, чтобы обеспечить аппетиты подобных армий. Пока Элеонора на том корабле с братом не увидела, как пушки за мгновение убивают множество сильных бойцов, воспринимала слова охотника скептически. Но сейчас...

— Может быть вы и правы... — задумчиво осматривая реку, протянул Свен.

На реке творился кромешный ад. Ровная гладь воды, а из укрытий лишь хлипкие борта лодок. Тем, кто на кораблях, приходилось легче, если не считать того, что три из них уже уверенно шли ко дну.

Стрельба не останавливалась. Попыталось прорваться несколько усиленных скверной бойцов, но даже те, кто перепрыгнули стену, в итоге, смогли убить и покалечить всего

десяток человек. А стрелки, убив важные цели, продолжали отстреливать благородных.

— Завтра нужно расчистить реку — если не пройдут корабли из Вышгорода, останемся без пороха и еды. И, Свен, выводи людей из крепости, мы больше не можем позволить себе сидеть в осаде. Люди голодают.

— И тебе не жалко порох? — поднял бровь бывший охотник.

— Летом мы должны засеять поля. Нам нужны люди и земля, иначе мы не победим.

— Будут большие потери, — поморщился бывший охотник. — В крепости сидеть одно, но сражаться с конными лучниками в поле — совсем другое.

— Без потерь не выиграть войну. Но эту армию, — она обвела столпотворение на реке рукой и махнула за стену, — нужно уничтожить. Тогда их система управления страной начнёт трещать по швам. Не победить, не разогнать или взять в плен, а именно всех убить.

Северянин окинул её недоверчивым взглядом, перевёл глаза на реку, потом обратно на принцессу. Пожевал губу и, приложив руку к сердцу, коротко поклонился. Молча развернувшись, пошёл в сторону порта.

Элеонора выдохнула. Больше всего ей хотелось сидеть в крепости, в своём уютном мире, и ждать возвращения Бьёрна. Но люди сами себя не накормят, война не закончится, и терять дорогое время глупо. Нужно отбросить врага от стен, подорвать его ресурсы, забрав их себе. И уже там, накопив сил, вести войну дальше.

Два года до того, как получится производить порох массово из своих ресурсов. Да и собрать и обучить армию из крестьян тоже требует времени.

Последний раз выглянув в бойницу на кровавую кашу внизу, она кивнула своим мыслям и отправилась обратно на постоянный двор. Бой боем, а кушать хочется.

После позднего завтрака она опять вернулась на стену, поднявшись на ближнюю к реке башню. Свен действительно выводит людей. К воде спустили лестницы, составили из вражеских плотов дорогу, и войска переправлялись на ту сторону рва под прикрытием пушек и стрелков со стены.

Враги отошли в свои укрепления, отогнав назад оставшиеся на воде суда и лодки. Вышли на воду городские корабли и, отойдя на середину реки, открыли огонь по кораблям и фортификации противника. Впрочем, это не главная их задача.

Пройдя несколько тысяч шагов, суда высадили воинов. Один корабль остался поддерживать их огнём пушек, а второй поплыл за новой партией. В первой волне тылового отряда сотня обычных бойцов и полсотни стрелков. В том числе десяток с нарезными ружьями переломной системы.

А вот основные силы продвигались достаточно медленно. Укрепления плохо поддаются огню пушек, лучники стреляют в ответ. И когда ополченцы, всё же, вошли на территорию лагеря, завязалась рукопашная схватка.

Элеонора прикусила кулак, смотря, как выносят из боя раненых и убитых. Там гремел огонь пушек, кричали в ярости или от боли тысячи мужчин, перемалывая друг друга. А с тыла на благородных наседали высаженные с корабля, продвигаясь намного медленней но не давая бросить все силы противника в одно место.

Незаметно прошёл полдень, и дело двигалось к концу короткого зимнего дня, когда благородные не выдержали, и обе части войск горожан сомкнулись, оттесняя аристократов от реки окончательно. Дальше отогнали противника ещё сильнее и тут уже замерли.

Обе стороны заняли относительно устойчивые позиции, и бой остановился. Элеонора так и продолжала молча смотреть со стены, лишь облачками пара выдавая своё дыхание.

Камнем стоит тяжесть в груди от осознания того, что именно её решение привело к таким жертвам.

Однако суровая математика говорит другое. Благородных несколько человек на сотню. И если благодаря пороху она сможет примерно сравнять потери в бою с обученными с детства аристократами и будет получать достаточно рекрутов, то они победят. Неизбежно.

С добровольцами, готовыми рвать благородным плетки зубами, проблем нет, осталось только их обучить, накормить, одеть и вооружить.

Из мыслей её вырвал звук шагов, и на глаза показался перемазанный чужой кровью северянин. Встав рядом, тяжело опираясь на копьё, он кивнул на бойницу:

— Завтра продолжим. Нужно отдохнуть и обновить запасы пороха и пуль, потратили всё полностью.

— Каковы потери? — сухо спросила девушка.

— У них сильно больше. Точнее скажу утром, — устало ответил Свен.

— Отдыхай, ты хорошо поработал, — бледно улыбнулась принцесса.

Мужчина кивнул на прощание, уходя. Проводив его спину взглядом, девушка опять повернулась к бойнице. С поля боя уносили раненых и убитых. Чужие тела раздевали и относили ближе к врагу, где под покровом ночного сумрака трупы забирали уже они.

Чужих раненых добивали. В этой войне пощады не будет. Воспитанной на рыцарских романах принцессе подобное глубоко претило. Но реальность Полуденных Островов оказалась именно такой, и тут ничего не поделать.

Постояв ещё пару минут, она развернулась и отправилась проведать переполненный госпиталь. На его организацию принцесса потратила много времени и справедливо гордилась своей работой. Маловероятно, что на стороне благородных есть что-то подобное.

Прежде всего, в нём работало много людей. Сейчас помощь оказывало больше двух сотен женщин. Разной степени подготовки, но без пригляда не оставался ни один раненый боец. Хотя сложные операции могли осуществлять всего четверо специалистов, двое из которых приехали с материка всего неделю назад.

Ну и зелья, конечно. Много купили, ещё больше, совсем слабые, без скверны, производили уже сами. Город разжился тремя опытными магами, кроме жены алхимика, которые открыли источники семерым местным.

Слишком много было работы по зарядке накопителей для ружей, магов не хватало, как воздуха. А им не хватало маны, для получения которой требовалась кислота, которая шла и на порох.

Элеонора заглянула в комнату, где оперировали резанную рану живота. Вид шевелящихся кишок, которые чистили и зашивали, её не тронул. Видела, участвовала. А вот работа врача заставила остановиться и понаблюдать.

Уверенные команды и чёткие движения светловолосого мужчины лет сорока завораживали. Принцесса не могла вспомнить, как зовут врача, зато прекрасно помнила про шесть золотых в месяц, в которые он обходится городу. И девушка в очередной раз убедилась, что он того стоит.

Пройдясь ещё немного по госпиталю, она отправилась к алхимикам проверять запасы. Поднялся, здороваясь, теперь уже главный алхимик города, за которым вскочил парень помладше из недавнего, выписанного с континента, найма.

— Ваше Высочество!

Поприветствовав их наклоном головы, принцесса поинтересовалась:

— Сколько у нас пороха?

— Сушится ещё на тысячу выстрелов. До вас уже приходили тысячники, забрали всё, что готово. Завтра и послезавтра будем готовить ещё партию.

— А сырьё?

— Кислоты почти нет, — скривился алхимик.

— Мы купили всё, что было в ближайших городах на континенте. Это уже не вопрос денег, её просто нет.

— Драконы добывают сырьё для её производства, может, отправить корабль к ним? — влез в их разговор второй алхимик.

Элеонора замерла, подняв глаза на старшего алхимика. Тот почесал в затылке:

— Да, вроде добывают.

— И почему я узнаю о подобном только сейчас? — раздался подчёркнуто мягким тоном вопрос принцессы.

— Так забыл. Думал, как наладить производство тут, — пожал плечами алхимик. — Да и не продадут они много, им самим постоянно не хватает.

Элеонора поджала губы, перебарывая вспышку злобы. Каждый выстрел на счету, а этот... Но, всё же, выдохнула и, переборов эмоции, достаточно спокойно произнесла:

— Сколько не продадут, лишним не будет. Я распорядюсь. И готовьтесь, ближайшие дни, если всё будет хорошо, начнёте подыскивать место для своих вонючих ям. Их нам потребуется очень много.

Не прощаясь, Элеонора вышла из помещения, в котором стоял не очень приятный запах алхимии.

— Нет, ну, думает он! — возмущённо сплюнула слова девушка, оказавшись снаружи. — Мыслитель, чтоб его!

Охранники переглянулись, но благоразумно отвечать не стали. Да принцессе оно и не нужно, по-прежнему пылая праведным гневом, она вернулась на постоялый двор, где как раз собрались на совещание местные лидеры.

— Зачем вы вывели людей? Мы могли ждать дальше! — встретил её вопросом толстый Витольд.

— Так мы войну не выиграем. Война в поле неизбежна, не сейчас, так потом, — тут же поднялся на защиту её решения сухощавый портной.

— Мы могли подготовиться лучше!

— Могли. Как и они. Но, при этом, ресурсов у них больше, — наконец, ответила толстяку Элеонора.

— Они и так согнали сюда цвет своих сил, куда ещё лучше готовиться? — не согласился тот.

— Пока у нас подавляющее преимущество в оружии, нужно нанести им максимальный ущерб. Такой, чтобы даже когда они украдут секрет пороха, оно уже ничего не решит. Сейчас самое время разгромить их основные силы и пойти дальше.

— Но потери...

Элеонора скривилась, но высказалась, с каждым словом распаляясь всё сильнее:

— У нас нет возможности обеспечить армию порохом для лёгкой победы, и не будет ещё два года. Нужна армия, которая может сражаться и побеждать ублюдков без пушек! Или вы хотите дожидаться, когда порох появится и у благородных?!

— Мы внимательно смотрим за всеми, кто посвящён в тайну, — вскинулся её оппонент.

— Это неизбежно. Не удивлюсь, если они уже захватили пару ружей. Или вы думаете, магам и алхимикам будет так сложно повторить огненное зелье?

— Принцесса дело говорит. Нужно наступать, в обороне войну не выиграть, — поддержал ее глава гильдии ткачей.

— У нас нет столько денег, золота почти не осталось. На что вести войну?

— Отбирать всё, что награбили благородные за эти столетия, — пожала плечами Элеонора.

— Этого мало...

— Ничего другого у нас нет! Или мы отбираем ресурсы у них, или проигрываем.

— Кстати о ресурсах. Запасы стали иссякли, одна надежда на сегодняшние трофеи, — высказался Войцех.

— Добычи же должно хватить, чтобы оснастить всех наших воинов? — подняла бровь принцесса.

— Уголь тоже кончился, — покачал головой кузнец.

— Будете разбирать их укрепления и пережигать, сейчас ничего другого предложить не могу. Зима холодная, дрова нужны для отопления.

— Я не спорю, — развёл руками Войцех. — Наоборот, решение о прорыве окружения города полностью поддерживаю.

— Хорошо, убедили, — резко кивнул толстяк. — Хлеба тоже не хватает, что с этим делать будем?

— Поставки из Вышгорода всё не покрывают, они тоже сами едва перебиваются, — дополнил его портной.

— Ловить больше рыбы и пытаться дотянуть до лета, — вздохнула принцесса. — Что там у нас мясом?

Оказалось, плохо. Не хватает и всего остального. Приходилось распределять продовольствие, медицинскую помощь. Горожане устали от голода, холода. Но пока ещё готовы терпеть, зная, что пощады от врагов не будет.

Совещание затянулось до глубокой ночи. А утром, как только рассвело, ополчение опять пошло на штурм позиций. Принцесса проверила с утра госпиталь, а после заняла место на башне, наблюдая за сражением.

Сегодня стреляли меньше, а вот количество рукопашных схваток выросло. Там и тут аристократы выходили напрямую на восставших, три раза бросая усиленных скверной бойцов на прорыв строя. Это стоило ополчению жертв, но туда подтягивали стрелков, и к вечеру подобные монстры у аристократов закончились.

Тогда же «высшие» начали отходить от города. Им бы стоило всеми силами вцепиться в линию выстроенных укреплений. Но сейчас, когда стены разносились пушками, убивая и калеча благородных, они отступили. Если бы знали, что пороха уже практически нет...

Однако история не знает сослагательного наклонения. Понеся огромные потери убитыми и тяжелоранеными, они медленно отходили, преследуемые по пятам измученным ополчением.

Элеонора зло и торжествующе усмехнулась. Сегодня всех убить не получилось, но как говорил Бьёрн: «Ещё не вечер!»

Глава 8 Интерлюдия. Часть 2

Через два дня они смогли оценить результаты сражения. Ополчение потеряло полторы тысячи человек убитыми, ещё три тысячи ранеными разной степени тяжести. Потери благородных оказались порядка шести тысяч убитыми, большая часть от огнестрельных ранений. Плюс, отступая, они не могли позаботиться о раненых, не способных идти и которых ополченцы закономерно доби́ли.

Сейчас Элеонора осматривала одну из деревень, что заняли восставшие. Точнее, то, что от неё осталось.

— Две другие такие же? — тихо спросила девушка стоящего рядом Свена.

— Да.

— Вот тебе и забрали ресурсы... — тяжело вздохнула она, осматривая полностью сожжённое поселение.

— Основную часть населения они угнали с собой. Не убили, — уведомил её бывший охотник.

Девушка, поджав губу, подошла к колодезю и заглянула вниз. Колодец оказался завален телами до середины. Судя по лицам, вскинутым к небу в предсмертной муке — старики и старухи, которые бы не выдержали путешествия.

— Нужны силы из Вышгорода, если мы хотим добить их армию, — скрипнула зубами от злости брюнетка от того, что увидела в колодце.

— Они не смогут отправить больше двух тысяч человек.

— А нам нужно больше? — подняла она бровь.

— Пороха совсем мало, а у них ещё половина армии. Не справимся. Если они не побегут, а будут сражаться до конца, нас уничтожат.

— Они соберут ещё больше, если мы сейчас остановимся!

— Чудес не бывает, для победы нужно больше людей, принцесса, — устало ответил ей северянин, даже не став ломать себе язык «Высочеством».

Она поджала губы, но спорить с воином не стала. Немного подумав, поинтересовалась:

— А если начнём освобождать деревни по направлению к Вышгороду? Они ударят нам в спину?

— Придётся дробить наши небольшие силы, — поморщился Свен. — Но выбора у нас нет, без нового набора ополченцев не победим.

— Сейчас зима, до посевной новые рекруты с удовольствием пойдут бить благородных. Но вот не разбегутся ли потом хлеб выращивать?

— Разбегутся обязательно, — кивнул бывший охотник. — Но благодаря обучению в сёлах появятся хоть немного обученные люди, способные отбиться от небольшого отряда. А оружия у нас после битвы достаточно, по сабле каждому дадим, не обеднеем.

— Грабить будут... — нахмурилась она.

— Когда будут, так и решим проблему, — пожал он плечами. — Завтра отправлю воинов.

— Хорошо.

Свен сдержал своё слово, уже на следующий день отряды в несколько десятков, а когда и до сотни человек, пошли по деревням. На удивление, особых проблем с захватом сёл не возникало, слишком много знати стояло лагерем под Бродно, ожидая продолжения бойни.

В десятке тысяч шагов от города возникло два лагеря. Спешно возводились укрепления, подтягивались резервы аристократов. Стороны готовились к большому сражению.

Однако битва не началась ни через день, ни через десять. А вот отряды восставших за это время зачистили три десятка сёл и деревень, оставляя там гарнизоны, которые тренировали местных мужиков и заставляли их возводить укрепления. После убийства местных благородных у селян больше не было выбора, как окапываться.

У многих благородных отцы и мужья стояли под стенами, так что освобождение, зачастую, заключалось в том, чтобы убивать женщин, детей и стариков.

Удивлением для принцессы стало то, что в пяти деревнях селяне запретили убивать аристократов. С первым подобным случаем она даже поехала разбираться сама. Небольшое село Мышинка, в меньше чем полудне пути, встретило её дымом из труб, утоптаннми на снегу тропинками да горшками на ограде.

Влетев в село, Элеонора с отрядом сопровождения остановилось возле дома, на котором колыхалось их знамя, и, соскочив с седла, огляделась.

— Докладывай! — приказала она, кивнув командиру местного гарнизона.

— Да, Ваше Высочество, — преданно поедая глазами высокое начальство, вытянулся перед ней ополченец.

— Так всё же?

Боец, запинаясь, поведал интересную историю:

— Пришли в село. Подошли вот к тому дому, — он кивнул на богатый двухэтажный терем, — вышли местные. Спросили, зачем мы тут. Мы ответили, что пришли их освободить. А они в ответ: нас не нужно освобождать и так хорошо. Отправили гонца к вам.

— Нам не нужны проблемы! — раздался мужской голос от соседнего дома. — Нормально живём, уходите!

Элеонора взглянула в ту сторону, где из-за забора выглядывала бородатая голова, которая тут же скрылась, как только на него обратили внимание.

— С благородными общались?

— Уходить не хотят. Говорят, готовы сражаться с нами, — боец почесал в затылке и растерянно добавил: — Как-то неправильно убивать, раз селяне их защищают.

— Ведите, пообщаюсь.

Отряд подошёл ближе к дому местного благородного, нацелив на терем ружья и арбалеты. Открылась дверь, и вперёд вышел мужчина средних лет в кольчуге до колен, усиленной стальными пластинами.

Положив руки на эфес сабли и богатый пояс, он подошёл ближе, настороженно смотря из-под забрала шлема.

— Что вам нужно?

— Неправильно, — лениво отмахнулась девушка. — Не что нам нужно, а что ты можешь предложить, чтобы мы оставили тебя в живых.

Принцесса оглядывалась вокруг, отмечая общую зажиточность села. Мелкие стёкла в окнах крестьянских домов, многие хаты с печами, где явно топят не по-чёрному. Хорошее, ухоженное село. Видно, что хозяин тут смотрит за порядком. Разрушать не хотелось. Если сжигать каждое село, то что армия и город будут есть?

— Если я буду отдавать деньги каждому отряду, что тут ходит, то останусь без штанов! Можете сразу убивать и жечь, это лучше, чем потом побираться. Я уже отдал всю еду, что

мог, воинам на осаду.

— А сам что не пошёл сражаться?

— Нет у меня сыновей, кто присмотрит тут за всем, если сгину?

— Ясно, — задумчиво кивнула девушка. — Зовут тебя как?

— Арвай сын Банша, внук Арвая.

— Из села Мышкин, — усмехнулась Элеонора.

— Как пять поколений до меня, — гордо вскинул голову «аристократ».

— Кормишь отряд, что тут оставлю, не препятствуешь тренировкам ополчения. С тем, что у тебя взять, будем разбираться к осени, после жатвы. Тогда трогать не будем.

Он оглядел людей за её спиной и осторожно спросил:

— Сколько людей тут останется? Я много не прокормлю.

Девушка ещё раз оглядела село на сотню-полторы человек и, поморщившись, ответила:

— Три десятка.

— Может, десяток? Вам же сражаться нужно, зачем у меня в селе так много людей? — хитро прищурился и подпустил в тон того, что ему кажется обаянием, мужчина.

— Тридцать человек. Всё. Живи.

Повернувшись к командиру отряда, занявшего село, уведомила того:

— Ещё десяток пришлём завтра. Осваивайтесь.

Кивнув на прощание ему и другим бойцам, пустила лошадь шагом, обдумывая произошедшее. Убить и отобрать всё у местного аристократа? Нет смысла. Гарнизон бы стоило оставить больше, но в том, что “аристократ” отдавал еду осаждающим, девушка не сомневалась. Попробуй им откажи, могут и сжечь село. Может так статья, что и столько лишних ртов для него много будет.

Но и у неё выбора особо нет. Армию нужно кормить, а централизованно она этого сделать не сможет. А так и тренировка ополчения, и прокорм воинов. Да, из того, что она читала, ничем хорошим нахождение ватаги здоровых мужиков в селе не кончится. Придётся отправлять людей проверять, а ещё лучше менять их с теми, кто в поле сидит. Или выздоравливающими ранеными!

Последняя мысль ей понравилась. Улыбнувшись, ударила пятками, заставив лошадь ускориться. Все бы проблемы так решались!

К сожалению, это оказалось не так. В одной деревне, где местные не горели желанием выдавать своего хозяина, всё же, пришлось сражаться, убив его и несколько человек сочувствующих. В остальных трёх подобных всё прошло мягко. Что не отменяет возможных проблем в будущем.

Таким образом, удалось рассредоточить две тысячи человек по нескольким десяткам деревней и сёлам, продвинувшись сильно в сторону Вышгорода. А через два десятка дней по деревенским гарнизонам поехали поправляющиеся раненые.

К лету они и поправятся сами и одновременно создадут базу ополчения, из которой можно будет набирать войско. К лету. Сейчас же удалось оттянуть битву почти на тридцать дней. Немного восполнить запасы пороха, поставить в строй часть раненых и вызвать помощь из Вышгорода. Но дальше тянуть нельзя.

— Значится, вот это вы хотите разбить? Уважаю ваше безумство, н-на, — оскалил клыки здоровый орк, опирающийся на двуручный меч под стать ему.

— Не просто хотим, а разобьём, Саркеш, — степенно ответил командиру орочьих наёмников Свен.

— Их вдвое больше. Обучены они лучше.

— Чему обучены? Саблей в поединке махать? Так оно им тут не поможет....

— У вас пехота одна. У них же тяжёлая и лёгкая конница. Так надеешься на пушки?

— У нас и лучников много, — пожал плечами северянин.

— Сидеть бы вам за стенами и сидеть, н-на, — сплюнул орк.

— К нам помощь не придёт. Нужно побеждать, чем есть, — вмешалась в спор мужчин

Элеонора.

Этот разговор она слышала уже далеко не в первый раз, в тех или иных вариациях.

Ответы всегда были одни и те же, но он начинался опять.

— Я к своим людям, н-на.

Орк, закинув двуручник на плечо, уверенно зашагал к своим наёмникам.

— Может, всё-таки отправитесь в город, Ваше Высочество?

— Сегодня всё решается, Свен. Я должна быть тут, хотя бы как символ.

Он вздохнул и, махнув рукой, громко приказал:

— Начинаем.

Тут же в сторону основных сил поскакали вестовые, и спустя десяток минут войско пришло в движение. А навстречу шеренгам щитоносцев и пикинёров потекла бесконечная река конных лучников.

В обычном случае подобная битва обречена на поражение. Не поймать всадника в поле, будут беспрестанно осыпать стрелами и отходить. Но сейчас? При попытке закрутить подобную «карусель» они наткнулись на ружейный огонь ещё на подходе. Бесславно потеряв полсотни всадников, приостановились.

В битве возникла задержка, после чего неприятель разошёлся двумя крыльями, обтекая восставших с двух сторон. А потом бросили коней вперёд, не обращая внимания на смерти от пуль. Им навстречу ударили лучники ополчения и ружья с пушками. Точность обоим сторонам тут не требовалась, вот только на стороне восставших хорошая броня, щиты, а у конных лучников животные, прикрытые, в лучшем случае, крепкой попоной.

Элеонора поморщилась, даже тут, на холме, за тысячу шагов, было слышно жалобное ржание сотен раненых лошадей. Но свою роль лучники выполнили, отвлекли силы, дав возможность тяжёлой коннице подготовить свой удар.

— Молись, принцесса! Сейчас решится, кто победит!

Северянин нервно вцепился обеими руками в древко воткнутого в землю копья, не отрывая взгляда от битвы, где навстречу коннице ударили картечью пушки, ну а ружья и так стреляли по готовности.

Полсотни человек срезало, как серпом, многих вместе с конями, сбивая строй остальным. Но, при таком количестве сил, это не так и важно, на самом деле за пушками прошёл залп лучников, который ранил намного больше коней, заставляя больше сотни человек покатиться по земле.

Лучники успели выдать и ещё залп, когда враги оказались практически возле пехоты. А следом тяжёлая кавалерия ударила в поднятые навстречу длинные пики.

Сотня за сотней, они вламывались в ряды щитоносцев и копейщиков, стремясь прорваться дальше, к стрелкам. Первые несколько рядов пехоты пали. Но не побежали. И закованные в латы всадники, завязли. Ржали лошади, раздавались крики ярости и боли, но таранный удар не вышел.

— Да! Жрите, ублюдки! — вскинул руки кверху Свен.

Всадники пытались рубить с коней, но обычно подобное заканчивалось копьём в брюхе лошади, и цвет войска аристократов оказался вынужден спешиваться, завязнув в рукопашном бою. Они были к подобному развитию событий вполне готовы, судя по тому, как быстро образовался их строй. Да и позади, пользуясь отвлечением лучников ополчения на остальные силы, на помощь аристократам подошла своя пехота.

Конные лучники продолжали крутить свою карусель вокруг войска. Подходя на расстояние выстрела, выпуская стрелу и мгновенно уходя. Они несли постоянные потери от ружейного огня, да и лучники старались. Тут размен шёл на истощение сил.

Элеонора надеялась на качество доспехов своей армии. Пока вражеские лучники не приносили фатального опустошения. Скорее, больше теряли своих коней.

— Теперь оно надолго, — тяжело вздохнул северянин.

Он оказался прав. Минута шла за минутой, а на поле боя ничего не менялось. Армии медленно перемалывали друг друга. С обеих сторон в первых рядах оказались наиболее бронированные воины, настойчиво пытающиеся пробить латы друг у друга. Десяток раз мелькнули очаги возмущения вокруг усиленных скверной бойцов, которых постепенно расстреливали.

Замолкли пушки, у которых кончился порох, лишь гремели редкие выстрелы ружей, отгоняющих конных лучников. Да и те больше не особо стремились подставляться, зная простую истину: чем меньше вас, тем больше вероятность, что следующая стрела или пуля окажется твоей.

Очень много потерявших лошадей воинов присоединялось к пехоте. В упор к вражескому строю оказалось безопасней, чем кружить на коне в отдалении.

— К нам идут. Готовьтесь!

Повернув голову, Элеонора увидела отряд, скачущий к их холму. Больше двух сотен воинов, многие в полных доспехах. Прямого удара конницы она не боялась: вокруг холма выкопана траншея, выставлены колья — только спешиваться и штурмовать. Враги были в сотне шагов, многие уже пытались стрелять из луков, когда по ним открыли огонь. Грохнула пушка, раздались хлопки ружей.

Принцесса захлопнула забрало брони, стиснув эфес короткого меча на поясе. Рядом Свен выхватил с пояса две склянки с зельями и быстро выпил. Его примеру, последовало ещё полдюжины человек. Аристократы оказались уже совсем близко, когда опять выстрелила пушка, внося опустошение в поредевшие ряды их отряда.

Врагов осталось меньше сотни, когда они стали протискиваться между кольев. Ружья стреляли безостановочно. Но вот то один, то второй воин закидывал оружие за спину, подхватывая стоящие рядом мечи и копья.

Зазвенела сталь. Девушка, сделала несколько шагов назад, давая больше места вставшему перед ней северянину.

Хрипло смеясь, тот колол, бил пяткой, не давая и шанса своим врагам. Не прошло и минуты, а у него под ногами лежало уже пятеро вражеских трупов. Вот к нему прорвался противник, явно усиленный зельями. Они обменялись полудюжиной ударов, разошлись.

Грохнул выстрел возле принцессы, и враг недоумённо опустил взгляд к небольшой дырочке в нагрудной броне.

Девушка, повернувшись, кивнула закидывающему гильзу в сумку на поясе охраннику. Всегда, пока есть враги, у кого-то должно оставаться хотя бы пара выстрелов. Как раз на такие случаи.

Бой в ставке командования затих быстро. Патроны практически кончились, но оставшихся врагов дорезали и в рукопашную. В охране у принцессы орки, наёмники, простые ополченцы — только те, кто показал действительно выдающиеся результаты в стрельбе.

Вокруг разгорячённые боем парни ещё добивали раненых, а девушка, оторвав сжатую до судорог на рукояти меча руку, подняла забрало и повернулась в сторону основной битвы, облегчённо выдохнув. Там ничего и не изменилось к худшему, всё так же стороны ожесточённо пытаются перемолоть друг друга.

В этой битве никого не щадят. Всё, что принцесса читала о войнах после катастрофы, было меньше и проще, даже когда воевали основные королевства. Никто не бросал подобные силы в такую жёсткую мясорубку.

Какая-то часть Элеоноры не могла не гордиться происходящим. Пусть их род столетиями втапывали в грязь. Но теперь она на своём месте. Отец, деда и прадеды могут гордиться своей преемницей, чем бы всё ни кончилось.

И хотя вокруг всё пропахло кровью, сердце сжималось от криков раненых и убиваемых, уверенно вскинув подбородок, она продолжала наблюдать.

Заваленное тысячами тел поле впитывало щедро текущую кровь. Свена рядом не было, он отправился в бой. Дескать, зачем эффектам зелий зря пропадать?

Сколько длилось уже сражение? Час, два? Ни одна сторона не хотела уступать. Но, тем не менее, результат становился ясен. Когда для одной стороны результат битвы вопрос выживания, а для другой просто высокомерное желание наказать презираемую чернь...

Спустя полчаса «высшие» дрогнули, и над полем разнёсся звук горна, знаменуя отступление. Медленно, с трудом вырываясь из капкана мясорубки, «высшие» отходили назад.

Ополчение сделало шаг вперёд, переступая свои и чужие трупы. Кто-то из пушкарей выбрал этот момент, чтобы сжечь последние остатки пороха. Стоило только армиям чуть разойтись, как строй расступился, и на передовую выкатили пушки. Развернули и ударили вдоль строя картечью.

Благородные не выдержали. Развернувшись, «высшие» побежали.

Элеонора облегчённо выдохнула. Победа!

Запрыгнув на лошадь, поскакала в сторону армии подбодрить бойцов. Но увидев пьяные от осознания победы лица, поняла, что поддержка и пафосные речи никому не требуются. Усталые ополченцы смотрели на бегущих благородных, поднимая головы и расправив плечи.

Принцесса, улыбнувшись, соскочила с коня, опустившись на колени возле раненого в живот бойца. Достав из сумки бинты, она громко воскликнула:

— Несите раненых. Давайте спасём всех, кого сможем!

Довольно быстро подтянулись из лагеря другие врачеватели, и на принцессу осталась организационная работа. Распределить доставку раненых в лагерь или в город, разобраться с трофеями, решить вопрос похорон. Дел хватило до глубокой ночи.

В свои покои пришла уже утром, уснув, едва голова коснулась подушки. Проспав до полудня, погрузилась в новые проблемы и переживания. Вчерашние победители отложили мечи и взяли в руки лопаты. Нет возможности вывозить куда-то столько павших, похороны организовали на месте.

Мёрзлая земля поддавалась тяжело. Но люди копали, и поле быстро превращалось в кладбище с одинаковыми скорбными столбами, на которых были написаны имена и как

человек умер.

Трупы благородных просто раздевали и откладывали в сторону. Благо, на таком холоде они могут и подождать. Через несколько дней к этим бесконечным рядам тел потянулись телеги с жёнами и матерями аристократов — искать своих мужей и сыновей.

Элеонора отдала приказ им не мешать, пусть вывозят, тут своих людей бы достойно похоронить. Войско не досчиталось ещё двух тысяч человек убитыми. И много раненых, настолько, что даже посчитать сложно. Правда, в основном, типовые ранения открытых частей тела от стрел. Большая часть пострадавших вернётся в строй.

Потихоньку подлечили раненых, похоронили убитых. Принцесса трудилась, организовывая людей и решая проблемы. А спустя десяток дней три тысячи человек ушли снимать осаду с Вышгорода. Элеонора с ними не отправилась, незачем. В городе и окрестностях очень много работы: заложить ямы для алхимического производства, проехать по окрестностям, посещая сёла и деревни, составляя описи населения.

Ушедший отряд освобождал деревни, оставлял там гарнизоны, а через некоторое время туда уходили встающие в строй раненые. Цифры подконтрольного населения стремительно росли, как и количество проблем.

За Вышгород битва не оказалась столь серьёзной. Ближе к прибрежным областям многие благородные живут с моря, в основном, с пиратства и рыбной ловли. Соответственно, выставили меньше кавалерии и больше пехоты.

Несколько залпов пушек и ружей, недолгая битва строй на строй, после которой «высшие» отошли и рассеялись. Не было там преимущества в количестве, а тут, ещё до столкновения, их силы лишились более пяти сотен человек от пушек и ружей. Их командующий благоразумно решил поберечь людей.

Армия восставших продолжала чистить прилегающие земли, потихоньку рассеиваясь на гарнизоны. К весне определилась линия контролируемых земель. Хотелось идти дальше, но на это не имелось войск. В боях наступила передышка, которая полностью устраивала принцессу.

Больше двухсот тысяч человек подотчётного населения. Достаточно много трофейного оружия, пушки, ружья. Если удачно вернётся корабль, посланный к драконам, и удастся увеличить запасы пороха, получится и атаковать.

Но даже без драконов, главное — продержаться несколько лет, а там уже пойдёт своё производство огненного зелья и можно будет говорить совсем по-другому.

Вынырнув из своих мыслей, она раздражённо поморщилась. Задумавшись с пером в руке над листком бумаги, поставила чернильную кляксу. Вздохнув, выглянула в окно, где ярко светило солнце и пели птицы. Поднявшись с кресла, хрустнула затёкшей спиной и покинула кабинет.

Ей, всё же, пришлось поселиться в отдельном доме. На постоялом дворе не обеспечить нормальную охрану...

— Госпожа, к вам посетители. Говорят, по очень важному делу, — с такими словами к ней обратился командир охраны, стоило оказаться в коридоре.

— Кто такие?

— Говорят, из деревни охотников.

— Да? Где они? — с любопытством выпалила девушка, быстро двигаясь на выход.

Впрочем, ответ был и не нужен. Во дворе дома, в окружении полудюжины охранников, стояли блондинка и лысый кузнец, оба с огромными мешками за плечами.

— А я тебе говорю, она не знает. Драконий банк в Бродно закрыт, а через Вышгород отправлять письмо опасно. Да и брат, он такой, наверняка подумал: «А вдруг что случится в пути, зачем ей лишние переживания».

— Судя по тому, что он до сих пор не здесь, что-то таки случилось, — сварливо ответил ей Густав.

— Он писал, что может задержаться, у него там какой-то интересный проект, — отмахнулась блондинка.

— А вот и Её Высочество, — хмыкнул кузнец, кивнув на замершую Элеонору.

— О чём я не знаю?

Принцесса пыталась соблюдать строгость, но в груди расцветала надежда. То, как Эрна говорила...

— Брат прислал мне письмо. Он жив. И выбирается с того края мира, в который его занесла богиня.

Элеонора замерла. А блондинка повернулась к кузнецу, покровительственно постучав его по плечу.

— Нужно было спорить с тобой на деньги.

Густав скривился и, оглядев охрану, сбросил с плеч мешок, зычно спросив:

— Тут кормят усталых путешественников? Мы сразу с корабля.

— Да... Конечно...

Задумчивая Элеонора кивнула расслабившейся охране. Всё же, копьё в руках Эрны и меч в ножнах на поясе у лысого на мирный лад охрану не настраивали.

— Ну, рассказывай, как ты тут, принцесса? — любопытствовала разминающая плечи Эрна, скинув свой мешок.

— Только в ответ на то, что тебе написал Бьёрн, — широко улыбнулась брюнетка.

— Без проблем!

Пока гостей размещали, принцесса читала письмо о его приключениях. Закончив, отложила свёрнутую в свиток бумагу, поднялась с кресла и прошла по кабинету туда-сюда, села обратно. Ухмыльнулась и, потеряв ладони, протянула:

— Если он её трахнул, я оторву ему яйца...

Довольно кивнув своим словам, вскочила и отправилась в обеденную покушать и пообщаться. Когда гости утолили первый голод, принцесса начала разговор:

— Зачем вы приехали? Тут война идёт.

— У нас с Бьёрном есть пара совместных проектов. Запустить их в деревне не получилось, а вот тут возможности интереснее.

— Проектов? — подняла бровь Элеонора.

— Лампы и что-то ещё, о чём он не хочет говорить, — ответила за кузнеца Эрна.

— Понятно. А ты?

— После того, как под стенами замка брат порубил всё живое, что смогла собрать эта сучка, на месяцы пути вокруг нет больше тварей. Я там не нужна. Через пару лет поголовье монстров восстановится, но пока деревне не нужны два профессиональных алхимика.

— Ты и так разбогатела, когда вы перерабатывали всю эту кучу тварей, — хмыкнул Густав. — Тебе просто скучно дома сидеть.

— И это тоже, — усмехнулась алхимик.

— Для магов и кузнецов и нас открыты все двери, рук постоянно не хватает, — пожалала плечами Элеонора.

— Кстати о кузнецах, Бьёрн и тут что-то придумал? Весь мир гудит, что на островах появилось какое-то чудо-оружие.

— Придумал, — согласилась с Эрной принцесса. — Благодаря ему мы отбили и пошли в атаку сами.

— И заодно подняли цену на кислоту в пять раз, — вздохнула блондинка. — По крайней мере, такую цену я видела, пока её ещё реально было купить.

— Нам нужнее, — пожалала плечами принцесса, совсем не выглядя виноватой.

— Именно поэтому у меня половина мешка кислота и есть, — усмехнулась Эрна.

— Мы всё выкупим, — вскинулась Элеонора, сразу прикидывая возможные объёмы, исходя из размера рюкзака, и сколько пороха можно из этого получить.

— Не сомневаюсь, — кивнула блондинка.

Работа им нашлась, и правда, быстро. Густав целыми днями пропадал в кузнице у Войцеха, заразив того какой-то идеей. А девушка легко вписалась к магам и алхимикам, быстро начиная отнимать лидерство у городского алхимика. Образована лучше, опыта тоже не занимать.

Тем временем войска воевали за несколько деревень, постоянно переходящих из рук в руки. Но больших сражений не произошло, император собирал новую армию, рассчитывая выбить восставших из занятых областей. Да и восстановить власть над вторым крупнейшим портом на островах после столицы тоже не было лишним.

Дни складывались в месяцы, восставшие посеяли хлеб, не забывая готовится к бою: в деревнях тренировались новые рекруты, ковалось оружие, приобретали драгоценный боевой опыт те, кто будет командирами новых сотен воинов. Битва обещала стать крупнейшим сражением со времён катастрофы. Может быть, не считая того, что происходило на втором материке.

Элеонора рассчитывала к следующей зиме выставить не менее двадцати тысяч человек. Но, если враги пойдут раньше... У них есть ресурсы. А казна Бродно и Вышгорода сейчас пуста. Наёмники, оружие, закупки продовольствия...

Деньги стремительно утекают. Хуже всего оказалось с едой: на осаду благородные выгребли из окрестных земель всё, что могли. Хлеб приходится закупать везде, выбрасывая последние деньги.

План со смутой среди крестьян на вражеских землях не очень удался. Благородные карают. Настолько жестоко, как давно не карали. Вдоль дорог на людных перекрёстках сотни кольев с насаженными на них крестьянами. По близлежащим к восставшим землям постоянно рыскают отряды «высших», отлавливая беглых, зачастую, тут же, на месте, сажая тех на кол в назидание. Ненависть копится, но бунтовать люди боятся.

Элеоноре было очень неприятно понимать, что подобное выгодно и жителям уже освобождённых земель. Если на территорию восстания массово хлынут бегущие от жесткости «высших» крестьяне, начнётся голод.

Сейчас же главное пережить начавшееся лето, дожждаться следующего урожая. Но благородные это тоже понимают и, вероятно, атакуют совсем скоро, не дав собрать урожай.

Раздался стук в дверь, и девушка подняла голову от бумаг:

— Что там?

В кабинет зашел один из охранников, оповестив:

— Выше высочество, там корабль.

— Собираемся, — кивнула принцесса.

До порта не так уж и далеко, так что в окружении четырёх человек Элеонора неспешно отправилась на прогулку, оглядываясь на людей вокруг. Подмечая худобу, голодные взгляды. Сердце сжималось от жалости и того, что сделать ничего не выходит.

В порту швартовался пузатый торговый корабль. Подойдя ближе, Элеонора ускорила, увидев знакомого торговца. Неужели...

— Привезли! Десяток бочек!

— Да! — радостно воскликнула принцесса.

Заскочив на корабль, оббежала стоящие бочки, сжимая кулачки. Теперь есть запасы на битву! А там и победа в войне!

— Есть ли у них ещё? — воодушевлённо повернулась девушка к командиру грузчиками торговцу.

— Смогу привезти ещё столько же. Но цена выйдет заоблачная, Ваше Высочество.

— Сколько? — прищурилась принцесса.

— С учётом дороги, три сотни золотых за бочку. Мы успели закупить по сто, но стоимость растёт очень сильно. И снижаться явно не собирается. Не уверен, что и триста окончательная цена. И госпожа, я потратил все свои накопления на эту покупку. Так что, если у вас нет под рукой лишних трёх тысяч золотых...

Принцесса зло прикусила губу. Таких денег нет. Когда-то было намного больше, но всё съела война и закупки продовольствия. Даже наёмники из орков покинули острова, нечем им больше платить. Тот же Свен уже работает за обещанную помощь оружием в его разборках на севере. Да и часть его отряда тоже уехала.

Кстати о наёмниках. К пирсу подходил корабль, на котором столпилась толпа зеленокожих. В этот раз орки. Уже приходило два корабля, которые отправились обратно, как только наёмники слышали, что денег на их услуги у восставших нет.

Элеонора понимала, что отряды не останутся без дела, воевать будут, но с другой стороны. Наёмники...

Вздыхнув, она отвела взгляд от корабля и повернулась к торговцу.

— Таких денег у нас нет. Мы даже не можем компенсировать тебе затраты за текущую партию.

— Я из Бродно, госпожа. Мне ничего не нужно, знаю, что стоит на кону.

Девушка бледно улыбнулась и, сглотнув комок в горле, мягко произнесла:

— Благодарю. Может, постараемся отыскать денег. Но, похоже, придётся справляться тем, что есть.

— На что этого хватит? — оглядывая бочки, устало поинтересовался мужчина.

— Ты привёз нам победу в грядущей битве. Не больше, но и не меньше.

Торговец лихо закрутил ус и довольно оскалился:

— Тогда, оно того стоит! А деньги? Руки, ноги на месте, заработаю!

Принцесса уже намного легче улыбнулась и, попрощавшись, твёрдо ступая, отправилась к швартованному рядом кораблю. Орки как раз скинули сходни, когда она подошла в окружении охраны, нацелившей на зеленокожих ружья. Кто знает, что у них на уме.

— Не думал, что тут меня встретят наведёнными стволами, — раздался весёлый и такой знакомый голос.

У принцессы сердце замерло в груди. На той стороне сходней улыбался Бьёрн. Ноги сами понесли её вперёд. Взлетев по сходням, не обращая внимания на смешок лениво озирающейся позади парня эльфийки, рухнула в знакомые крепкие объятия.

Девушка молчала, лишь прижалась к его груди и позволила пролиться слёзам счастья и облегчения.

Она дождалась. И пусть весь мир с его проблемами постоит в стороне!

Раскинувшись на кровати, я перебирал волосы спящей Элеоноры, положившей голову мне на грудь, и довольно улыбался, откинувшись на подушку. Хороший день вышел, особенно приятной неожиданностью, по возвращении, оказалось встретить в городе сестру с Густавом, а потом пройтись и оценить работу алхимиков, запасы селитры, привезённые с драконьего архипелага, осмотреть кузницы.

Успел всё увидеть только мельком, и мы быстро перешли к праздничному ужину в честь моего прибытия. А по прошествии посиделок за столом вместе с принцессой заперлись в спальне. И вот сейчас, окончательно умаявшись, она уснула, а я со счастливой физиономией смотрел в пока незнакомый потолок.

Позади осталось путешествие, которое, после того, как мы прорвались сквозь врагов, прошло очень скучно. Я много общался с пленным, который, всё же, выкупил своих людей, но, правда, не себя. Мне интересно, как устроено их общество, законы и отношение к миру. Раз уж мне волей судьбы предстоит жить на островах, грех не попытаться понять, чем живут люди.

То, что я выяснил, мне не понравилось. Прежде всего тем, что шанса на мир с «высшими» нет. Если придётся, они опять уйдут в горы и будут ждать, варясь в собственном соку и рассчитывая вернуться и отомстить. Ведь однажды получилось, почему не повторить? Иметь землю и дом в горах, среди тех благородных, кто побогаче, считается хорошим вариантом.

Более того, многие уже отправили в горы женщин и детей, и сами готовы перебраться, если ситуация на поле боя ухудшится. А она ухудшится, это я им могу обещать, слишком местные «высшие» потеряли человеческий облик.

Вздыхнув, постарался выкинуть нахлынувшие не самые приятные мысли из головы и подремать. Завтра разберусь, а сейчас буду радоваться тому, что есть.

Проснувшись ближе к полудню, походил по дому, выбранному принцессой для жизни. Не такой уж и большой, комнат на десять. Закуток горничной и кухарки, помещение охраны. Эрна и Густав тоже тут живут, ну и Фиона, куда уж без неё.

Печёсывая грудь, вышел во двор, где, скинув рубашку, с удовольствием ополоснулся ледяной водой из колодца. Оглянувшись, с удивлением обнаружил в углу турник, брусья и висящий мешок с песком. Как и несколько деревянных мечей, плотные стёганки и пару шлемов рядом с чучелом для отработки ударов.

Элеонора тренируется. Впрочем, губы сами сложились в довольную ухмылку, ночью я её физическую форму вполне оценил.

Я размялся, немного потянулся и, наконец, смог прикоснуться к дорогим моему сердцу брусьям и турнику. Правда, «дорогие сердцу» тут имеет двойное толкование...

Тело работает отлично. От скверны мне осталась гибкость, хорошая координация и очень неплохие силовые. В целом, практически предельная форма для человека. И благодарить за это нужно Фиону, без её исцеления очнулся бы развалиной. Хотя, после разрыва сердца, обычно очнуться не вариант.

Как следует размявшись, подхватил шест и привычно встал в позицию. Укол, парирование, смещение. Пять минут разминки с тенью, а следом глаза нашли бойцов из охраны Элеоноры, играющих в кости в тени под деревом.

Заметив мой взгляд, лохматый блондин поднял перед собой руки:

— Нет! Вы потом отдыхать пойдёте, а нам тут до конца смены сидеть! Не до тренировок!

Фыркнув, ополоснулся, лениво прикидывая, куда бы здесь определить душ. Вернулся в дом, переоделся и перекусил. Вникать в городские проблемы откровенно лень! Но, тем не менее, натянул бригантину и повесил на плечо кобуру, прикрыв револьвер курткой. Саблю или копьё брать не стал. Не хочу.

Выйдя во двор, оглянулся и предупредил охрану, что хочу пройтись, посмотреть, что в городе нового. Парни, сидящие под деревом, тяжело поднялись, всем видом выказывая, как им лень, но молча встали за спиной. Я бы должен возмутиться таким отношением, но на улице весьма жарко, так что мне лень не меньше.

Отказываться от сопровождения, изображая самоуверенность или гордыню, не собираюсь. Я больше не «полубог», и от возможных убийц меня отделает лишь «Валера» на боку. Пара бойцов с винтовками лишними не будут.

Город жил своей жизнью: бегали дети, хозяйки покупали на рынке продукты. Хотя с едой не очень: хлеб, крупы, немного овощей. Но в основном рыба. Да и ту люди сметают быстро. Немного понаблюдав за суетой, развернулся и неспешно пошёл в сторону кузниц.

Бродно в ремесленном отношении довольно развитой город. Именно здесь происходит обработка железа, получаемого из рудников в горах на севере. Оттуда по реке оно приходит в город и уже дальше уходит в виде изделий. Эта одна из причин того, что восстание выдалось удачным. Мечи и броню тут ковали всегда. Сейчас, разумеется, железо никто не везёт, и одна из основных статей экспорта города накрылась медным тазом.

Зайдя внутрь главной кузницы, не стал мешать ремесленникам, наблюдая, как несколько человек делают ствол будущего ружья. На прут накручивают стальную полосу, которую потом долго проковывают, таким образом сваривая края. Также делал и я. Вот только у них нет бывшей богини магии и никто не сможет довести изделие до ума. Всё делается на глаз и чутьё мастера. Понаблюдав пару минут, прищурился и, сходяв домой, принёс кое-какой инструмент.

Оглядев мастерскую, взял один из готовых стволов и несколькими быстрыми штрихами нарисовал на нём малый комплекс познания. Активация рунного контура, определение объёма распознавания, и, впитав дополнительно ману из накопителя, активировал схему полностью. Короткий момент дезориентации, и, взяв уголёк, нарисовал на изделии пару линий. После повернулся к кузнецам, с любопытством наблюдающих за моими манипуляциями.

— По линиям плохо сварилось.

— Маги могут это сказать? — раздался возглас от входа в кузню.

— Конечно, — хмыкнул, пожимая руку улыбающемуся Войцеху, зашедшему в кузницу.

Следом, жестом фокусника извлёк из кобуры револьвер. Быстро тот разрядил, ссыпав гильзы в карман, и протянул кузнецу. Тот удивлённо округлил глаза, осматривая барабан, пощёлкал механизмом, осмотрел изнутри ствол. И спросил:

— Кто?

— Мы с одной способной к магии дамой.

— Как же так? — потерянно пробормотал мастер. — Я всю жизнь с железом, а тут такая точность и красота...

— Хвастаешься игрушкой? — усмехнулся из-за спины Войцеха ещё один мой знакомый

кузнец.

Поздоровавшись с Густавом, которому я показывал револьвер вчера, пожал плечами:

— Его можно повторить совсем без магии.

— Не можно. Нужно, — хмыкнул Густав.

— И воспламенение пороха? — прищурился Войцех.

— Его в первую очередь, — кивнул я. Подкинув на руке револьвер, зарядил заново, убрал в кобуру и, всё же, со вздохом, добавил: — Хотя, так или иначе, производить такое массово будет сложно.

— Как и с твоими лампами, — согласился со мной односельчанин.

— Оружие лучше уходит в народ, это тебе не бесполезный светильник... — я поморщился и перевёл тему: — Как там твой двигатель?

— Плохо. Топливный насос необходимой мощности не получается. А без этого оно не работает.

— Можно попробовать меньшее давление и поджигать смесь магией. Но тогда важнее тип топлива, он будет не такой всеядный, — скривился я.

И это не говоря о том, сколько подобное будет требовать маны. Да и с карбюратором выйдет возни не меньше, чем с насосом. Следует искать людей, изучающих электричество, а такие есть. Я мельком в справочнике по алхимии видел, кто-то проводил опыты с электролизом. Но вызвать их сейчас сюда, пока идёт война, будет сложно.

В любом случае, если хочу, чтобы работа сдвинулась с мёртвой точки, нужно направлять к мужчинам Фиону. Без её трансформации и мастерства с конструктами познания работа затянется на долгие годы.

— Оно слишком сложно. Я видел то, что Густав уже сделал, твоё новое оружие и близко не стоит! — влез в наш разговор Войцех.

— Именно поэтому попрошу Фиону вам помочь. Она может значительно больше в магии, чем я или Эрна.

— Она согласится? — недоверчиво покачал головой Густав.

— Иначе и смысла ехать сюда не было, могла легко вернуться в свой лес, — равнодушно отмахнулся я.

— Тебе лучше знать, — не стал спорить односельчанин. — Может, оставишь нам своё оружие? Для изучения?

— Давайте просто разберу и расскажу.

Расставаться с револьвером я не хочу, так что у них на глазах его разобрал. И принялся объяснять и показывать работу каждой пружинки, делясь проблемами, которые возникли при создании изделия.

Конструкция, так-то, не сложная, «изобрёл» я её, во многом, потому, что в детстве много раз разбирал подобный пугач с пистонами и визуально помню. Да и у мастеров проблем с пониманием не возникло. Разговор быстро свёлся к точности изготовления деталей, штамповке гильз и объяснению принципа капсюля.

— Значит, требуется состав, взрывающийся при ударе?

— Да. Но производство ещё опаснее, чем сам порох, — согласился я с Войцехом.

— А такой состав есть? — потёр лысину Густав.

— Найдут.

— Вот когда найдут, тогда и стоит работать. Пороха не хватит, если все будут с таким оружием! — припечатал замученный постоянными заказами кузнец из Бродно.

— Порох. Да... Пойду посмотреть, что с его производством.

— На вонючие поля? — понимающе усмехнулся Густав.

Я демонстративно поморщился и, попрощавшись с кузнецами, вышел наружу, где попросил сопровождающих:

— Покажите, где тут «вонючие поля».

Оба скривились, и тот, что постарше, посоветовал:

— Запаситесь платком на лицо, и стоит взять лошадей — поля довольно далеко.

Тяжело вздохнул, и, несмотря на стыд, решил предупредить охрану на будущее:

— Я не умею ездить верхом.

— Возьмём повозку, — усмехнулся тот, что помладше.

Конюшни за городом, как и многое сейчас. Город по-прежнему не имеет ворот, хотя и построена галерея, позволяющая выходить наружу через реку. Кто знает, как повернётся война? Взять штурмом Бродно благородные не смогут.

До полей оказалось не так уж и далеко, километров семь. Правда, вонять стало ещё на подходе. И это действительно оказались поля. Сотни ям, где перегнивало всё, что можно, вплоть до вражеских трупов. И ямы продолжали копать.

Завесив лицо влажным платком, прошёлся, смотря, как обстоит процесс. На моих глазах из города прибыла ещё повозка с баком человеческих отходов, распределённых в несколько новых ям. Производство поставили на широкую ногу, однако. Да и большой город даёт достаточно отходов для подобных полей.

Я же только восхищённо присвистнул, смотря на объёмы проведённой работы вокруг. И на недоумённые взгляды охраны, пояснил:

— Воздаю должное организаторским способностям принцессы. Удивительно! За такой срок столько сделать...

Они пожали плечами, не видя ничего сложного в том, чтобы свозить дерьмо в одно место. Я махнул рукой, ленясь что-то объяснять, и прошёлся по территории, осматривая ямы. Воняет сильно, конечно, так что я прервал экскурсию достаточно быстро, лишь, всё же, бросив охране:

— Так пахнет наша будущая победа. Не кривите нос!

Занял место в телеге, находясь под впечатлением от увиденного. Через пару лет мы получим десятки тонн селитры. Но я думаю, что поля будут расти, возможно выход будет больше. К тому же, по хуторам и сёлам что-то удастся собрать...

По прибытии в город, отправился проведать алхимиков. Но там активно работали с партией селитры, что привезли вчера, поэтому я только поздоровался и ретировался, решив не отвлекать людей. Разумеется, не забыв прихватить с собой мешочек пороха.

Вернувшись домой, разобрал свой походный рюкзак, достав гильзы пули и небольшой пресс, да уселся на открытой веранде снаряжать патроны, размышляя об увиденном сегодня. Элеонора не теряла зря времени. Да, по-другому город и не победил бы в битве, но всё равно...

Скрипнул пресс, и я отставил очередной патрон в рядок к таким же. Засыпал порох в следующий и потянулся за пулей, когда раздался шум шагов. Рядом молча присела за стол Фиона и выложила на стол мешок с пустыми гильзами.

Так же без слов отобрала у меня мерный напёрсток, которым я насыпал порох, и подвинула к себе пакет с огненным зельем. Пару минут мы в тишине снаряжали свои боеприпасы, пока я не попросил:

— Поможешь кузнецам с двигателем? Дело важное и сулит большие перспективы.

— Помогу.

— Благодарю.

Вот и весь разговор. Впрочем, как обычно. Редко удаётся услышать, как она произносит больше пары слов подряд. Только когда что-то важное или опасное происходит. Сколько я уже практически живу с блондинкой? Около года? Сначала думал, что нежелание со мной разговаривать идёт от мстительности или ненависти. Но она и со всеми остальными так, кроме тех случаев, когда стоит притворяться кем-то.

Заставить проявить эмоции бывшую богиню магии может бой, да и то не каждый. Интересно, так возраст влияет или просто темперамент такой?

Однако, нельзя сказать, что оно так плохо. Задумавшись, потянулся за очередной гильзой, столкнувшись с Фионой пальцами. Она лениво бросила на меня задумчивый взгляд и уведомила:

— Скажи слугам, что ужин себе буду готовить сама.

— Зачем? — недоумённо спросила Элеонора, уже как полминуты стоящая за дверью, наблюдая за нами сквозь полуоткрытую створку.

Она старалась вести себя незаметно, но скрип половиц давно её выдал. Да и скучно наблюдать тишину, так что, бросив подглядывать, она уверенно села рядом со мной.

Блондинка принцессу проигнорировала, поэтому пришлось отвечать мне:

— Любит вкусно поесть. И хорошо готовит.

— Но ведь неуместно самой, если есть слуги... — растерялась аристократка.

— Почему? — едва заметно подняла бровь Фиона.

— Так меня учили. Даже если можешь сделать лучше, нужно, чтобы учились подчинённые. Тогда не придётся больше делать подобное самой, и появится время на что-то другое, более полезное...

— Кто-то играет в азартные игры, другие читают или пьют. У каждого свой способ потратить свободное время, — усмехнулся, обжимая очередную пулю.

Девушка только пожалала плечами и перевела тему:

— Хотела спросить, что ты с пленником будешь делать? Мы держим его в нашей тюрьме, но дальше что?

— Отпущу, когда всё закончится.

— Хочешь выкуп попросить?

Она нахмурилась, явно прикидывая, сколько можно поиметь на этом денег для казны и стоит ли оно того.

— Много с него не взять. Его владения под Вышгородом, они сейчас всё равно наши, — пожал я плечами. — А деньги, которые зарабатывал, в основном, торговлей, все потрачены на войну и выкуп пленных. Другие за него платить не будут, он в опале. Пусть пока сидит.

— Глупая жалость, — уронила слова Фиона, вызвав одобрительный взгляд принцессы.

В памяти всплыли картины зачистки городов, разрубаемые на куски женщины, дети, старики. Яркая сцена безголового тела на обледеневшем пляже. Вспыхнула злость, и я не посчитал нужным её сдерживать, процедив:

— Я убил достаточно людей, чтобы иметь право щадить, кого хочу и когда хочу. Просто заткнитесь, хорошо?

Спорить со мной никто не стал, иначе я бы наговорил много ещё чего интересного. Но настроение испорчено, так что поднялся, ссыпал свои патроны в карман и молча вышел.

— Надо же, недостаточно кровожадный, — сплюнул я, выйдя во двор.

Скинул куртку, броню, сапоги. Подхватив из стойки шест, встал в стойку. Укол. Ещё. Парирование, смена стойки.

Концентрируясь на глубоких ровных вдохах и выдохах, перетекал из стойки в стойку, отрабатывая защиту и атаки. Медленно, плавно. Вбивая и так уже давно усвоенные приёмы ещё глубже в рефлексy.

Рядом раздался смешок. Повернув голову, я на автомате отбил летящий в меня наконечник такого же шеста. Контратака, парирование. Взвинтить темп, проводя серию уколов. Противник отступил, чтобы через пару секунд ответить.

Шесты летали молниями, тяжёлое дыхание вырывалось из лёгких. Атака, парирование. Серия уколов, его обманный финт, шаг в сторону, пропуская удар, проводя одновременный укол. Шест влетел в наплечник, отталкивая противника.

— Хватит! — отскочив, поднял свободную руку поединщик, пытаюсь отдышаться. — Вырос, хвалю!

Я сплюнул тягучую слюну, выдохнул и произнёс, протягивая руку:

— У меня было много практики.

— Верю, — хмыкнул Свен, здороваясь. — Смотрю, похудел, посвежел, даже шрамы исчезли.

Я провёл пальцами по гладкой щеке, там, где раньше пересекал глубокий рубец. Оно, конечно, так, но объяснять, как подобное вылечили и, самое главное, какие оно имеет последствия, спешить не буду. Лишь с усмешкой произнёс:

— Целебный морской воздух творит чудеса! Ты к Элеоноре? Как обстановка на границе?

— Да тогда уже, скорее, к тебе, — погладил бороду северянин. — Они собирают силы. Пора и нам стягивать туда больше воинов. Времени осталось не много.

— Когда ты возвращаешься на границу? — прищурился я, крутнув в руке шест и отставляя его к стене.

— Пару дней отдохну и поеду.

— Я с тобой, — хмыкнул.

— А как же твои женщины? — усмехнулся в ответ бывший охотник.

Я глянул в окно веранды и устало выдохнул:

— Вот именно от них и хочу отдохнуть на войне!

Глава 10

В сражениях этого времени нет линии фронта, есть деревни, сёла и хутора, контролируемые одной из сторон, по которым и рассеяны армии. У благородных есть стоянка основного войска, где они держат несколько тысяч человек. У нас подобного нет, не имеем возможности прокормить столько человек в одном месте.

Когда аристократы пойдут в атаку, наши люди вместе с населением подконтрольных сёл будут откатываться назад, пока не наберётся достаточно воинов для битвы.

Сейчас же мы с охраной и Свеном прибыли до ближайшего к врагу хутора. По пути сюда заехали ещё в несколько сёл, разговаривали с людьми, проверяли запасы. Как и ожидалось, с едой плохо и так, а тут приходится кормить ополчение. Людям тяжело, но пока справляются.

— Да что же это, кто вообще придумал на лошадях ездить? — болезненно скривившись, я попытался размяться, после того, как вылез из седла.

Отбитая задница, болящие мышцы... Первое длинное путешествие верхом мне сильно не понравилось.

— Терпи, дальше будет проще, — хмыкнул северянин.

— Конечно, моя жопа приобретёт прочность камня и сразу станет лучше, — отмахнулся от его подколки я и сменил тему: — Давно столкновений не было?

— Десяток дней назад пробовали атаковать, немного постреляли их, и они отошли. Соберут больше сил, попробуют опять.

Я нахмурился, прикидывая в голове картину местности: пяток километров по дороге, и там уже деревни с сёлами под контролем благородных, а через два дня пути основной лагерь.

На хуторе, кроме нас, находится полсотни человек. Мы как раз обсуждали, стоит ли мне отправляться самому посмотреть, что там дальше, когда из леса вышло трое разведчиков. Через пару минут они оказались перед нами, и десятник доложил:

— Из основного лагеря к ублюдкам подошли ещё силы, уже не помещаются в ближайшем селе. Сегодня пойдут в большой набег, — жадно сделав пару глотков воды, уставший боец резюмировал: — Надо отходить.

— Тогда отходим, — кивнул Свен.

После его слов в поселении поднялся кипишь. Крестьяне упаковывали вещи, выводили на улицу скотину. Благо, к отступлению тут были готовы давно — уже через пару часов телеги со скарбом и людьми, идущими рядом, потянулись по дороге.

Благодаря докладу я в разведку не пошёл, хотя и планировал изначально. Зачем? Только ради острых ощущений? Отступал вместе со всеми, поглядывая, как такое вообще происходит.

Мы отходили последними, так что видели, как на хутор входят передовые отряды врага.

В следующем селе тоже готовилась эвакуация. Как и в третьем, в которое мы прибыли. И уже тут, сидя над картой, я предложил северянину:

— Надо их притормозить, если мы собираемся сражаться у Выдровки. Хотя бы на пару дней, пока подтянем отряды.

— Я отдал приказ, в соседних деревнях их встретят, — кивнул он.

— А здесь их встретим мы, — усмехнулся я, скидывая с плеча винтовку.

Сегодня вооружён по полной: «Валера» на поясе, винтовка Фионы в руках. Ей пообещали сделать оружие лучше, как и свой собственный револьвер, к слову. Да и номенклатуру патронов решили расширить пистолетным калибром, не отбивающим ладонь при выстреле.

Большого количества усиленных скверной бойцов никто не ждал. Противник больше не играет с заразой, ведь пуле без разницы, насколько ты силён. Так что и смысла в подобном слобое особого нет.

— Ну, удачи. Не помри тут, — хмыкнул северянин.

Свен отправится собирать отряды, чтобы отразить набег, а мне доверил командовать отрядом в деревне.

Спустя час бывший охотник уехал, а я остался с полусотней солдат. Все стрелки, из них десятков с переломными нарезными ружьями.

В первую очередь занялись оборудованием позиций и путями отхода. Где-то ломали заборы, в других местах, наоборот, устраивали баррикады, обустривая непростреливаемые коридоры. Решали кому, в каком порядке отходить, кто какой отряд прикрывает

В полукилометре, за холмом, устроили импровизированную конюшню, оставив в деревне всего десяток лошадей, как следует укрыв их в дальнем, самом затрапезном доме. Больше спрятать так, чтобы можно потом их использовать для эвакуации, не получалось.

По плану, первые отряды врагов встречаем плотным огнём, после — основной отряд отходит к коням под прикрытием стрелков с многозарядками. А там, на лошадях, отходим и мы.

Заняв место на чердаке одного из домов, стал неспешно выставлять перед собой патроны. Рядом тем же самым занимались двое парней из охраны, бросая завистливые взгляды на мою винтовку.

В деревне царила полная тишина, вести разговоры, кроме как в случае тревоги, нельзя. Как и выглядывать в окна, разумеется.

Просидели мы так, до самого вечера. И только потом раздался стук копыт, тихие голоса и редкое ржание лошадей.

Я осторожно выглянул в небольшую щель между досок, оценивая обстановку. По дороге ехало несколько всадников. Они прошли мимо моего убежища, затем деревню насквозь, вернулись. Достали рог, и над селением пронёсся тягучий рёв.

Губы раздвинул волчий оскал. Купились! Не зря в прошлых деревнях не осталось никакого подвоха, по-настоящему проверять эту они уже не стали. Часть из них спешила, подводя лошадей к колодцу. Воду они, конечно, проверили, но без огонька. В прошлых сёлах всё было нормально.

Пара самых торопливых “высших” уже обыскивали, чем можно поживиться в домах. Я облизал пересохшие от волнения губы и еле слышно прошептал:

— Лишь бы не ломанулись на чердаки...

Но нам повезло. Враги хозяйничали в домах, шумно обсуждая, кто, где сегодня будет спать, и что нужно отхватить места поприятнее. А через несколько минут на дороге появилась конница. Десятков за десятком они втекали в деревню, видимо, собираясь распределяться по домам на ночь.

Гулко билось сердце, потели ладони. Уж слишком много благородных вошло в деревню. Мы рассчитывали на небольшой передовой отряд, но тут уже сотни две. Это точно не полноценное вторжение?

Дальше ждать нельзя, иначе мы не сможем уйти. Я подполз ближе к окну и кивнул парням. Глубоко вдохнул и поднялся, вскидывая ружьё к плечу. У колодца гарцевали всадники, один из которых выделялся количеством перьев на шлеме и качеством доспехов. Именно он и получил первую пулю.

Следом за мной единым залпом грохнуло по всей деревне. Хуже всего врагам пришлось на площади у колодца — там сразу упало мёртвыми и тяжело ранеными человек двадцать.

Я продолжал стрелять. Переломить ружьё, выкидывая в мешок гильзы, вставить скорозарядник, надавить, оставляя патроны в барабане, защёлкнуть ружьё и вскинуть к плечу. Выстрел, выстрел, выстрел. Перевести в сторону, убивая ещё двоих.

— Бёрн! — раздался справа возглас, и я, повернувшись, увидел, как ходит ходуном лестница, прислонённая врагами к стене и ведущая к нам на чердак.

Три шага, выхватить револьвер, выстрелить в ползущего человека и в пару тел за ним. Больше снизу не лезли, и я вернулся к окну, продолжая вести огонь. Целей слишком много, да и в окно полетели стрелы, заставив сосредоточиться на лучниках.

Благородные разбежались, прятались за заборами и лошадьми. Но точки обстрела расположены так, что дорога простреливается со всех сторон. Прячась от меня, они попадали под выстрелы из других домов.

Скорозарядки кончились и пришлось снаряжать барабан винтовки по одному патрону. Впрочем, видимых целей уже не так много. Я громко свистнул и прижался к скату крыши, выцеливая один из домов, где засели наши парни. Из-под крыши спустилась лестница, и по ней с чердака быстро соскользнули пятеро парней, бросаясь к проделанной в заборе дыре.

Пробежав пару дворов, они остановились, прикрывая эвакуацию соседнего отряда. Я довольно кивнул, зная, что сейчас уходят и те бойцы, кого я не вижу. Не всегда без проблем, судя по тому, что раздалось несколько залпов обычных ружей.

Мы с парнями ещё десяток минут отстреливались, а потом я закинул винтовку за спину и взял в руку револьвер. Ополченцы скинули лестницу с крыши и быстро спустились вниз, пока я их прикрывал. Следом слез сам, и мы бросились к дыре в заборе.

Выскочив на другую сторону, наткнулись на группу из четырёх благородных. Я быстро отстрелял весь барабан, грохнули ружья парней, и мы побежали дальше, оставив за собой трупы. На ходу перезарядился, но больше нам никто не встретился.

А «высшие» ведь могли. Я точно видел несколько мелькнувших лучников аристократов, но они просто побоялись выходить на перестрелку лука против огнестрела. Не могу их винить, шансов у них не много. Попасть из лука в области тела, не прикрытые бронёй, сложно, в то время когда мне достаточно попасть куда угодно, чтобы не убить, так тяжело ранить. Раны от мягких свинцовых пуль очень жуткие.

Мы прорвались к дальнему дому, где нас встретило полдюжины наших, перестреливающих с редкими смельчаками среди врагов. Открыли двери амбара, запрыгнули на лошадей и на полном скаку понеслись прочь из деревни.

Я несколько раз оборачивался, стреляя. Но преследовать нас дезориентированные скоротечным боем благородные не рискнули.

Жаль, так бы они попали под залп ополченцев, ушедших ранее. В итоге, мы соединились с остальными силами и поскакали по дороге. В строю пустыми остались четыре лошади. Я поморщился, но да, без потерь уйти не удалось. Однако такую цену мы готовы платить — враги потеряли не меньше сотни воинов. Эх, провести бы несколько таких рейдов...

Пока я трясся в седле, эта мысль не давала мне покоя. Когда мы прибыли в следующую деревню, куда стянулись несколько похожих отрядов, я отозвал Свена в сторону:

— Найдёшь четыре десятка человек из тех, кто посмелее, знает местность и умеет стрелять из лука и ружей?

— Зачем? Вы и так хорошо поработали, — нахмурился бывший охотник.

— Продолжу кусать ублюдков за бока, — оскалился я.

— Это и пороха вам нужно выделить...

— Не скупись, в засадах хороший размен выходит. Так сможешь выделить людей?

— Ай, иди спать, к утру всё будет, — отмахнулся мужчина.

Я довольно потёр ладони и, вернувшись в один из домов, что зарезервировал для себя, забрался на печку, завернулся в одеяло и уснул.

Проснулся рано утром от шума голосов возле занятого мною домика. Быстро умылся из фляжки, выпил воды и вышел наружу, оглядев полусотню мужчин.

При моём появлении раздалось громкое «стройся», и ополченцы вскочили с мест, быстро выстраивая строй. Я мельком оглядел луки и арбалеты за спинами, вещевые мешки, доспехи. Ну и ружья, конечно. Сейчас нужно произнести речь. Желательно, пафосную, зажигающую сердца. Но меня этому никто никогда не учил, так что я протяжно зевнул и сказал:

— Будем бить ублюдков в лесу: нападения на занятые хутора, перехват небольших отрядов на дорогах. Больше убьём — легче будет в большой битве. Из местных кто есть?

— Я из той деревни, что вчера оставили, — поднял руку молодой светловолосый парень.

— Как зовут?

— Золтан, Ваша Милость.

— Тогда и веди нас, заодно расскажешь про окрестности. Собираемся и выходим!

Через полчаса мы уже топали по лесу, забирая сильно вправо от дороги. По словам проводника, к полудню обойдём деревню, а там путь вдоль болота. В итоге, выйдем на неплохое место для стоянки, откуда удобно будет ходить в рейды.

Он не ошибся, солнце стояло в зените, когда показалась небольшая охотничья избушка с родником неподалёку. Немного отдохнув и перекусив, отряд выдвинулся к тракту. Пара часов хода, и основные силы остановились, а я с проводником и одним из десятников отправился на разведку.

— Всё, дальше нельзя. Заметят, — шёпотом предупредил нас Золтан спустя полчаса ходу.

Хмыкнув, я достал из мешка кусок грубой холстины и стал вставлять в неё веточки, травинки и прочий мусор. Осмотрев результат, накинул её на себя, проделав отверстие для головы. Затёр грязью и смолой шлем, а после лёг на землю и осторожно пополз, держась кустов.

Десяток метров. Три десятка. Полсотни. И дальше совсем медленно, внимательно смотря по сторонам.

Вдалеке, за деревьями, мелькнула дорога, и я, найдя кусты погуще, замер, наблюдая за движением.

За десять минут мимо проскакал один отряд на два десятка человек, да прошла телега с небольшим сопровождением. Устроившись удобнее, отпил воды из фляги и продолжил наблюдение, обдумывая тактику.

Маленькие отряды рационально выбивать из луков и арбалетов, после чего утаскивать

трупы в лес. Стрелять из ружей — грохота будет на всю округу. Большие отряды обстреливать и уводить глубже в лес, в засаду, заодно решая вопрос с тасканием новых трупов.

Главное, не отпускать живых, и тогда на пару раз этого места хватит. Кивнув своим мыслям, я подал знак лежащему рядом проводнику и пополз обратно, через полсотни метров с наслаждением встав на ноги. Рождённый ходить — ползать не должен!

Шутки шутками, но обратно шёл, высматривая позиции, подыскивая место для засады. Конечно, можно всей полусотней засесть вдоль дороги с обеих сторон, тогда вероятность, что кто-то из врагов уйдёт, небольшая. Но и мы, если нас обнаружит сравнимый отряд, окажемся разделены и без каких-либо преимуществ. Так что нет. Пусть лучше мы рассредоточим вдоль дороги человек двадцать, а остальные будут нашей страховкой поглубже в чаще.

Найдя небольшую прогалину в лесу, прошёлся, высматривая позиции лёжек для бойцов. Пойдёт.

Мы дошли до основного отряда и вернулись уже все вместе, распределяя места для каждого из засадного отряда. Думаю, стоит чередовать людей в засаде тут и около дороги. Часть народу сходила до тракта и вернулась. Ну а следом отряд отправился обратно на охотничью заимку на ночь.

Отдых, приготовление пищи и снаряжения, обсуждение тактики и условных сигналов. Многие плели себе различные халаты, типа моего, проверяли и чистили оружие.

На рассвете выдвинулись на место засады. В обе стороны от дороги отправили отряды по три человека с задачей перехватывать тех, кто сможет сбежать, а полтора десятка разместились вдоль дороги.

Я хмыкнул, оглядывая новые кусты и кочки, которых тут не было. Многие бойцы ещё и в землю частично зарылись, удачно выбрав момент без путников. Десять метров от дороги, но если не знать, то и не заметишь. Всё готово и оставалось лишь ждать добычу. Благо, она не заставила себя ждать.

Через полчаса раздался стук копыт, и показался отряд пехоты, сопровождающий телегу. Шестеро человек. Идеально!

Вот они всё ближе, и я, вскинув арбалет, выстрелил. Попал, один из пехотинцев рухнул на землю, схватившись за застрявшую в лице стрелу. Выстрелили ополченцы, и упало ещё трое, а остальные враги оказались ранены. Ещё залп, и пятеро наших бросились на дорогу, попутно добив благородных.

Трупы закинули на телегу, а несколько воинов замели кровь на дороге специально подготовленными вениками. Телегу же загнали подальше в лес и закидали кустами и лапником, лошадей отогнали в другую сторону и пустили пастись.

Крестьянским парням не хватило сил справиться с жадностью и убить дорогую животину, да и предложения взять животных с собой звучали интересно. Хотя бы на мясо, которого постоянно не хватает здоровым парням в наших полуголодных условиях.

Тем не менее, через пять минут всё было как прежде. Но, едва расположились в засаде, как на дорогу вылетел ещё отряд всадников в два десятка человек.

Я даже не успел выстрелить, как разгорячённые прошлой битвой ополченцы обрушили на них град стрел. Заржали лошади, падали или повисали на сёдлах всадники. Однако дюжина проскочила дальше по дороге.

Через мгновение от этого отряда раздался тревожный свист. Мы с парнями не выходили

из леса, редкими стрелами добив раненых.

Тем временем, на дороге показалась плотная колонна, которой не было видно края. И вот они сразу же стали бить из луков в лес, заметив одного из наших бойцов, не успевшего нормально спрятаться.

Мы ответили, конечно, но силы явно были неравны, и пришлось отступить дальше в чащу, продолжая стрелять из луков и арбалетов. Но и там, выдав пару залпов, мы развернулись и побежали, преследуемые по пятам противниками.

Тут уже не до стрельбы, только и остаётся, что сматываться. Хорошо, что не так уж и далеко. Мы пролетели заветную прогалину и попадали в оборудованные заранее места, пытаясь отдышаться.

Бегущих за нами врагов встретил ружейный залп. Полтора десятка самых быстрых упало мёртвыми и ранеными. Но и весь эффект — остальные попрятались за деревьями.

Я выхватил винтовку и стал стрелять сам, беспрестанно матерясь на свою собственную глупость. Лес лишил превосходства в оружии нас самих. Я попадал, но проблема в том, что благородных становилось всё больше, и нас потихоньку обходили справа и слева.

Вернулись засадные отряды, которые должны были не дать уйти подранкам и беглецам, добавив нам числа. Бой же всё увереннее превращался в позиционную дуэль, в которой, у нас преимущество лишь в заранее подготовленных позициях. Жаль, но мой красивый план по созданию «конвейера смерти» на поверку оказался полным дерьмом.

Над головой свистнула стрела, и я глубже зарылся в листья и сосновые иголки, перезаряжая винтовку. Выстрел, выстрел. Попал. Вскинулся ещё лучник с перьями на шапке, посылая в меня стрелу, и спрятался за трухлявым пнем. Я три раза нажал на спуск, всаживая пули в эту «преграду». Судя по взлетевшему в воздух перу, он поймал пулю в голову.

Ситуация пахнет керосином, однако, повернувшись к соратникам, я, демонстрируя уверенность, выкрикнул:

— Отходим, как планировали!

И сам пополз назад, одним из первых. Задача вооружённых многозарядками отойти первыми и потом прикрыть отход остальным. Вот и я отполз назад на три десятка шагов, унял беспокойное дыхание, положил винтовку на ветку и открыл огонь на подавление, максимально быстро перезаряжаясь.

Под нашим прикрытием отошли и остальные, подхватывая раненных, ружья, запасы пороха и пуль, убитых товарищей. Потом под их прикрытием отошли и мы. Но толку вышло не много, нас преследовали, и засада, превратилась в загонную охоту. Всё чаще с нашей стороны летели стрелы и болты, а враг подбирался всё ближе.

Вскинув винтовку, выстрелил в мелькнувший среди деревьев силуэт. Не попал. Ещё пару посланных пуль, и спрятаться за деревом, раскрывая барабан и вытряхивая гильзы в мешок. Пошуровав в кармане, стал снаряжать новые патроны. Остался всего десяток.

Мы потеряли пятерых мёртвыми и семерых ранеными, которых сейчас уносит с поля боя ещё десяток человек. Итого, в бою осталась половина отряда. Сейчас нам нужно тут продержаться минут десять, давая время эвакуировать раненых. Может, стоило всем засесть в одном месте и попробовать отбиться? Нет, тогда окружают, а там не факт, что у нас хватит сил...

Выстрел. Ещё. Максимально чётко и экономно, стараясь лучше целиться. Ещё три попадания. Перезарядка, пытаюсь найти залёгших противников. Не нашёл. Несколько жадных глотков из фляги, дозарядить винтовку. И замереть, отслеживая цели.

Слева грохнул выстрел, следом ещё пять. Развернувшись, открыл огонь по мелькающим совсем близко врагам. Они, всё же, смогли обойти с фланга. Но мы отбились, правда, оказалось, обошли нас не только слева. От доспеха отскочила стрела, и я выхватил револьвер, поворачиваясь направо. Выстрел, ещё один. Труп лучника осел на землю.

Подхватив левой рукой копьё, бросился наперерез недругам, стремясь закончить бой быстрее и дать соратникам возможность перезарядиться. Мимо пролетел болт, отскочила от нагрудника стрела, и вот передо мной полдюжины человек. Три быстрых выстрела: лучник и арбалетчик осели на землю.

Врагов четверо, трое крутящих в руках свои сабельки и один копейщик. Валера грохнул последней пулей, расплёскивая мозги копейщику, отправился в кобуру, а я замер с копьём в руках. И постарался расслабиться, убирая напряжение из мышц, готовясь к работе на рефлексах.

Вдох.

Они атаковали одновременно: передний сразу поднял саблю, готовясь жёстко парировать удар моего копья, а двое за ним должны были нанести удары справа и слева. Губы раздвинулись в улыбке, и я прыгнул вперёд навстречу первому, одновременно нанося укол идущему сбоку.

Его глаза удивлённо расширились, но, вместо парирования копья, ушедшего в его товарища, он сумел сообразить и нанести укол мне в горло. И не попал. А я уже был рядом, слыша, как по плечу проскрежетала сабля. Удар левым кулаком, в который я вложил всю свою массу, заставил его поплыть, несмотря на шлем. Я сбил благородного своим телом, а после, прикрывшись им, как щитом, от других, перехватил копьё у острия, и одним движением перерезал горло.

Тут же, разрывая мышцы, толкнул заливающее землю кровью тело навстречу чужой атаке и сделал несколько шагов назад, перехватывая копьё нормально.

Выдох.

Пяток шагов в сторону, ведя противников по кругу. Шаг вперёд, укол. Назад, в сторону, укол. И ещё несколько максимально быстрых атак, навязывая врагам защиту. Звякнул металл, когда они парировали атаки. Я ещё взвинтил темп, атакуя одновременно обоих, приучая к определённой манере боя. Быстрые, максимально лёгкие удары, парируемые саблями.

Смена стойки, крепкая фиксация копья и удар с вложением всей массы тела. Вскинулась в парировании сабля, но наконечник, вместо того, чтобы безобидно уйти в сторону, как до этого, входит «высшему» в горло.

Усмехнулся, радуясь хорошему удару. Удалось просчитать, насколько он сможет сдвинуть удар копья саблей и попасть абсолютно точно. Я молодец!

Взмах клинка прошёлся перед моим лицом, пока я отступал, а моё копьё резануло по ноге атакующему. Он на долю мгновения опустил глаза вниз, и после этого не успел отреагировать на укол в голову. Наконечник проскользнул по кости лица, пластая мясо, и вошёл в глаз.

Шагнув вперёд, я толкнул ногой тело, стряхивая труп с застрявшего в глазнице острия. Опять поднял копьё и глубоко вдохнул. Первая моя атака очень-очень опасная вышла, по грани прошёл, но иначе троих опытных воинов никак не победить. И у меня совсем кончились патроны.

Рядом раздавались редкие выстрелы. Подхватив колчан с болтами и оружие мёртвого

арбалетчика, я бросился к своим, взводя тетиву. Бой до сих пор не закончен, нужно уводить людей.

Кажется, хреновый из меня вышел партизан...

Нам повезло, после того, как я вернулся к остальным, противник стал отставать. Эти фланговые отряды оказались последними значительными силами благородных. Отстреливаясь из луков и арбалетов, мы смогли отойти.

— Дальше я сам, Ваша Милость, — кривясь от боли, прошептал наш проводник у меня за спиной.

— Не неси чушь, Золтан, не далеко осталось.

На этом мой живой рюкзак заткнулся. Не я один щеголял подобным «рюкзаком», кроме того, двое парней шли с носилками. Я старался глубоко дышать и не сбиваться с ритма, нам ещё около километра до охотничьего домика. Там попробуем оказать помощь лучше, чем вытащить стрелу и перевязать рану.

Ранения, в основном, довольно однообразны: стрелы в неприкрытых конечностях. Лишь парень на носилках зажимал бронебойную стрелу в животе, прошедшую сквозь кольчугу.

Сходили в партизанский рейд, называется! Сейчас понятно, что тут нужно наносить быстрый удар и уходить, не пытаясь устроить засаду на несколько отрядов сразу. А если устраивать долговременную ловушку, то с засеками и укреплениями.

— Бьёрн, он, кажись, всё, уже холодет начал.

Фраза одного из «носильщиков» вывела меня из невесёлых размышлений о собственных ошибках. Я поморщился и попросил бойца:

— Донеси до места, хоть похороним нормально.

Тот хмуро кивнул, и мы продолжили наше невесёлое путешествие, к счастью, без проблем добравшись до охотничьего домика. И уже там, обложившись зельями, нитками и иголками, я принялся шить.

А кому ещё? Вчерашним крестьянам, которые венозную кровь от артериальной не отличат?

Помыл руки, накипятил воды, достал небольшую котомку, в которой у меня зелья и перевязочный материал, да принялся работать, как мог. Пока подготавливался, ещё двое, кроме того, что мы принесли мёртвым, до помощи не дожили. Истекли кровью.

Хуже всего оказалось с ранением живота, где требовалось всё как следует промыть, зашить кишки и ливануть сверху обеззараживающего зелья. Уж о микроорганизмах местные медики представление вполне имеют. Но справился. А вот парень, которому пробило бедренную артерию, потеряв очень много крови, умер у меня на руках. Причём, что обидно, артерию ему пробило при транспортировке, уже возле убежища. Не рискнули вынимать стрелу, уж очень неприятно сидящую в ране.

Остальные, после того, как я потратил все зелья, возможно, выживут, если не будет заражения. Вообще, зелья работают хорошо, в лекарском деле не нужно таких уж огромных энергий, если, конечно, тебе не собирают череп по кускам, как мне в своё время. Алхимия даже на мане с её ограничениями достаточно эффективна.

Закончив, помыл руки и остался сидеть, смотря на огонь. Пятнадцать человек умерло, дюжина ранены. Сколько мы убили в ответ, сотню? Больше? Стоило ли оно того?

В любой момент по нашим следам могут явиться враги, а у меня может драться только два десятка человек. Но и уходить пока не можем, нужно отдохнуть и дать хоть немного времени раненым.

Выпив воды, подтянул мешок, достал небольшие тиски, порох, пули. И меланхолично стал прессовать в гильзы.

Пять, десять. Двадцать. Тридцать. Сорок. Пока работал, на лес опустились ночные сумерки, бессвязно вскрикивал в бреду раненый в живот, похрапывали остальные бойцы, да часовые тихо обсуждали прошедший бой.

Слушая восторженные восклицания, кто и сколько убил, поморщился. Парни сама простота: ну да, четверть отряда умерла, но ведь убили сколько? По десятку за каждого! Так может не надо пытаться быть святее Папы Римского? Раз для местных это победа, то и мне не стоит так уж сильно переживать? В конце концов, я не военный. Впервые подобное организовываю, и пусть мы выжили и победили только благодаря огнестрелу, но так в первый раз, что ли?

Сплюнув, я завернулся в одеяло и попытался уснуть. Лежал, ворочался, пока не увидел, как двое часовых поднялись и двинулись в лес заменить своих коллег в дальнем дозоре. И только тогда, немного успокоившись, задремал.

Утром быстро собрались, подняли носилки, на которых разместили раненых и отправились домой. Отдыхать приходилось довольно часто, но никто не роптал, все можем на носилках оказаться. Дошли без проблем, и уже в сумерках оказались на территории, контролируемой нашими.

На следующий день меня разбудили такими словами:

— Бьёрн, а когда мы пойдём ещё?

Я спросонья недоумённо уставился на одного из десятников, с которыми ходил в рейд. Очень хотелось спать, и я, желая перенести решение на свежую голову, отмахнулся:

— К вечеру!

Отмазавшись, накрылся одеялом и уснул опять, продремав почти до заката.

— Хорошо-то как! — протяжно зевнул и, почесавшись, вышел из избы, где спал.

Прошёл к колодцу, умылся, вернулся в дом, захватил кружку, заварку на травах, сахар. Заварил себе из общего котелка с кипятком напиток и, посидев пару минут, внимательней огляделся по сторонам.

В небольшом селе, что мы заняли для стоянки, сильно прибавилось людей. Раздавали порох, лили новые пули, перетряхивали вещи. Царило приподнятое боевое настроение.

Я как раз принялся за кашу, когда, поправляя кусок ткани поверх доспеха, подскочил всё тот же десятник, отчитавшись:

— К ночи можем выходить! Но, Ваша Милость, лучше утром. Дождь собирается, да и запас пуль восстановить не успели.

Я про себя выругался. Кажется, спросонья оказался не точен в формулировках. Но не отступать же теперь? Так что бросил демонстративный хмурый взгляд на низкие тучи и кивнул:

— Да, конечно.

— Спасибо, Ваша Милость! — десятник просиял и, поклонившись, бросился передавать новость остальным. Совсем молодой ещё парень ведь, лет восемнадцать. А уже командует отрядом, что значит, дерётся с начала осады...

Вздохнув, быстро доел кашу и принялся располагать на костре свою пулелейку. К утру надо подготовить боезапас.

Я успел, и даже получилось пару часов вздремнуть. Ну а с восходом солнца мы выдвинулись в лес. Нас стало больше, ружья павших потеряны не были, и их взяли новые

бойцы. Ещё десяток человек шли вооружённые для ближнего боя.

На привалах я обдумывал схему связи между отрядами. Вообще, магические способы связи хоть и упростились с катастрофой, но один вариант есть. Руна «подобие», связующая, иллюзорная и пара накопителей. Позволит с расстояния в пару километров окрашивать выбранную область на артефакте в ту, которую задали на ответной части. Недалеко, но нам поможет хотя бы понять, не идёт ли за выбранным для охоты отрядом ещё один. Повторения прошлого рейда, когда мы связались со слишком большими силами противника больше не хочу.

В целом, варианты магического телеграфа используются на небольших расстояниях: драконы так, например, передают в своей банковской системе часть информации о движении средств. Хотя, может, информации там больше, чем показывают, никто не знает. Секреты, что касаются денег, ящеры охраняют свято.

На этой мысли я поморщился: недостаточно свято, раз данные утекли, и мне пришлось отбиваться от «высших» по дороге.

Тем временем отряд бодро преодолевал километр за километром по лесам и звериным тропам. В этот раз направились в другую сторону, нацеливаясь на иную дорогу. Шли весь день, делая большой крюк. К ночи, остановившись на лесной полянке, отправились разведку. А утром, пока поработавшие разведчики отсыпались, у меня уже появилось понимание происходящего вокруг.

Судя по карте, мы в приличном тылу противника. Южнее идёт тракт, где как раз стоит организовать засаду. Есть несколько хуторов, где находятся отряды врагов по несколько десятков человек. Но атаковать благородных в укрытиях не хочется. Подловить на марше — совсем другое, чем пытаться выковыривать из домов.

Особо нового ничего придумывать не стал: с утра мы отправились на тракт, подготавливая позиции. В этот раз заранее приказал наблюдающим за дорогой, чтобы нас предупреждали стрельбой, если запахнет жареным. На свист лучше не надеяться.

Отряды меньше двадцати человек решили полностью игнорировать — никакого сидения в кустах у дороги большим отрядом! Несколько разведчиков и остальные силы глубже в чаще. Я, правда, таки в лопухах у тракта, ведь решение об атаке на мне.

К вечеру нам повезло, показался отряд около сотни человек с обозом, медленно тянувшимся по дороге. Я постучал по дереву, привлекая внимание одного из ополченцев в нескольких десятках метров позади, и кивнул. Он вскинулся, отползая назад, чтобы передать сообщение дальше по эстафете.

Спустя минуту остальной отряд выдвинулся к лесу. И когда караван поравнялся со мной, ополчение приготовилось к огню. Никаких попыток заманить в ловушку и слишком сложных манёвров. Насколько возможно скрытно подошли к дороге, а когда не получилось скрытно, спрятались за деревьями и дали залп из ружей.

После залпа, пока перезаряжалась основная масса стрелков, их прикрывали бойцы с нарезными винтовками, выбивая тех врагов, кто решил броситься в атаку. Я занимался тем же самым.

Вот размахивающий саблей аристократ получил пулю в шлем с яркими перьями, повиснув на седле. А вот командир, громкими криками призывающий собраться и сражаться лучников, сам благоразумно прячущийся за телегой. Зря он, борта не защищают от пули.

Отстреляться, перезарядиться и быстро выпустить барабан по метнувшейся в лес дюжине оголивших сабли аристократов. Бросить винтовку, выхватить револьвер и

опустошить уже его запас патронов. Перезарядка и продолжить огонь.

Выстрелили дульнозарядки, и бой неожиданно кончился.

Затишье, пока перезарядились, а затем на дорогу высыпало два десятка бойцов, быстро обыскивая убитых и добывая раненых. Пять минут суматошного шмона, и вернулись в лес, быстро уходя обратно в чащу и стараясь замести следы.

Со следами вышло отвратительно: у большинства ополченцев нет никакого охотничьего опыта. Да и при всём желании семьдесят человек — это не то количество, чьи следы можно скрыть в лесу. Отряд, конечно, прошёлся пару сотен метров по неглубокой речке, но опытный человек всегда поймёт, где мы из неё вышли и вошли. Так что, наверное, просто зря намочили ноги и лучше стоит думать в сторону оставления за собой ловушек, чем пытаться скрыть следы. Однако на такую подготовку местности при тактике “быстро нанести удар и бежать” времени не будет. Возможно, даже стоит подумать о тропах, где можно пройти на лошадях в качестве увеличения мобильности или эвакуации раненых.

На этом на сегодня всё не закончилось. Сделав круг по лесу, опять вышли на дорогу ещё восточнее. И уже тут, выслав предупредительные отряды, засели заново.

Мимо проходили отряды: пять человек, десять, дюжина, три десятка. Это уже достаточно, и я отдал приказ атаковать. Залп, стрельба одиночными, грабёж.

Мы ещё продолжали обыскивать убитых, когда подбежал ополченец и крикнул:

— Выстрел с востока!

Я кивнул и, повернувшись к остальным, приказал:

— Бежим, парни!

И мы побежали... А что ещё делать, когда разведчики бы не стали раскрываться, если там не идёт большой отряд? Так что лучше плохо бежать, чем потом медленно тащить раненых и убитых. Километр за километром, пока не устали. Я не стал проводить рейд дальше, а завернул отряд домой. Бои нужно осмыслить, сделать выводы. Да и зачем испытывать удачу лишней раз?

Тем не менее, вернувшись на тот же хутор, уже через день мы отправились в новый рейд, в очередной раз сменив маршрут. В засаде пришлось сидеть почти полдня, а потом отправиться на другую дорогу, пропуская мимо отряд в двести человек.

Благородные, всё же, не дураки, смогли сделать выводы. Впрочем, выйдя на другой тракт, мы отправили отряды на разведку, а потом просто пошли по дороге, убивая всех встречных благородных. И как только враг выслал большой отряд, ушли в лес.

К сумеркам опять вернулись на первый тракт и прошли там, обнаглев настолько, что шли по дороге километров десять. Вернулись в лес, обошли занятые врагом деревни и к утру были в своём расположении.

Вернулся курьер от наших магов, привезя мне небольшой медный диск с креплением на предплечье и четыре деревянных палочки размером с карандаш. Я не стал мудрить сам, а просто заказал необходимый артефакт магам. Теперь в случае проблем разведке не нужно шуметь выстрелами, а достаточно переломить палочку, и у меня на предплечье загорится сигнал.

Но это не все подарки, что отправила мне принцесса: ещё один сейчас оглядывал мой отряд. Подняв глаза от короткого письма, присланного Элеонорой, оглядел чисто выбритого светловолосого мужчину лет сорока с тонкими пальцами и саквояжем в руке.

— Бенедикт из Сорнии. Врач, да?

— Бьёрн «десяток прозвищ»? — усмехнулся мне в ответ наш новый хирург.

— Не больше полудюжины, — хмыкнул я в ответ. — Располагайся, но я бы посоветовал основное время проводить не на этом хуторе, а хотя бы на время рейдов уходить назад. Благородные легко могут атаковать.

— Я собирался с вами, — хмыкнул врач.

Нахмурившись, окинул его недоверчивым взглядом.

— Зачем? Это опасно, а врачей у нас мало, да и беготни в походе очень много.

— А зачем вам врач, если половина пациентов до него не доживёт? — в свою очередь язвительно осведомился Бенедикт.

— Принимается. Тогда готовься, завтра выходим. Советую выспаться, день будет тяжёлый. Домов тут свободных больше нет, размещайся у меня, — кивнул я на домик позади.

Он махнул ополченцу, стоящему позади, и в дом занесли большой мешок с привязанным к нему одеялом. Врач явно желает обеспечить себе хоть какой-то комфорт.

Кроме доктора Элеонора прислала мне ещё десяток переломных винтовок с запасом патронов под них. Новеньких, явно только из кузниц. Ради интереса проверил парочку комплексом познания. Идеально. Явно Фиона втягивается в работу. Сомневаюсь, что проверяет всё сама, а вот построить магов на выполнение полезной работы...

Наличие врача заставило смотреть в будущее с некоторым оптимизмом о судьбе раненых. Да и дорогу Бенедикт переносил достаточно легко, пусть мы и взяли с собой несколько лошадей. Некоторые тропинки слишком хорошо протоптали, и десяток километров он проехал верхом.

Работа разведки, занятие позиций. Сегодня я немного поднял величину отряда, с которым мы можем столкнуться. Хотя и заставил бойцов сильнее подготавливать места лёжек.

Сработали по классике с упавшими перед лошадьми стволами деревьев и охватом вражеского отряда с двух сторон. Дорога удачно проходила немного в низине, и можно не бояться убить соседа напротив случайным выстрелом. Но и врагов много: крупный отряд, около двухсот человек.

Сначала ударили залпом дульнозарядные, а следом, пока они перезаряжаются, по десятку нарезных винтовок с каждой стороны.

Впрочем, благородные труса не праздновали. Нам в ответ ударили стрелы, бросились мечники и копейщики, желая завязать рукопашный бой. Зря, на самом деле. По-настоящему массово не вышло, и их просто встретили новым залпом.

Рядом в дерево воткнулась стрела, а сам лучник осел с дыркой в черепе. Опыт — великое дело, раньше я стрелял хуже.

— Все за мной! — раздался крик среди «высших», и вперёд бросился воин в богатом, даже на первый взгляд, очень монументальном доспехе. На моих глазах он поймал несколько пуль в грудь и щит, которым прикрывал голову, и продолжил бодро бежать в нашу сторону. Явно выпил зелья, но видно, что простые, однократного действия.

Хмыкнув, я перенёс ствол ниже и выстрелил три раза, добивая остатки барабана винтовки. Запнувшийся воин, кубарем полетел на землю, получив пулю в колено. Правда, за ним единым порывом бежало полсотни воинов, и даже ранение лидера их не остановило.

Прогревели выстрелы, но благородные продолжали бежать по лесу, прорываясь врукопашную. Повесив ружьё на спину, достал револьвер и шагнул в сторону, покидая укрытие за деревом. Враги опешили. Затёртые грязью латы, на которые сверху накинуто

пончо с торчащими из него в разные стороны ветками. Я напоминал оживший куст или какого-то лесного бомжа.

Шесть выстрелов, три трупа и один раненый, а дальше я взял в руки копьё. Укол, труп. Принять на кирасу удар, ответить. Отступить, резануть, уколоть. Сдвинуться, принять на доспехи удар сабли, убивая одновременно другого врага, отступить.

У меня хорошие латы, пробить их вот так саблями или из лука почти невозможно. Я быстро двигался среди атакующих, колол, подрезал, очень редко рубил, главным образом стараясь отвлечь на себя врагов. Правильный строй тут сложно составить, а индивидуально благородные лучше дерутся, чем ополченцы. Надо помочь.

Звякнуло о кирасу металлом, и я отступил, парируя новый удар. Молодой вертлявый парнишка напротив прекрасно работал своим копьём с узким трёхгранным наконечником. Бил мне по ногам, иногда в голову или конечности, целя по уязвимым местам. Никак не получалось его подловить, очень хорош, и копьё у него легче, быстрее.

Парировать, сместиться, отступить. Пропустить попутный удар саблей, воткнуть копьё в колено случайному воину рядом. Звякнуло о наруч чужое копьё, отрикошетив мне в грудь.

Я поморщился, но опять вернулся к танцу с одним-единственным врагом. Талант, чтобы его мать так!

Вокруг продолжали греметь выстрелы, а я всё нападаю и защищаюсь. Никак не получается зацепить его, уж очень юркий в своём простом, лёгком, пластинчатом панцире и шлеме.

Кровь горячит азарт! Как давно я подобного не чувствовал? Борьба с противником на пределе сил и мастерства, когда только копьё и опыт решает, кто из нас лучше.

В один момент я сумел оторваться и махнуть рукой стрелкам, отслеживающим парня. Они послушались и стрелять не стали, перенеся огонь на огрызающийся обоз.

Парировать, сдвинуться, ударить пяткой, резануть остриём, перевести удар в укол, уклониться, ответить. Опять мимо. Да блин! Парень лучше Свена, откуда такое мастерство, ему же лет семнадцать?!

Я, выведенный скверной на пик человеческой формы, попадаю на его разводки, зачастую вытягивая физической силой, размерами и доспехами.

Однако есть кое-что, в чём я парня явно превосхожу. Окинув взглядом место поединка, в очередной раз парировал удар и пошёл в атаку сам. Он отбил, уклонился, ответил, но, сделав шаг назад, на долю секунды запнулся о лежащее тело. Его учили очень хорошо, но нет ещё у парня привычки двигаться по полю битвы, заваленному трупами. А вот у меня — есть.

Бросок вперёд, ввинчиваясь в чужую атаку, отбрасывая своё оружие и хватая его копьё за древко. Рывок на себя и удар шлемом в лицо. Перевернуть выхваченное копьё древком и ударить оглушённого врага по голове, бросая на землю.

— Лежи, тогда выживешь, — негромко посоветовал я нокаутированному противнику, втыкая его копьё в землю и подхватывая своё.

Убивать парня не собираюсь. Просто по-человечески жалко губить такой редкий талант.

— Что дальше, Бьёрн? — крикнул мне один из десятников, а после, запнувшись, добавил: — Красивый бой, Ваша Милость.

— Стараемся, — хмыкнул и, повернувшись к остальным, крикнул: — Уходим.

В этот раз оказалось пятеро раненых и двое убитых. Но теперь у нас есть врач, который быстро оказал первую помощь, а дальше мы выдвинулись домой. Хватит на сегодня

приключений.

Удивительно, но моя тактика оказалась эффективна. Каждый рейд оттягивал основную битву. Враги не могли собрать силы вовремя, вынужденные передвигаться очень большими отрядами даже по своей территории. Большая битва откладывалась, не состоявшись ни через неделю, ни через две.

Мой отряд стал дробиться. Отвалилось тридцать человек, составляющих ядро банды, чтобы действовать на другом тракте. Потом ещё двадцать, отправившихся беспокоить набегами окрестности лагеря врагов.

По лесам стали всё чаще встречаться группы благородных. Обычно небольшие, но достаточные, чтобы срывать наши засады. Враг учился, пока, наконец, спустя месяц мы не провели пять дней, так и не поймав ни одного крупного или мелкого отряда, и ушли намного глубже на их территорию, засев на тракте.

— Как думаете, сегодня опять никого, Ваша Милость? — шёпотом осведомился у меня вернувшийся после ранения Золтан.

Парень так достал всех рассказами, как его из боя вынес на плечах лично Бьёрн, что в госпитале не пожалели слабого зелья регенерации, лишь бы отправить счастливого обратно. Я же, окинув бойца взглядом, усмехнулся.

Стоило однажды вечером у костра бросить, что можно маскировать и лицо, как парни приняли это, как обязательную операцию. Вот и сейчас намечающаяся борода парня тщательно изгажена хвоей и листьями, как и разрисованное грязью лицо. Зрелище довольно комичное. Да и вообще сюр тот ещё: средневековые воины в латах с мечами на поясе прячутся под маскхалатами и маскировочной раскраской, сжимая в руках ружья. Мне немного ломает шаблон такое смещение эпох и стилей. А парням что, им нормально.

— Как повезёт, — задумчиво ответил я.

Если не сложится с засадой, завтра ещё посидим и отправимся домой. Мы и так своими ударами сильно попортили благородным снабжение и сократили их поголовье не меньше, чем на тысячу воинов. Но главное, за это время ещё часть войска перевооружена на нарезные винтовки с патронами.

Более того, на вооружение уже поступают и барабанные винтовки, вроде моей. Это нам хорошо поможет в намечающейся битве. Так что время прошло не зря, и весь порох будет потрачен максимально эффективно.

— Идут! — воодушевился Золтан, кивнув на дорогу, где появился отряд в полсотни человек.

На руке загорелся зелёным браслет, сигнализируя оповещение разведки. Я поморщился.

— Это ловушка. За ними позади большой отряд.

Так и оказалось. Хотя насчёт целенаправленной ловушки именно на нас я не уверен, после того, как увидел основные силы. Обоз в три десятка телег, несколько отрядов конницы, много пехоты. И особенно меня смутили две большие повозки на массивных колёсах. Везут там что-то явно очень тяжёлое. Золото? Нам было бы полезно, Элеонора плачется, что денег в казне нет.

Но врагов около трёх сотен, настороженно посматривающих по сторонам, и почему-то в конец колонны на пару одинаковых повозок.

Я пожевал губу. Опасно. Но сидеть дальше тут уже, и правда, нет смысла. Это наш последний рейд, а если там действительно золото?

Жадность, в итоге, победила. Подпустив врагов поближе, выстрелил, знаменуя атаку.

Грянул залп, первые убитые, пришёл ответ из луков и арбалетов, рванулась в лес пехота врага, стремясь перейти в рукопашную. Всё уже привычно.

Бьёт в плечо приклад, рядом также сосредоточенно стреляет из револьверной винтовки Золтан — стрелок он оказался неплохой, заслужил.

Бросился вперёд отряд в десяток мечников и от нас. Закованные в тяжёлые доспехи, они должны завязать врагов, отвлечь, дать время стрелкам. Среди них могу быть и я, но из винтовки убью больше. Нерационально.

— Что за!.. — отвлёк меня рядом возглас напарника я, и, повернувшись, увидел, как обслуга тяжёлых телег, навалившись, разворачивает их в нашу сторону. Отлетела набок ткань, и на нас выглянули жерла двух пушек.

Вот и ответ, что там такое тяжёлое. Лучше, это было бы золото...

— На землю! — срывая горло, заорал я.

Что характерно, послушались меня и бегущие в атаку враги. А следом грохнуло!

Затрещали прошиваемые шрапнелью деревья, пушки заволочло дымом. Раздались проклятия, как от ополченцев, так и от врагов, которых зацепило, как бы не сильнее. Впрочем, тут же выстрелы с нашей стороны возобновились. Я же, перезарядился и, недолго думая, открыл огонь по тем двум крайним телегам, на которые оборачивались враги.

— Там порох, — ответил напарнику, бросившему на меня удивлённый взгляд.

Тот тут же перенёс огонь туда же. И, кажется, ему повезло больше, поскольку результат оценили мы все.

Рвануло так, что всех врагов в радиусе десятка метров от телеги буквально разорвало на куски, а ударная волна прошлась вокруг, отбрасывая и оглушая мой отряд и противников. Нам легче, мы в каких-никаких укрытиях. А вот благородным...

После такого взрыва сражение не затянулось, слишком плохо им пришлось. Через десять минут остались одни трупы, а я бросился к телегам с пушками. Одну из них взрывом перевернуло, но меня интересовало не железо. Я лишь мельком бросил взгляд на рунный контур для воспламенения пороха.

Я искал саму смесь. Рвануло уж очень сильно, порох так не взрывается, особенно с таким запахом. Да и количество дыма странное, не бездымный порох, но и явно не чёрный.

Удача мне улыбнулось в тяжёлом каменном кувшине, плотно закрытом привязанной крышкой. Заряды пороха оказались ещё и упакованы в мешочки, и, разрезав один, я недоумённо увидел странный, серый, в чёрно-белую крапинку порошок.

Такого пороха ещё не видел: зернистый, но не хлопьями, а как будто соль. Пожав плечами, пересыпал часть себе, а остальное, порыскав по запасам, запихал в стволы пушкам.

Как только закончилась мародёрка, парой выстрелов всё это подорвал, довольно кивнув при виде разорванных стволов. Пусть чинят.

Десятники, да и просто обычные воины, стояли рядом со мной, хмуро смотря на медные пушки, отлитые врагом. Все всё понимают. Я же только вздохнул: подобное должно было случиться, хотя не ожидал, что аристократы так быстро создадут свой порох.

Повернувшись в бойцам, громко приказал:

— Возвращаемся как можно быстрее, нужно начинать большую битву, — и добавил уже тише, так что слышали только ближайшие воины: — Время больше не на нашей стороне.

— Атаковать? Сейчас? Из-за того, что у них появился свой порох? А не лучше ли отложить до урожая? Ублюдкам, получается, тоже выгодно затягивать время, чтобы отлить больше пушек. А там и зима придёт, у нас будет запас еды, перевооружим ополчение.

— У нас пороха на одну битву. Если они сделают его хотя бы столько же, для нас это будет проигрыш, — пожал плечами я, поглядывая на меряющую комнату шагами Элеонору.

Принцесса не удержалась, приехала на передовую, а тут я вернулся с рейда, огорошив всех новостями.

— И что? Они не могут собирать ополчение из крестьян, особенно с ружьями. Их самих перестреляют. А мы — можем.

— А если всё-таки вооружат? — поднял я бровь. — Восстания начнутся потом, после битвы, их можно потихоньку подавить.

Она рухнула на стул. Пожевала губу, вскочила, метнулась из угла в угол и, наконец, замерла. Выдохнула и уже спокойнее спросила:

— Совсем никак без большой битвы?

За меня ответил Свен, принявший участие в нашем небольшом совете.

— Нет. Бьёрн всё верно говорит. Дополню, что благородные могут дать послабления крестьянству на территориях, не затронутых войной. Возможно, временные, но оттянуть проблемы и обеспечить себе рекрутов можно.

— Когда соберём урожай, нам больше не будет необходимости ограничиваться такими небольшими землями. И крестьян под ружьё поставим больше!

— И обе стороны начнут битву с другими силами и количеством огнестрельного оружия, что приведёт к многократно большим трагедиям и жертвам. Оно нам надо, Элеонора? — покачал головой я.

Она скривилась и махнула рукой:

— А, начинайте. Вы знаете, что делаете.

— Что ты скажешь про их порох? Он лучше нашего? Эффективнее? — погладил бороду северянин, переводя тему.

— Мощнее. Но нормально воевать с ним они сразу не смогут, — усмехнулся я. — Это скорее взрывчатка, чем порох.

Я, всё же, потратил пару часов, разбираясь с их смесью. Сера, уголь и мелкие белые кристаллы. Если правильно помню школьные уроки химии, у нас это называлось “бертолетова соль”. И оно относится больше к взрывчатке, чем пороху. А ещё на этой основе мы сможем в будущем делать капсулы для патронов.

Однако скорость разработки и то, как быстро они смогли отлить пушки, меня неприятно удивила. С другой стороны, на что ещё я рассчитывал? Или только у меня есть те же конструкторы познания?

Пока нам повезло, видимо, к ним не попал наш порох, и они придумали свою версию. Но если это произойдёт, разобраться они смогут быстро. Ту же руну «подобие» можно использовать, как диагност по содержанию определённых веществ в материале. Хотя не факт, что так просто будет с порохом — то, что там основа хлопок не так уж и важно. Труды по алхимии в широком доступе, и люди будут копать, и обязательно найдут, откуда я это взял. Вопрос мотивации и количества привлечённых ресурсов, а уж мотивацию я

благородным обеспечил.

— Ещё одна причина воевать сейчас, — вздохнула принцесса.

— Нам нужна это победа, — пожал я плечами и, подумав немного, добавил: — Если совсем честно, нас устроит и ничья, при которой мы потеряем армии. Главное лишить их сил и потом отобрать железные рудники на севере.

— Железные рудники? Почему именно их? — нахмурился Свен.

— Мне нужно много железа. И, Эля, я бы хотел, чтобы ты проработала систему всеобщего образования. Три-пять лет по основным дисциплинам для всех в каждом маленьком селе и большом городе. Народ должен быть грамотным.

— Зачем тебе? Это же очень дорого! И к чему оно крестьянам, которые всю жизнь проводят в своей деревне? Они и учиться не будут, им просто не нужно.

— У меня есть много проектов. Для них мне нужны десятки тысяч образованных людей, желательно уже завтра.

— Да это невозможно! — всплеснула руками девушка. — Где я тебе возьму столько учителей? И чему их учить?

— Грамотность, природоведение, география, математика, основы рунных построений.

— Да зачем? Ещё раз: им это не нужно.

— Поддержу Её Высочество — не будут учиться, — согласился с девушкой Свен.

— Наплевать, что им нужно! — зло сплюнул я. — Мне необходим отбор талантливых юношей и девушек, которые смогут и захотят учиться дальше. Без этого острова не выживут. Можете преподнести это, как способ выбиться в люди, возвыситься над благородными, если хотите.

— Денег на это в казне нет, Бьёрн. И даже если отдашь свои личные накопления, не поможет. Так что если хочешь развития своих проектов, то сначала, они должны принести деньги.

— Вам было мало пороха и пушек? — прищурился я.

— Мы не будем продавать оружие в ближайшие десять лет! Самим пригодится! — твёрдо провозгласила Элеонора.

И только через секунду, когда до неё дошло, что она сказала, принцесса немного побледнела, воскликнув:

— Прости! Не хотела...

От девушки я свою ожидаемую продолжительность жизни скрывать не стал. Что произошло со скверной и почему исчезли шрамы было одним из её первых вопросов, как только я вернулся.

Если отбросить эмоции, она права. Нам нужны деньги. А для этого нужно что-то продавать на континент. Банально чтобы купить пшеницы, если я, и правда, собираюсь изъять большое количество крестьян из деревень для работы на возможных заводах. Так что я поморщился больше от осознания её правоты, чем от какой-то там обиды.

— Проехали. Результат будет, и постараюсь не затягивать на много лет. Давайте лучше обсудим план сражения и что у нас с запасами...

Выходило неплохо. Старые стволы активно перековывали под единый калибр пули, патроны и нарезы. Прежде всего такая система позволяет экономить порох, не говоря уже о точности и скорострельности. Пока я воевал старым оружием, количество нарезных винтовок довели до трёхсот штук, ещё и изготовив три десятка барабанных образцов.

Всё менялось крайне стремительно. Та стадия, на которой развитие огнестрела могло

застрять на сотни лет, оказалась преодолена практически незаметно. Это имеет свои недостатки: баллистика для артиллеристов, тактика боя, ничего из этого не успело сформироваться. Линейная тактика с шеренгами солдат, лупящими залпом по очереди, судя по всему, даже не возникнет. Не успеет, в связи с переходом к магазинным вариантам винтовок.

Возвращаясь к битве: пока я партизанил, наши силы стянулись в одну точку, и теперь ополчение насчитывало десять тысяч человек. Нужно наступать, такую толпу не прокормим и пару недель.

Уже утром кажущиеся бесконечными колонны войск потекли по дорогам. Я же с отрядом в полсотни воинов рыскал по лесу, выискивая вражеских бойцов. Они не могли не попробовать тактику, которую я проводил против них, и несколько небольших отрядов мы нашли и уничтожили.

На мой взгляд, это они зря. Партизаны ополчения действовали на намного большей территории, чем есть возможность у благородных. Тот случай, когда размер подконтрольных земель играет во вред самому. В итоге, силы к врагу перебросили без проблем. Однако...

— И как их оттуда выманить? — сплюнул Свен, смотря на укрепленный лагерь, в котором засели благородные.

Хотя, какой лагерь? Натуральный город на десятки тысяч человек, раскинувшийся на нескольких холмах.

— Перережем подвоз продуктов, сами через месяц сдадутся, — пожал плечами я.

Видимо, враги понимали это не хуже меня, раз с их стоянки выдвигались отряды на поле впереди. Тысяча за тысячей, обтекая редкие участки растительности, людской поток формировал строй.

Выстраивалась и наша пехота, артиллеристы и лучники спешно оборудовали себе позиции на холме. Людей было так много, что я не очень понимал, как этим управлять.

На глазах исчезали остатки деревьев, которые пехота пускала на деревянные ежи, размещая их перед строем. Повторения таранного удара конницей никто не хотел.

Правда, враги тоже не очень стремились повторять прошлый сценарий. К тому моменту, когда благородные почти построились, можно было что-то понять по количеству: их оказалось вдвое больше, чем нас. Причём очень много пехоты, а тяжёлой конницы с копьями даже и не видно. Я насчитал около пятнадцати тысяч человек бойцов на земле и пять тысяч конных лучников.

Они ещё не до конца сформировали строй, когда на дороге, слева от лагеря, появился большой отряд пеших. И всё бы было ожидаемо, но он не заканчивался, бесконечной рекой обтекая позиции благородных и вставая перед ними. Тысяча, две, пять, семь.

— Вот так и заканчиваются крестьянские восстания, Бьёрн, — тихо прошептал побледневший Свен, дрогнувшей рукой отдавая мне подзорную трубу.

Я молча поднёс её к глазам, осматривая вражеские позиции, понаблюдав десяток секунд и скрипнул зубами, с ненавистью прошипев:

— Какие же они твари!

Тысячи крестьян с деревянными кольями, дубинами, вилами. Старики, женщины, мужчины. Детей и молодых девушек почти нет, видимо, посчитали нужным оставить «на развод». Да и на полях работать кому-то нужно. Но даже так...

Расставив перед собой толпу крестьян, «высшие» заперли живой щит крепкими отрядами на флангах, не давая возможности человеческой массе бежать иначе, как вперёд.

Пехота благородных сделала первый шаг, остриями копий погнав перед собой толпу крестьян. Кто-то из них кричал, пытался сопротивляться, видя, что ждёт впереди. Таких просто закалывали, и толпа медленно двинулась вперёд.

— Жаль, я надеялся, что мы победим. Ружья, пушки, всё казалось таким сильным. Но это... Бьёрн, ты удачливый, придумай нам чудо. Докажи, что я не зря пошёл за тобой!

Я не очень вникал в то, что говорит Свен. В голове носились десятки мыслей, хотя и то, почему он впал в отчаяние, вполне понимаю. Да, если мы откроем огонь, то перемелем живой щит. Но толку? После этого мы останемся без запасов пороха против вдвое превосходящей нас армии.

Пропустить их внутрь строя? На их плечах прорвутся враги, а там начнётся резня. Отступить? Так они используют эту тактику и в следующий раз. Что мешает, если она работает?

В груди росло бешенство. Суки! Какие же они твари! Будем резать до последней твари, баб, ублюдков их, чтобы ни одной гниды не осталось.

Стеганув бешеным взглядом по бледному северянину, протянул руку и приказал:

— Зелья!

— Ты уверен? — поморщился он, тем не менее, снимая с пояса склянки, а сам уже уверенней сжимая копьё.

— Командуй тут, — велел я.

Выхватив пузырьки, один за другим опрокинул их в себя. Сплюнул от мерзкого послевкусия, запрыгнул на коня и пустил его в галоп.

Пролетев за минуту до строя, закричал:

— Пять сотен воинов. За мной!

По строю прошёл рокот, а я, соскочив с коня, стал пробиваться через строй. Оказавшись в переднем ряду, подхватил чей-то щит и двинулся вперёд. Вместе со мной шагнули сотни воинов, оголяя часть фланга. Я мог только молиться, чтобы строй успел переформироваться, когда начнётся большая битва.

Однако сейчас важно другое: мой отряд уверенно отделился от основного войска, пройдя два десятка шагов, а потом я оглянулся вокруг и громко крикнул:

— Бегом!

И, надвинув забрало, побежал, подняв перед собой тяжёлый щит. С каждым шагом щит становился всё легче, а в груди росло пламя бесконечной ярости. Скверна вошла легко, ласково оплетая мой магический источник и вытягивая всю ману. Так быть не должно, но слишком я сроднился с этой заразой.

Навстречу нам ударили стрелы. Падали бегущие рядом со мной парни, но мы неслись вперёд, несмотря ни на что. Уже совсем близко, видно распахнутые в ужасе глаза крестьян, которых гнали на нас копья благородных.

— На землю! — во всю мощь рявкнул я.

Сам, сделав ещё шаг, прыгнул вверх, выплёскивая скверну в мощном импульсе. В удивлении расширились глаза благородных, когда я взмыл над падающей под ногами толпой крестьян. Прыжок совершенно нечеловеческий. Но зря, что ли, я со скверной два года прожил?

Щит отбивает ударившее навстречу копьё, и вот я приземляюсь внутри вражеского строя. Какое же наслаждение ощутил, чувствуя, как трещит под латной рукавицей череп врага, как ломаются конечности тех, кто имеет несчастье оказаться рядом.

Рука выхватила саблю, пластуя лицо передо мной. Отрубая руки, выпуская кишки, снося головы. Вот возник щит одного из наших. Развернувшись, взмахнул саблей, закричав:

— За мной, смертники!

Мы прорубали вражеский строй, ступая по колено в крови. Вот я увидел пустое пространство и вылетел на ту сторону. Оглянувшись вокруг, бросился дальше, убивая всех, кого вижу.

Десяток шагов, и передо мной богато изукрашенный рунными контурами ствол пушки, а навстречу бросается полдюжины бойцов.

Загремел в руке “Валера”, расплёскивая их мозги. Снеся щитом ещё одного, я бросил на землю револьвер и выхватил из руки трупа саблю, добивая остальных. Запрыгнув на телегу, взмахом сабли отрубил полбашки обслуживающему её благородному и оглядел рунный контур.

Ничего сложного, а рядом даже накопитель на шее трупа висит. Спрыгнув, упёрся спиной в колесо и яростно выдохнул, сдвигая вбок тяжеленную конструкцию.

Сапоги ушли в землю, но телега поддалась, повернувшись в сторону. Взмах сабли, убивая попытавшегося атаковать воина, и я опять наверху, срывая накопитель с тела и впечатывая его в рунный контур.

Жахнуло так, что телега качнулась назад, а мои губы растянулись в оскале. Хрен с ними, с разорванными на куски шрапнелью врагами. Как я мельком понял по рунной вязи, аристократы по-своему решили хреновость пороха: добавляли в него кристаллизованную ману для отвода лишней энергии, а потом использовали её для питания контура, нанесённого на пушку, должного укреплять металл.

Не дураки. Никаких взрывающихся пушек не будет, несмотря на странный порох. Сейчас же это сыграло против них. Я громко рассмеялся, ощущая, как в меня втекает мана, усвоенная и перераспределённая рунным контуром. Об доспехи ломались стрелы, а я обнял горячий ствол, сжавшись и не желая упустить хоть крупицу силы.

Мои воины ломали лица врагам, прорывая строй и полностью разрывая крайний левый фланг. Самое главное, что живой щит побежал. Им стреляли в спины, но крестьяне сдвигались вперёд и вправо, стремясь спасти свои жизни, больше не будучи зажатыми с этого бока отрядом тяжёлой пехоты.

В открывшиеся окна в “мясном заслоне” обрушили огонь наши стрелки. Я же, охватив это всё взглядом, подхватил брошенный револьвер и побежал к другой пушке, которую разворачивали в мою сторону.

Прыжок, ещё один разрубленный пополам враг, выстрел из орудия в никуда, и вот получаю ещё порцию силы.

Рывок до следующей пушки, а навстречу мне горящие решимостью глаза стрелка за орудием и его опущенная рука с накопителем. Я бросился на землю, пропуская над собой ревущую смерть. А следом меня со спины ударило, и я осознал себя летящим вперёд.

Грохот пришёл только потом вместе с окатившей волной магии, жадно впитываемой аурой и скверной. Я прикрыл глаза рукой, перед тем, как впечатало в телегу и приложило об пушку.

Вокруг наступила полная тишина, меня мутило, при вдохе болели рёбра. Но я жадно выдаивал кусочки силы и тут.

Добив контуженного стрелка, сдёрнул крышку со знакомого каменного кувшина и запихнул в ствол ещё несколько мешков с порохом. Прижал их шомполом и выстрелил.

Кажется, я положил намного больше пороха, чем нужно, судя по тому, как бросилась назад пушка, шомпол улетел куда-то в неизведанные дали, а от рун ударил поток силы намного больший, чем раньше.

И да, ствол таки лопнул. Но мне плевать. Смеясь и не слыша свой смех, я подхватил чей-то двуручный меч и бросился в битву, заорав:

— Я вернулся, твари!

Менялось в руках оружие, разлетались на куски порубленные тела, а я уничтожал обслугу вражеских орудий, пока не раздался выстрел, и в плече не возникла боль.

Смятый наплечник, из-под которого течёт кровь, и ствол в трясущихся руках какого-то разодетого мудака. Рывок к нему, но наперерез бросилась закованная в сталь фигура, от которой несло скверной.

Собрать всю доступную силу, составить программу движения, и враг осел на землю с раскуроченной головой. Помнят руки работу!

Подхватив труп за шкуру, я медленно пошёл к благородному, попутно вытягивая скверну из мёртвого тела. Это было легко, казалось, зараза сама ластилась, желая стать частью меня. Враг взвизгнул и побежал.

Я же остановился, лениво увернувшись от стрелы, пущенной мне в лицо. Оглядел битву, бросил тело на землю, наконец, ощутив себя полным силы. Подхватил утяжелённую саблю, расслабленно вычистил кровь из ушей и бросился вперёд. Пришло время резни!

Тяжёлая сабля невесомо летала в руках, оставляя за собой лишь трупы. Драться в тишине удивительно приятно. Только отдаётся в руках рукоять, когда лезвие крошит металл и кости, да летит вокруг кровь, оседая на доспехах и лице. Вокруг бесконечное количество врагов, это ли не мечта?

Взмах, ещё. Снести голову рукой, метнуться назад, спасаясь от выстрела пушки, убить всю обслугу, впитать остатки энергии.

А потом пушки в пределах видимости кончились, и я потерялся во времени.

Лишь бьющая кровь и начавшие прорываться, иногда, самые громкие крики, скрашивающие тишину. Об доспехи ломались стрелы, сумели неглубоко воткнуться пара арбалетных болтов, но и всё. Особой возможности стрелять по себе я не давал, будучи постоянно окружён врагами или перемещаясь быстрыми рывками.

Сколько это уже длится? Врагов море, и они отказываются кончаться. Выбрав момент, взвился в прыжке с перевёрнутой телеги, бросив взгляд окрест: вокруг только две перемальвающие друг друга толпы, в которых не шибко можно что-то понять.

Прищурившись, я отступил в наш строй, не обращая внимания на почтительно обтекающих меня воинов. Бросил взгляд на затянутую тьмой саблю. Надо же, а раньше поддерживать защиту на предметах так долго не выходило...

Тем не менее, присев на лежащие друг на друге трупы, замер, вслушиваясь в скверну и переводя дыхание.

Силы уже не очень много, но она уверенно бьётся внутри, даруя ощущение мощи и почему-то спокойствия и уверенности в будущем.

Поднявшись, глубоко вдохнул пахнувший кровью и дерьмом воздух. Усмехнулся и вернулся в битву. Там хорошо, комфортно. Как дома.

Рубануть, ещё, сдвинуться, рубануть. Подхватить во вторую руку щит и продолжать рубить, иногда ломая кости щитом. Всё чаще и чаще вокруг остаются только свои, приходится двигаться дальше к ожесточённо огрызающемуся врагу, проламывая их строй и

давая остальным нашим завершить начатое.

Регенерировали барабанные перепонки, и вокруг опять стал греметь привычный звон мечей и крики, к которым добавлялись выстрелы.

Во время очередного передыха я получил возможность оглянуться вокруг, с удивлением для себя поняв, что уже темнеет.

Впрочем, отдышавшись и выпив воды, опять вернулся в кровавую мясорубку. Силы потихоньку заканчивались. Всё слабее становился удар, всё чаще приходилось давать отдых телу. Но я продолжал сражаться, как и все вокруг.

Рубануть, пробить строй, войти глубже, расчищая место. Всё привычно и удобно.

— Бьёрн, берегись!

Сдвинулся в сторону, убивая какого-то мечника, и оглянулся вокруг. Враги и прущий вперёд щитоносец, от которого тянет скверной. Я только поднял саблю, когда аристократ что-то прокричал бросаясь вперёд, и на его теле мелькнули намотанные на доспехи мешочки с порохом. Я рванул вверх щит, прикрывая лицо, а следом прогремел взрыв, разрывая на куски смертника и всех вокруг.

Сломанной куклой меня отбросило назад, раскидывая людей. Дыхание перехватило, но я отчаянно пытался встать, продолжить драться. Однако мне не дали: позади прогремел ещё один взрыв, гася сознание вспышкой боли.

На этом битва для меня закончилась.

Сознание возвращалось тяжело, внутри черепа крутились адские жернова, ныла грудь и спина. Попытка открыть глаза вызвала сильную вспышку головной боли, так что я остался лежать, борясь с тошнотой. Изредка доносились какие-то звуки. Кусками прорывался женский диалог:

- Спаси... Отдам... Нужен.
- ...сил.
- Как...
- ...на.
- ...надо! ...с ним... ты сильнее.
- ...орошо.

Наступила тишина, я не стал напрягаться дальше, по знакомым голосам поняв, что нахожусь среди своих, и позволил себе спокойно уснуть.

Следующее пробуждение прошло легче. Боль в голове исчезла, хотя осталась слабость и, конечно, сводящий от голода желудок. Открыв глаза, я увидел над собой грубо сколоченный потолок и, повернув голову, оглядел незнакомую комнату.

Возле кровати, с толстым томом по алхимии на коленях, откинувшись на спинку кресла, дремала Фиона. Скрипнув кроватью, я сел, опираясь на подушку, и посмотрел на обмотанную бинтами грудь и руки. Судя по боли, на ногах не лучше.

Это как меня так? Вроде сражался... На этой мысли губы сами раздвинулись в довольной улыбке. Как же я соскучился по этой силе! А потом? Точно, взрыв. Меня подорвал смертник.

Память пробуксовывает, взрывы в упор явно не прошли даром. Рядом раздался протяжный зевок, и прозвучала равнодушная констатация факта:

- Ты всё-таки не смог удержаться.
- Как бой? — в первую очередь поинтересовался я.

Спорить или что-то доказывать нет смысла. К тому же, я действительно не смог удержаться от искушения, как только появился достойный повод. Хотя сражение можно было провести и без меня с саблей наперевес. Наверное.

— Вы победили. После того, как тебя ранили, сражение длилось до ночи, но вы победили.

— Как ты тут оказалась? — поинтересовался, устраиваясь удобнее в постели.

— Знала, что не удержишься от скверны, если бой пойдёт плохо. Выехала сразу, как пошёл слух о намечающейся большой битве.

— Я так предсказуем? — тяжело вздохнул, пытаясь сосредоточиться на ощущении энергии.

— Ты достиг слишком большой силы, используя скверну. Это был просто вопрос времени, когда не удержишься, — пожала плечами Фиона.

— Даже не стала выжигать заразу?

Внутри клубилось привычное облако заражения, залечивая повреждения, разливаясь по венам ощущением силы и мягко давя на сознание привычной яростью и жаждой насилия.

— Не имеет смысла. Удаление скверны из твоей ауры принесёт больше проблем, чем пользы. Деграция организма начнётся сильно раньше, и проживёшь ты чуть больше, но

полной развалиной.

Я поморщился и коротко спросил:

— Сколько?

Она пошевелила пальцами, и перед нами появилась иллюзия. На меня смотрело исхудавшее лицо мужчины лет сорока, волосы с сильной проседью, морщины.

— Так ты выглядишь сейчас и будешь выглядеть отныне. Много скверны ушло на восстановление самых сильных ран, и регенерация дала сбой. Твои десять лет уменьшились вдвое.

Я поднял перед собой руку и сжал кулак, чувствуя, как отзывается на вспышку злости скверна, наполняя тело силой, и равнодушно ответил:

— Да и хер с ним!

— Совсем никаких сожалений? — подняла бровь бывшая богиня магии.

— Пять, десять... Ярко жил, быстро сгорел. Так бывает, — отмахнулся я. — И ещё не вечер, всегда есть варианты.

— Возможно. Ты везучий, — почти незаметно улыбнулась Фиона.

— Что у меня с ранами? Когда смогу работать?

— Тебя посекло осколками, несколько из них пробили доспехи, сильно приложило самым взрывом, и ты много вреда нанёс связкам и мышцам до этого, тело отвыкло от подобных нагрузок. Но через пару дней будешь в порядке.

Кажется, она немного не договаривает о степени тяжести этих ран. По ощущениям, у меня всё тело — сплошной синяк. Но это и не удивительно, с учётом того, сколько раз за бой меня приложило взрывной волной. Обычный человек после такого на всю жизнь останется инвалидом, даже если выживет. А я ничего, буду нормально жить.

Осталось решить ещё одну проблему, и я решил не затягивать, поинтересовавшись:

— Где Элеонора?

— Занимается похоронами и помощью пострадавшим в сражении.

— Мы много потеряли?

— Половину ранеными и убитыми, точнее сказать можно будет позже.

Я лишь сглотнул комок в горле, но ничего не сказал. То, что мы победили при таком превосходстве врага в численности — уже само по себе удивительно. Чудо, обеспеченное огнестрельным оружием, а ещё больше стойкостью и ненавистью бойцов к врагу. Но сейчас я спросил другое:

— Мне бы поесть...

— Жди.

Поднявшись, она вышла, а я остался полулежать на подушках, обдумывая ситуацию. Мы победили, и теперь можно начать расширять подконтрольную территорию. Но делать это нужно как можно быстрее, так, чтобы благородные не успели отступить, используя тактику выжженной земли. После увиденного живого щита, не сомневаюсь, что они именно так и сделают.

Максимально ослабить нас, уничтожая население, отступить в горы, набраться сил, вернувшись при малейшей возможности, едва начнутся проблемы в государстве «черни». В возникновении таких проблем очень быстро они не сомневаются. Уж сколько я говорил с пленным благородным, его уверенность не пошатнулась.

Правда, я так не считаю. Принцесса мне много чего рассказала, что творят местные аристократы, в попытках удержать бунт. И сейчас, как только мы соберём урожай, сможем

принимать беженцев и, в целом, помогать остальным землям.

В первую очередь нужно отбивать железные рудники. На это силы должны найтись, и географически довольно удобно — на север, вверх по течению реки от Бродно. Дальше можно будет подумать и о том, чтобы, наконец, сесть и вспомнить всё, чему учат в школе и что когда-либо слышал.

Впрочем, многое пока упирается в то, сможет ли Густав с помощью Фионы закончить работу над своим двигателем. А там и поглядим, что можно тут придумать.

Пока же, я, выкинув из головы все проблемы, с удовольствием поел принесённую бывшей богиней кашу. Судя по тому, как вкусно вышло, ею же и приготовленной. Поблагодарив женщину, уснул опять.

Очнулся в намного лучшем состоянии. Тело больше не болело, а в комнате за столом разместились Элеонора. Судя по кипе листов перед ней, она разбиралась в своих старых записях о переписи населения.

Увидев, что я проснулся, подошла, и, сев на кровать, стала молча сверлить меня раздражённым взглядом.

— Зато мы победили! — поднял я перед собой руки.

— И сколько тебе осталось после такой победы? Год, два? Зачем, Бьёрн? Ты не мог обойтись без скверны?! — последние слова она уже кричала, вцепившись мне в руку.

Я только вздохнул и крепко её обнял.

— Ну что ты, маленькая? Всё будет хорошо!

— Как? Чудес, не бывает! — ухватившись за меня, сквозь слёзы всхлипнула она.

— Как вариант, я могу переписать память в другое тело.

— Разве ты не говорил, что тогда это будешь уже не ты, а кто-то другой с твоей памятью?

— Это если не вырастить ему мозг заново, уничтожив старый.

— Это невозможно...

— Для магии нет ничего невозможного! Главное — приложить достаточно силы.

— Как будто в наше время это возможно! Иначе Фиона не сидела бы в лесу с катастрофы!

— У меня есть мысли, как обеспечить нас любым количеством силы, дай только срок.

— Ты меня просто успокаиваешь, — оторвав лицо от моей груди, подняла покрасневшие от пролитых слез глаза принцесса.

— Отчасти. Я ведь тоже хочу жить, Эля.

— По тебе не скажешь: в первых рядах бросился на армию врагов с саблей в руке, — потеряв глаза, с иронией хмыкнула она.

— Взбесили они меня сильно, — пожал плечами.

— Или тебе просто очень хотелось вернуть силу скверны, — недоверчиво покачала головой девушка.

— Не без этого, — не стал спорить. — Ты же понимаешь, что после того, что было, я чувствовал себя бессильным инвалидом? Это не жизнь, а постоянное сожаление о потерянной мощи.

Я вздохнул и попробовал перевести тему:

— Что в городе нового? Что войска?

Она неожиданно усмехнулась и, оперевшись подбородком на кулак, огорошила:

— У меня будет ребёнок.

Я застыл. И лишь на губы напозла непрошенная дурацкая улыбка, и я, в лёгком шоке, воскликнул:

— Лучшая новость за этот год!

Она улыбнулась и, поднявшись, прошла из угла в угол, в который раз обдумывая изменившиеся перспективы. Я же стал медленно разматывать бинты, местами отдирая их с присохшей сукровицей.

— Давай помогу!

Подскочив, принцесса стала сматывать бинты у меня с торса. Лишь, всё же, поинтересовавшись:

— Что дальше, Бьёрн?

— Будем бить аристократов, отбирать земли и крестьян. Через два года полностью завоюем острова. К тому времени, надеюсь, получится сдвинуть мои проекты, те же лампы, которые мы сможем продавать на континент. Да и у меня ещё идеи есть, не пропадём.

— Идеи, сравнимые с оружием? — подняла бровь девушка.

— Вполне, — уверенно кивнул я.

— Надеюсь, их можно так же быстро пустить в дело, как и порох, иначе казна останется пустой, — вздохнула она.

— Дай мне немного времени и всё получится.

С неприятным треском отошёл последний бинт, и, откинув его в кучу подобных, принцесса хмыкнула:

— Опять шрамы. Только недавно всё поправил. И опять... — она провела ладонью по моей щеке и грустно спросила: — Ты таким и останешься, да? Постаревшим?

— Прости.

— Главное — живой, — бледно улыбнулась она в ответ.

— Меня так просто не убить! — уверенно воскликнул я, надевая штаны и пытаюсь встать с кровати.

Пошатнувшись от внезапного головокружения, но потом, опираясь на стенку, я вышел на улицу, где Элеонора, посмеиваясь, несколько раз окатила ледяной водой, смывая коросту и свернувшуюся кровь с тела.

Фыркнув, потёр лицо, дошёл до туалета и вернулся в дом продолжать отдых, так как до конца я ещё не восстановился.

Уже на следующий день обговорил дальнейшие действия войск со Свенном, и мы с женщинами отправились в Бродно.

Новость о том, что у нас будет ребёнок, полностью меня расслабила. Я сидел в повозке, лениво поглядывал по сторонам, положив руку на плечо дремлющей принцессе и ни о чём не переживал. Что-то я уже оставлю после себя, даже если ни одна идея о продлении жизни не выстрелит.

— Ты слишком счастливый для человека, которому осталось совсем немного, — нарушила тишину сидящая напротив нас Фиона.

— Ты просто завидуешь, — благодушно отмахнулся я.

— Чему? Глупости, которая уменьшила твою ценность вдвое, испортив мой труд? — с лёгкой долей презрения усмехнулась бывшая богиня.

— Тому, что у меня будут потомки, конечно, — фыркнул.

Она скрипнула зубами, стеганув злым взглядом. Но отвечать не стала. Фиона не любит врать и изворачиваться. При этом, детей она иметь может. Правда, настолько не соотносит

себя с людьми, что не воспринимает это чем-то необходимым. Бывшая богиня считает, что выше всех этих человеческих страстей. Хотя я уже не уверен, ведь не просто так она злится, верно?

Город встретил нас шумом и приветственными криками на улицах. Я шёл, улыбаясь и смотря на лица вокруг. Люди счастливы, кружит голову победа, да и еда стала потихоньку появляться в достаточном количестве.

— Долгих лет освободителям!

— Наследника!

— Слава императрице!

На последнем крике из толпы я повернулся к легонько порозовевшей принцессе.

— Значит, сразу императрица?

— Не знаю, что они несут, совсем не разбираются в титулах, — глядя в сторону, буркнула она, быстро переводя тему: — Обрати внимание, после появления «вонючих полей», в городе дышать легче!

— Скорее, теперь легче дышать рыбе в реке, — фыркнул я.

В городе, как-никак, работает канализация. Просто теперь стоки идут не в реку, а вывозятся в селитряницы. Впрочем, многие дисциплинированно сливают ночные горшки в телеги, едущие по городу. Народ после перенесённых лишений вообще довольно собранный, проглядывает некая гордость, уверенность в своих силах.

Людей можно понять: несмотря на понесённые потери, город выстоял, отбил от армии благородных и пошёл в наступление, разбивая раньше внушающих ужас «высших» в поле. Как тут не начать гордиться?

Дом встретил нас запахами еды, суетой и праздничными ужином. Лишь Эрна сжала губы в тонкую линию, увидев моё постаревшее лицо и просканировав на скверну. Но портить праздник вопросами и переживаниями не стала. Только обняла да провела ладонью по местам седым волосам. Хорошая она и, главное, умная.

Под утро, когда я вышел из спальни выпить воды, встретил сестру, раскинувшуюся на стуле и водящую пальцем по столу, выводя для тренировки некоторые сложные рунные построения. Увидев меня, она, всё же, поинтересовалась:

— Оно действительно так нужно было?

— Не знаю. Но удержаться на моём месте никто бы не смог. Будешь обвинять в глупости? — поморщился, присаживаясь напротив за стол.

— Пф-ф, нет. Просто интересно, а есть ли у тебя план на этот случай?

Я почесал в затылке и усмехнулся:

— Целых три возможных варианта.

— Один из них — твоя преждевременная смерть? — прищурилась она.

— Это четвёртый.

— Что-то не верю я тебе, братец...

Она тяжело вздохнула и замолкла, продолжая рисовать пальцем по столу. Разговор этот, готовый пойти по кругу, мне надоел ещё с принцессой. Так что я просто произнёс:

— У Элеоноры будет ребёнок. Мой.

Она вскинулась, воскликнув:

— А скверна?

— Мы успели, пока я был чистым.

— Так вот почему... Но ты же не мог знать...

— Я надеялся. В крайнем случае, Фиона смогла бы очистить меня ещё раз, пусть и с последствиями. А проиграй мы битву, пришлось бежать с островов. В покое благородные нас не оставили и пришлось принимать скверну всё равно, просто чтобы спасти принцессу и ребёнка. Так зачем доводить до поражения?

— Если считать так, то может быть...

Её слова были полны сомнения. И, так-то, совершенно справедливо. Мне самому всё это напоминает оправдания наркомана, рассказывающего, зачем ему всенепременно нужна доза. Но когда ты сам этот самый наркоман, всё начинает играть глубинными смыслами...

Усмехнувшись этой мысли, на её вопросительный взгляд спросил:

— Ты бы отказалась на моём месте от силы?

Она фыркнула и, отмахнувшись, уверенно ответила:

— Нет, конечно. Если вопрос всего нескольких лет, то какая разница? Лучше прожить их львицей, чем овцой.

Я рассмеялся. Всё же, есть в нас немало общего. Пожелав сестре хорошей ночи, отправился обратно в спальню.

Завтра нужно будет дойти до Густава, посмотреть, что там есть. Попробуем ускорить работу односельчанина. На ужине его не было, Эрна говорит, что он сейчас и ночует в каморке возле кузниц.

Так что утром после завтрака, отправился к обители повелителей железа, полный самых разных мыслей и идей. Что и как можно упростить в двигателе, переделать, где-то перевести на магию. Но на подходе меня огорошил знакомый звук. А уже ближе и очень знакомая вонь выхлопных газов.

Я влетел в кузницы и широко открытыми глазами уставился на стучащий монструозно выглядящий движок, размером со стол. Более того, четырёхтактный. Я рисовал и так, и так, но раньше Густав занимался двухтактным, и намного меньших габаритов.

Оглядев усмехающихся мастеровых, повернулся к односельчанину, невозмутимо протачивающему отверстие в барабане будущей винтовки на присоединённом к мотору через ремни сверле. Подскочив к движку, нашёл взглядом подравнивающую пилочкой ногти Фиону, да только и смог, что воскликнуть:

— Как?!

— Покажете ему, уважаемая? — усмехнулся Густав.

На что она демонстративно щёлкнула пальцами, и по щедро нанесённым на двигатель и насос рунным цепочкам пробежала волна энергии. А, следом, в воздухе развернулась иллюзия.

— Офигеть...

Над изделием висела его полупрозрачная копия, в реальном времени отображающая текущее состояние агрегата. Более того, иллюзия настолько подробная, что показывала износ каждой гачеки, клапана, состояние смазки и даже, судя по изменению цветов иллюзии, температуру в каждом цилиндре. Двигатель работал очень хорошо. Даже на слух никаких особых стуков или ещё чего.

Но сколько же там было рун... Я удивлённо поднял брови, увидев, как один из мастеровых подсыпает в воздухозаборник двигателя раздробленные в пыль кристаллы маны. Через мгновение от двигателя ударило волной энергии. Совсем небольшой, почти всё перехватывалось рунными контурами. Я с удовольствием впитал силу и, присев рядом на стул, опустошённо пробормотал:

— Это же невозможно, так быстро...

Им потребовалось полтора месяца, чтобы собрать двигатель. Я окинул глазами топливный насос, занимающий почти две трети движка. Но, не важно, оно работает!

— Ты был неточен: к качеству топлива он очень даже критичен! Алхимики ругаются, сложно его готовить, — вырвал меня из раздумий упрёк Густава.

— Я думал, будет убогая маломощная пыхтелка. А не вот это! Но как? Как? В нём же дури на сотню лошадей! Это невозможно!

Фиона покровительственно усмехнулась, переглянулась с Густавом, и они одновременно произнесли:

— Для магии нет ничего невозможного!

— Но ведь не за месяц...

— Да всем было интересно, что получится, Бьёрн. Ковать одни и те же стволы, а также измельчать и сушить порох никому не интересно. А тут есть простор для творчества, все работали.

— Особенно, когда оказалось, что при достаточной мощности машины и хорошем топливе она способна раскладывать кристаллы на ману, — дополнила моего односельчанина бывшая богиня.

— Значит, мана больше не дефицит? Кстати, я алхимикам ещё кое-что привёз.

Я осторожно достал из кармана упакованный в десяток слоёв ткани маленький мешочек, отсыпал из него пару крупинок на наковальню и, ударив сверху молотом, подорвал.

— Вот, эта штука работает у благородных порохом. Мы сможем её использовать, хоть и немного по-другому.

— Давай сюда! — раздался позади требовательный возглас Эрны.

— Вроде, думаю, смогу понять, как такое делать, — немного растерянно произнёс я, протягивая ей мешочек.

— Вот через пару дней, если у нас не выйдёт, подскажешь, — отмахнулась сестра.

Я остался стоять с пустыми руками, оглядывая собравшихся, начавших обсуждать, как можно приспособить соль к капсулям. А Эрна и вовсе хмыкнула:

— Иди воюй, брат. Это у тебя получается лучше всего.

Я прищурился, проигнорировав иронию в её тоне, оглядел двигатель и спросил:

— Сколько вам нужно времени, чтобы сделать ещё один?

— Хорошего металла на такое больше нет. Но если будет — ещё двадцать дней, — неуверенно ответил Густав, бросив взгляд на Фиону.

— Тогда готовьте его к погрузке на корабль. Он будет нужен мне на рудниках.

— Так они ещё под благородными... — нахмурилась Эрна.

Я пожал плечами и, легонько оскалился, повернувшись к сестре:

— Ненадолго. Как ты говоришь, воевать у меня получается лучше, чем всё остальное.

Не прощаясь, развернулся и вышел на улицу, быстро прошёл полквартала, пытаюсь осмыслить увиденное в кузнице.

Оно не укладывалось в голове. Мы с Фионой больше двух месяца револьверы делали. А тут...

Усевшись в тени на лавочку с краю центральной площади, так, чтобы не мелькать на глазах жителей, решил понаблюдать за людьми и подумать. Не верилось, что чуть больше года назад тут всё было залито кровью. А сейчас — вот, рынок. Зазывают торговцы, ходят

толстые матроны с большими корзинами, пускаясь в жаркие споры.

Сильны люди, ничем их не сломить. Всегда выживают и пытаются устроиться к лучшему. Но, блин, как они смогли создать этот двигатель? Расчёты, синхронизация деталей, подгонка, проверка... Там же работы на годы!

Солнце перекрыл силуэт, и рядом на лавочку опустилась бывшая богиня магии. А, впрочем, а бывшая ли? После сегодняшнего представления не уверен. Так что негромко поинтересовался:

— До сих пор не верю. Как же так?

— Мы же не дикари, Бьёрн. Многое забыто, да и маги никогда не стремились выносить наружу все свои знания. Но даже концепция атома у нас вполне известна и доказана. Хотя, то, что он может делиться, для меня стало открытием.

— Но, при этом, сотни лет воевали мечами и магией, — фыркнул я.

— А так же мыли руки перед едой, часто мылись и могли вылечить рак. А мощь наших боевых заклинаний поражала воображение!

Я спорить не стал. В конце концов, они смогли уничтожить свою цивилизацию, а на Земле пока нет. Это ведь тоже можно считать мерилем прогресса?

— Не ожидал такого успеха. Приятно, но очень неожиданно. Значит и враги могут выдвинуть то, чего я совсем никак не жду. Видимо, я чего-то сильно не понимаю, раз такие неожиданности возможны. Это опасно.

— Пусть попробуют, — презрительно фыркнула Фиона. — Без трансформации они будут создавать нечто подобное года два, даже имея чертежи перед глазами и переманив всех мастеров. Я делала всю тонкую обработку деталей, и без меня каждую шестерёнку подгонять будут месяц!

Я немного помолчал, обдумывая услышанное. Этот мир не перестаёт меня удивлять. И хорошо, что иногда он удивляет и приятно.

— Знаешь, Бьёрн, самое главное, что открыла для себя, когда ты появился, это понимание, что мир может измениться очень сильно. А каким он может стать, если смешать технологии и магию, не знает никто.

— Ты бы хотела увидеть этот новый мир, Фиона?

— Я живу ради этого, — как само собой разумеющееся откликнулась она.

Ожидаемо. А для меня развитие магии может стать единственным спасением. Так что, как ни смотри, но мы с ней повязаны. Кого-то связывают чувства, а нас одна цель. И кажется, что это намного прочнее, чем эмоции, пусть даже самые чистые и лучшие.

Поднявшись, я повёл плечами и протянул ей руку, мягко спросив:

— Ну что, пойдём менять мир дальше?

Смерив меня ироничным взглядом, она вложила свою ладонь в мою и, поднимаясь, усмехнулась:

— Ты всё-таки настойчиво планируешь выжить, даже если тебе придётся сжечь весь мир в пожаре войны и сломать все его устои...

— Мы, попаданцы, все такие, — улыбнулся я в ответ.

За бортом корабля бурлила вода, а за спиной раздавались выдохи гребцов, толкающих ладью вперёд. Жаль, ветер утих, могли бы уже через пару часов оказаться на месте. Но, в любом случае, к полудню должно показаться селение при рудниках.

В моём распоряжении полторы сотни человек, из которых сотня с огнестрельным оружием. Причём дульнозарядных ружей больше ни у кого нет, только переломки и револьверные винтовки. И если всё удастся с рудником, то мы оснастим так всю армию, пусть и не сразу.

Далеко впереди поднимались гористые кряжи, с которых стекали десятки рек, в итоге, сливающихся в Истру — основную речную артерию страны, на которой стоит Бродно да ещё сотни деревушек и сёл. Вторая большая река, хоть и меньше этой, течёт восточнее, и на ней, возле моря, находится столица.

Тут, в горах, основные исторические поселения благородных. Больших войск врага ждать не стоит, но вот постоянных нападений — вполне. На рудниках нас точно встретят. Впрочем, не думаю, что их это обрадует.

Я оглянулся вокруг, наслаждаясь видами полей и лугов, произнёс:

— Красиво здесь!

— Действительно, Ваша Милость, — согласился со мной отдыхающий от своей смены на вёслах Золтан.

Моё любование окрестной природой прервало появление на берегу компании из дюжины человек. Вскинув луки, они отправили в нашу сторону стрелы и тут же бросились обратно в кусты у реки.

— А вот и первые встречающие, — усмехнулся я, подхватывая стоящий рядом щит и прикрывая гребцов.

— Совсем не вежливо, — согласился со мной парнишка, открывая огонь из винтовки.

Его поддержало ещё несколько человек, и пытающийся сбежать отряд в полном составе упал на землю. На что они рассчитывали не очень понятно: может, на а полсотни метров расстояния, отделяющих нас от их позиции?

— Это местные, на войне не были, — презрительно фыркнул Золтан, переламывая винтовку и выкидывая гильзы в мешок.

— Согласен, — кивнул я.

После этого мы регулярно видели по берегам реки вражеских разведчиков, но атаковать они не решались. На горизонте уже появилось поселение при руднике, когда я заметил на пристанях блеснувшую на солнце медь.

— Стоп! Суши вёсла!

— У них пушки, да? — прищурившись, окинул взглядом укрепления на берегу мой самозванный телохранитель.

Я кивнул и, повернувшись команде, приказал:

— Готовьте «Берту».

— А надо ли, Ваша Милость? Может, подойдём ближе и расстреляем из ружей? Жалко порох же, пушка тратит слишком много.

Слова Золтана прервал свист пролетевшего над головой снаряда, а следом прозвучал далёкий грохот пушек благородных. Я сплюнул и скомандовал:

— Отступаем!

Вообще замечательно! Их пушки совсем не уступают в дальности и мощности, а на берегу орудий явно больше двух. Поднялись вёсла, и ладьи быстро пошли по течению обратно, спасаясь от вражеского огня.

— На кораблях мы просто беззащитные цели. Будем штурмовать по суше, правьте к берегу! И готовьте разведку!

Как всегда моя идея быстрого штурма не очень получилась. А так красиво представлялось: подойти к берегу, обстрелять из пушек и без особых проблем взять под контроль стратегически важный объект. Не вышло. Вместо этого, отойдя за поворот реки, высадили на берег два отряда, проверять путь.

Практически сразу, как ополченцы вошли в лес, раздались выстрелы. А спустя полчаса один из посланных разведчиков уже докладывал:

— Засада под каждым кустом, везде волчьи ямы, засеки, ловушки. Много людей потеряем, если пойдём тут, Бьёрн. Даже по реке будет проще, если корабли не потопят.

Я лишь сплюнул. Пройти больше километра по глади воды под вражескими пристрелявшимися пушками, а потом штурмовать укрепленные позиции? Конечно, можно высадиться ещё дальше от города и попробовать обойти ловушки по горам. Опять же, где нас будут караулить местные, знающие местность, как свои пять пальцев.

Задав вспышку злости, на которую с готовностью отозвалась скверна, желая устроить кровавую резню, присел на борт корабля, пытаюсь придумать хоть какой-то другой вариант, кроме как ломануться самому с саблей и «Валерой» наперевес.

Нет, я смогу. Километр по воде пробегу очень быстро, а там далее просто вывести из строя их орудия и веселиться до прибытия основных сил. Но это авантюра: переть на пушки и ручной огнестрел в одиночку по простреливаемой глади реки? Я точно поймаю картечь или пулю, от которой не спасут доспехи.

Рядом подошёл второй корабль, и к нам на борт перепрыгнула Фиона. Удивительно, но Элеонора и слова не сказала, когда бывшая богиня отправилась со мной. Я был против, мне казалось, что в кузницах она принесёт больше пользы. Но кто же в этом деле будет спрашивать меня?

— Что, медвежонок, уже планируешь, как в одиночку ворвёшься во вражеские ряды, сея смерть и панику? — весело усмехнулась блондинка.

Я удивлённо поднял бровь на такое необычное количество слов и веселья от всегда флегматичной Фионы. Но, тем не менее, с сарказмом поинтересовался:

— А у тебя есть другая гениальная идея, о высочайшая?

— Ты зря взял так мало сил, требовалось подождать, пока сюда дойдет всё войско и медленно отбирать землю. Даже когда мы захватим поселение, нормально работать не выйдет. Не дадут постоянными набегам.

Я легонько поморщился, оглядываясь вокруг. Так-то она права, по-хорошему стоило бы отступить и привести больше сил. Уровень готовности к войне в горах оказался совсем какой-то заоблачный: куча ловушек, орудия на пирсах, засады.

Однако в груди разгорался азарт. Смогу ли я? Разум отчаянно пытался подбросить аргументацию: дам больше времени, сильнее подготовятся, могут при отступлении уничтожить рабочих на выплавке, которые мне и самому пригодятся. Но обманывать себя не собирался, не было бы подначек Фионы, я бы, может, и отступил. Но теперь? Да не бывать такому!

Усмехнулся и скомандовал воинам:

— Отдыхайте, ночью пойдём на приступ.

На самом деле, с учётом того, какие тут ночи, совершенно незачем мучиться в сумерках. Можно дождаться пасмурной погоды, правда, с учётом количества вражеских разведчиков на берегах, скрытность уходит на третий план. Для всех, кроме меня. Проскочить в одиночку в потёмках мне будет проще.

— Ты хорошо помнишь бой возле деревни охотников или уже совсем себя не контролировал в тот момент? Тебя ничего не смутило?

Я почесал в затылке и поинтересовался:

— Ты про скорость реакции?

— Да. Сможешь повторить?

Было бы оно так легко... Что Фионе и озвучил:

— Я пытался, но нет нужного настройа и, что хуже, силы. В бою с тварями энергии хватало, а тут?

— Магия времени никогда простой не являлась. Особенно на скверне. Я удивлена, что у тебя однажды получилось.

— Очень хотелось убить как можно больше, — хмыкнул я. — Попробую, мне всё равно для боя придётся набирать энергии. Как бы не сорваться опять...

— Не сорвёшься, — отмахнулась она. — Ты удивительно хорошо сопротивляешься глубоким ментальным воздействиям. В прошлый раз сорвался только под огромным количеством не пропущенной через источник скверны.

Про источник этой самой сопротивляемости она говорить не стала при людях, но нам двоим и так всё понятно. Сейчас объём инородной памяти уже не так важен, но у меня появился большой опыт в таких делах. Правда, во многом благодаря её попыткам сломать мой разум.

— Спасибо за такую веру в мои скромные способности, — с ухмылкой поклонился я.

Она фыркнула и, сняв со спины рюкзак, достала две бутылки с кислотой и мешочек с кристаллами маны. Поставив их на лавку, скомандовала:

— К вечеру ты должен выйти на пик силы.

— Да, моя богиня, — продолжил ёрничать я.

Она лишь отмахнулась и, царственно вскинув голову, отправилась обратно на свой корабль. Я удивлённо проводил взглядом её фигурку и вздохнул. К добру ли такая перемена отношения? Да и с чего вдруг?

Так или иначе, у меня есть дела. Засыпав в кислоту кристаллы, стал ждать реакции. Ничего, скоро двигателей станет больше, и в мане недостатка не будет. Ещё можно подсыпать пару кристаллов в порох, получая энергию и так. Да много чего возможно жечь или взрывать и получать энергию. Не думаю, что в будущем оно будет проблемой. Главное — сохранить всё это и обеспечить своевременное отведение и хранение. Очень-очень хорошо, что Фиона не решилась обратно принимать скверну, без неё у меня ничего не выйдет.

Пока же, как следует, закрепив бутылку с кислотой, спасая её от качки, устроился удобнее и задремал. Корабли отвели к противоположному берегу, где ловушек и врагов намного меньше. Как-никак, людям нужно отдохнуть, приготовить поесть, завтра в бой идти. А я, едва ощутив рядом лёгкое истечение маны, открыл глаза и принялся поглощать энергию, попутно лениво обдумывая, может, эту силу отправить дальше в единое поле

скверны? Не просто поглощать и использовать, а наоборот, делиться? Как говорила Фиона, подобное должно повысить мою ценность для скверны и облегчить манипуляцию с силой.

Правда, при этом будет намного сложнее окончательно от неё избавиться. Мне выводить её из тела вроде и не нужно, я с заразой теперь до конца. Так что может провести эксперимент, когда появится доступ к большому количеству маны?

Сила плавно впитывалась, полностью заполняя резерв, насыщая плоть и ауру. Одно из отличий скверны, что она лучше усваивается живыми организмами, на, так сказать, чисто физическом уровне. Заполняет плоть, кровь и кости, скапливаясь там, как в накопителях.

Чистая мана в подобных объёмах так не может. Резерв в ауре опустеет, останется совсем немного. Собственно, на чём вся алхимия с использованием скверны и построена. И это главная причина, почему выжигать остатки скверны из меня плохая идея. Зараза проникла в каждую клеточку, и удаление неизбежно вызовет их повреждение.

— Ваша милость, не пора ли уже?

Я лениво повернул голову к Золтану и зевнул:

— Немного позже.

Он вздрогнул, увидев моё лицо, сейчас перетянутое сеткой тёмных прожилок. Но это ещё далеко не всё, я могу впитать больше!

К сожалению, вышло, таки, немного меньше, чем на пике силы: масса тела важна. Но, как смею надеяться, умение управлять силой тоже выросло. Поднявшись с лавки, постучал по борту, привлекая внимание дремлющих бойцов, и кивнул.

Поднялись вёсла, без всплеска входя и выходя из воды, и корабли поползли вперёд. Вытащил из ножен и проверил тяжёлый тесак, убрал обратно, вытащил и проверил револьверы на бёдрах. Фиона отдала свой, мне в бою будет нужнее.

Корабли приняли ближе к суше, и я одним прыжком оказался на берегу. Припал к земле, глубоко дыша и сосредотачиваясь на силе, вспоминая свои ощущения при замедлении времени. Попробовал несколько раз их повторить. Не вышло. Скверна не посчитала необходимыми такие траты без достаточного количества энергии и соответствующей обстановки.

Ожидаемо. Последний раз, глубоко вдохнув, взял в правую руку револьвер, а в левую саблю и бросился вперёд, потихоньку убыстряясь. Пробежал по берегу, перепрыгнул поваленное дерево и дальше уже продолжил по воде, всё равно держась возле суши. Вот видно посёлок впереди, и я ещё сильнее ускорился. Восемьсот метров, семьсот, пятьсот.

Гулко бьётся в груди сердце, а где-то на краю сознания адреналиновый восторг своей силой и дремлющая ярость.

Триста метров. В лагере благородных раздались крики тревоги. Потирающие глаза пушкари всматриваются в водную гладь, выискивая корабли.

Двести метров. Они находят взглядом вылетающие за мной брызги, понимают опасность.

Сто метров, вспышки ручного оружия, и я резко принимаю влево, спасаясь от пуль. Безобидно бахнули две стоящим рядом пушки, вызвав у меня презрительную усмешку, а следом раздалась почти незаметная серия хлопков.

Я в этот миг бросился в другую сторону, так что смерть меня минула. Секунда, другая, и вот взрываю вверх над линией укреплений, расширенными глазами наблюдая, как за мной следует ствол, выплёвывающий пули.

— Что? Какого хера? Откуда у них, мать их так, пулемёт?!

Бешено крутящий ручку стрелок с азартом пытался поймать меня в воздухе. Несмотря на небольшой шок, я выпустил во врага половину барабана, заставив спрятаться за стальным щитом, прикрывающим пулемёт спереди.

Рухнув на землю, отстрелял остатки пуль в обслугу пушек и, закинув пистолет в кобуру, петляя, бросился к пулемётчику. Он сделал ещё десяток выстрелов, и его оружие заглохло. Рядом с ним сноровисто заряжали пушки, чего я, разумеется, не позволил. Несколько ударов тесаком, руками, и, оттряхивая с кулака мозги, взлетел на помост к пулемётчику.

Тут же метнул тесак и бросился в сторону, спасаясь от прогремевшего выстрела из ружья. Благородный захрипел, смотря на тяжеленный кусок стали, проломивший кирасу. Но я был уже рядом, наступая на тело и выдёргивая тесак.

Спрятавшись за кожухом оружия, с любопытством оглядел десятки рунных цепочек, накопители и прочее добро. От треноги, на которой установлен ствол, к пушкам уходили две толстые ленты, на которых до сих пор светились руны. Бросив взгляд на исписанный рунами длинный ствол, кивнул своим мыслям.

Да, обычный магострел, довольно давно известный, на рунах «движение», ускоряющих снаряд. Только вот источником маны для него выступают пушки, в которых кристаллы сгорают вместе с порохом. Хитро.

Поглотив остаточную ману, я бросился к другим орудиям, стремясь как можно быстрее вывести их из строя. Тело затянуло чёрной плёнкой, спасая от пуль. В меня стреляли. Много. И вместо тотального доминирования, я постоянно носился зигзагами, не останавливаясь ни на секунду, не давая врагам уверенно поймать меня в прицел.

Даже так я поймал на кирасу пулю из магострела. Хорошо хоть, вошла под углом и не пробила. Вправо, влево, и вот сжимающая хитрый пистоль рука отлетает от тела. Тут же рывок в сторону, спасаясь от возможных выстрелов.

Отрубив голову одному из воинов, я подхватил его тело перед собой, и бросился в сторону дальней пушки, принимая на импровизированный щит выстрелы. Труп вздрагивал от попадающих в него пуль. Отрубив по пути несколько конечностей, добежал до пушки, отбросив тело и без промедления снося ещё одну голову.

Девять. Ровно столько орудий прикрывало гавань от вторжения с реки. И перезарядка у опытных команд очень быстрая: убрал нагар, положил порох, пыж, ядро и стреляй себе сразу. Если хорошо отработать порядок, реально за десяток секунд справиться, как никак, система магического воспламенения всё сильно ускоряет.

На реке появились подходящие корабли, а я взлетел на крышу одного из домов и бросился вглубь посёлка, спасая свою шкуру. Сделал круг, вернулся и застыл на одной из крыш, оглядывая сражение.

Долбаный мир. Ну что же так быстро-то всё? Я оглядел свои покорёженные доспехи. Я сильно не прав, думая, что в меня попали всего один раз. Ещё три попадания просто не заметил в пылу битвы, защита не пустила пули дальше. По спине прошла волна мурашек, но я глубоко вдохнул, прогоняя страх и сосредотачиваясь на ярости. Искажённая мана отозвалась и плёнка на теле налилась силой, укрепляя защиту.

Тем временем наши корабли подошли уже близко, стреляя картечью из пушек и беспрестанным огнём ручного оружия. Враги отвечали, у них суммарно нашлось около полусотни единиц ручного огнестрела. Возможно стволов больше, но магострелы себя огнём и дымом не демаскируют.

Сплюнув, перезарядил револьвер, разбежался, перепрыгнул на другую крышу и уже

оттуда на землю, в тыл к вражеским стрелкам, увлечённо целящимся в наши корабли.

Шесть выстрелов, выхватить второй револьвер, опустошив и его барабан. Тесак в руку и вперёд. Плеснуло в лицо кровью, а я продолжал двигаться и рубить. Быстрее. Ещё быстрее! И скверна, наконец, ответила, замедляя мир вокруг. Стало легче отслеживать стрелков и спастись от выстрелов.

Разрубив очередного врага пополам, запрыгнул на стену и огляделся по сторонам. Невдалеке показались ворота возле причалов. Хорошо. Несколько рывков, два десятка трупов, и вот я скидываю на землю тяжёлый засов, убив всех, кто пытался мне помешать. Толкнув наружу створку, опять запрыгнул наверх, разя благородных.

Ворота тут двойные, со сломанным коридором между ними. Так что пришлось открывать ещё и вторые створки. Увидев мою залитую кровью фигуру снаружи, с корабля начали спрыгивать наши бойцы. Десяток за десятком они пробежали на ту сторону заграждений, стреляя во все стороны.

Устало выдохнув, перезарядил револьверы и вернулся в бой. Правда, больше не стремясь быть везде первым, а работая простым стрелком. Да оно и не нужно. После того, как мои бойцы ворвались в порт, его зачистили за несколько минут. А там уже и продвинулись в городок, штурмуя дом за домом.

Нашим, помогали местные. Тут и там раздавались голоса, рассказывающие, где и как засели благородные. Дело спорилось без личного вмешательства, и я вернулся к пулемёту.

— Как можно стать таким же сильным, Ваша Милость? — нарисовался рядом Золтан, настороженно осматривающий выходящие к нам окна и крыши поверх прицела винтовки.

— Хочешь прожить пять лет и не оставить детей? — устало ответил я, развернув пулемёт защитной полусферой к городу.

— Если станет очень тяжело... — пошёл на попятную боец.

— Вот и не гонись за этим.

Выпив сладкого чая из фляги, я остался отдыхать, слушая донесения подбегающих ополченцев. Удивительно, но ближайшие улицы уже зачистили. Благородные не держались за посёлок, а быстро отступали дальше в горы.

Может это и правильно, стрелков у них выбили, а идти с луком и саблей на ружьё дураков уже нет. Уровень вражеского вооружения, увиденный здесь, меня очень неприятно удивил. Хотя, если так подумать, порох дал им много дешёвой маны, которую, оставалось лишь приспособить к делу. А уж с этим проблем нет, идей, как убить ближнего своего, всегда хватало.

— Интересно придумали. Молодцы, — вывел меня из размышлений голос Фионы, с любопытством осматривающей пушки и, особенно, пулемёт.

— Меня из него чуть не подстрелили, — проворчал я.

— Судьба твоя такая, по краю ходить, — отмахнулась бывшая богиня. — Разрушать в этот раз, смотря, ничего не стал. Удивительно.

— Нам самим пушки пригодятся, — вздохнул и, кивнув на пулемёт, добавил: — Надеюсь, мы не будем встречать подобное в каждом городе. Перебор.

— Не думаю. Просто именно здесь льют пушки и делают оружие. Войск мало, пусть и вооружены хорошо.

Я лишь согласно кивнул. Очень на то похоже, что мы взяли производственный центр. Да и где ему ещё быть, раз Бродно больше им не принадлежит? Тут, возле рудников, самое оно. Можно бы удивиться, что город взяли так легко, но и это понятно: основные силы

наголову разбиты совсем недавно, и сейчас желающих умирать за общее дело где-то там далеко, оставив беззащитным собственный дом и семью не так уж много.

Даже так зачистка длилась до ночи. Благородные пытались забирать с собой опытных мастеров, но у них не получалось. Люди прятались по отноркам и подвалам, зная, что нет времени у самозванных «высших» пытаться выкурить каждого, тут бы самим ноги унести.

Они подожгли несколько зданий, но успеха это не имело. Люди, живущие металлом, к пожарам привычные, тушить начали сразу, едва появились ополченцы, гарантирующие безопасность.

Уже утром, под руководством местных жителей, мы выставили отряды на ведущих к городу тропах, закрывая возможность внезапного удара. Сил хватило в упор, полсотни человек в поселении, и ещё сотня в десятке спешно оборудуемых опорных пунктах в округе.

Страшно так рассредоточивать силы: вырезать десяток человек ночью опытным воинам такого уж особого труда не составит. И занять подобным образом наши ружья и, что важнее, порох. Так что, едва стал понятен масштаб проблем, тут же отправил один из кораблей в Бродно с запросом подкреплений и письмом для Густава. Пора ему сюда вести своё изделие.

Сам занял один из опустевших домов, совсем не удивившись, когда рядом возникла Фиона, за которой один из ополченцев тащил большой мешок с вещами. Кажется, из-под женского надзора мне теперь никуда не деться.

Проводив взглядом Фиону, почесал в затылке и тихо пробормотал:

— Ну и хрен с ним, она хоть готовит вкусно. Я первый, что ли, кто променял свободу на борщ?

— Плотный огонь, говорите?

— Да, Ваша Милость, два-три десятка стволов.

— Усадьба, раскинувшаяся в небольшой долине, смотрелась как на картинке. Зелёные луга с пасущимися в отдалении овцами, двухэтажное каменное здание, утопающее в зелени и с фонтаном перед фасадом, окружённое невысоким каменным забором. В таком месте хотелось бы жить каждому.

И, при этом, из каждого окна стреляли. Ополченцы попытались взять штурмом, но, потеряв несколько человек, отошли. Эта долина запирала самую большую тропу к посёлку, взять её и разместить опорный пункт именно здесь задача необходимая.

Это понимают и наши враги, набив дом людьми и оружием. Благородные пытались встретить ополченцев ещё на входе в долину, но держать там позицию оказалось сложно, и им пришлось отойти в дом.

— Ждём ночь и идём на штурм, что тут думать, — бросила Фиона, поглядывающая на дом поверх винтовки.

Вскинув ствол, женщина выстрелила. И судя по крикам ярости — удачно. Я же едва заметно усмехнулся. Конечно, приятно, когда в тебя верят, но огнестрельное оружие — дело такое, уравнивает всех. Впрочем, выбора у меня особо и нет. Легче пробиться самому, чем потерять десяток человек при штурме.

Как и сказала лесная ведьма, к вечеру я подкопил энергии и оказался в бою. Шёл дождь, свет спутников планеты не пробивался сквозь густые тучи, даруя столь необходимую скрытность.

Оглядев бойцов, я перемахнул камень, за которым мы прятались, и неспешно пошёл в сторону особняка. Достал револьвер, перекинул из-за спины в руку тяжёлый, окованный металлом щит и, глубоко вдохнув, устремился вперёд.

Перепрыгнул невысокий каменный забор, припал к земле, составил программу движения и вбросив немало скверны на её выполнение. За спиной взлетел грунт, а я, развернувшись в воздухе, влетел в окно второго этажа, разбивая ногами ставни и доски, которыми оно было заколочено изнутри.

Инерция оказалась так велика, что тормозить пришлось ногами о противоположную стену помещения. Извернувшись, упал на одно колено и открыл огонь. Шесть выстрелов, пять раненых или убитых. Стрелял как можно быстрее и только один удачно сидел, получив пулю в голову.

Бросить оружие, выхватить второй ствол и, поднявшись, совершил ещё шесть выстрелов. Трупы. Перезарядка и выплеснуть скверну на защиту. Пинком выбросил один труп изнутри комнаты в коридор, с удовольствием услышав два выстрела, вышел следом.

Два выстрела, и выглядывающий из комнаты дальше по коридору аристократ пораскинул мозгами. Грохнуло, легонько качнулся щит, поймав вражескую пулю. Я выстрелил в ответ трижды.

Метнувшись вперёд, вломился в комнату, откуда стреляли. Попытка благородных прикрыть дверь меня не остановила. Скорее, наоборот, они просто потратили зря порох, стреляя сквозь дерево. А я, оказавшись внутри, пристрелил дальнего от меня, проломил череп рукояткой револьвера ещё одному, сделав шаг, и, ударом ноги в грудину, под

раздавшийся хруст костей, впечатал третьего противника в стену напротив. Два шага вправо, и удар щитом снёс голову последнему.

В очередной комнате меня встретили парой выстрелов и саблями. Играть в игры я не стал, и, приняв пули на щит, пристрелил всех. Кинув взгляд на щит, поморщился: в паре мест пробит насквозь. Что поделаться, полностью стальных щитов в полсантиметра толщиной никто не производит. Тем не менее, пока свою роль выполняет, так что я продолжил ломиться в комнаты, остро жалея, что нет гранат.

Как раз заканчивал со вторым этажом, когда с улицы раздались выстрелы. А там уже, после того, как я открыл входную дверь, внутрь ворвались и бойцы. Живых мы в доме не оставили.

Утром, проверив окрестности, я ушёл обратно в посёлок отдыхать, оставив ополченцам новый опорный пункт.

На следующий день ситуация повторилась, хотя всё оказалось проще: цель не такая укреплённая, и бойцы действовали, в основном, сами. Надо же им учиться? Пусть это и стоит жертв.

За дальнейшие пятеро суток мы взяли шесть имений, обеспечив контроль дальнего от посёлка медного рудника. Сил на надёжный контроль такой большой территории не хватало, пришлось нарядить в броню местных крестьян для демонстрации нашего числа. Впрочем, стрелять их научат довольно быстро, а большего сейчас и не нужно.

— Ты закончил с войной? — поинтересовалась Фиона, когда я, выспавшись после рейда, завтракал.

— Угу, — лениво копаясь в каше ложкой, с апатией ответил я.

Устал за эти дни. Много переходов по горам, короткие стычки, кровь и мозги по стенам. Я даже не был у местных металлургов. Некогда. Пока не прибыло подкрепление, всё зависит от наших полутора сотен человек. Победить таким числом можно, а вот контролировать территорию уже сложно. Вот и приходилось носиться, как ошалевшему.

— Доешь, пойдём, кое-что посмотришь.

Я уныло кивнул, и, всё же, запихнул в себя кашу. Вкусная, как и всегда, но есть не хочется. Потом собрался, зарядил револьвер и последовал за Фионой.

В городе металлургов вся дорога вымощена шлаком. Ближе к цехам я остановился и присел на корточки, смотря под ноги. Не ошибся, под ногами краснело ржой. И чем ближе к печам, тем больше чугуна, пока не остался практически только он.

Шлак и чугун тут уже лежали кучами, заставляя меня недоверчиво крутить головой. А ведь верно — это свинское железо, ковать которое нельзя, а для нормальных отливок совсем не тот процесс, который, мы могли наблюдать, подойдя ближе к работающей печи.

У меня на глазах двое парней отодвинули ломом кусок печи, снизу у которой вытекал шлак, просунули и длинными, изогнутыми кочергой железками, вытащили пару больших кусков крицы, и тут же стали расковырять на огромной наковальне.

Тем временем, печь закрыли, щели замазали глиной, несмотря на жар, а сверху в неё посыпалась очередная порция древесного угля и пережжённой руды. Всё происходило удивительно споро, и через десяток минут совсем не остывшая печь уже накачивалась воздухом из здоровенных мехов.

Причём меха тоже не простые, а работающие от водяного колеса, которое питал отведённый от горной речки акведук.

У меня на глазах крицу порубили на части, подогрели и проковали ещё, получив

достаточно ровные слитки металла.

Несмотря на общую выверенность и точность процесса, меня дико задушила жаба, видя, как после чистки печи рабочие откинули в сторону шлак с немалым количеством медленно остывающего чугуна.

Я поджал губы, но ничего не сказал. При данном процессе, чугун — отходы. Причём температуру ещё и специально не повышают, чтобы его вышло поменьше.

— Как работа, Ваша Милость?

Повернувшись, окинул взглядом низкорослого широкоплечего мужчину, воинственно выставившего короткую седую бороду в подпалинах. Вообще, если не знать, то можно и не догадаться, что он гном. Подумаешь, полтора метра ростом, ведь чего только не бывает у людей.

Тем не менее, если и есть раса, которая выиграла от катастрофы, то это гномы. Они выбрались из своих подгорных городов, в которых им стало некомфортно, и начали расти. Буквально за пару поколений их быт полностью изменился, а рост пришёл к тем самым средним полутора метрам.

Дальше замедлился — кое-какие особенности конституции сохранились. Но даже так они хоть и потеряли свою рунную магию, приобрели клаустрофобию, но получили нормальную жизнь без навязчивого желания зарываться глубже в землю. Остались довольны. И любви к работе с металлом не потеряли, как, к слову, и бухать.

— Хорошо работаете, приятно посмотреть, — вежливо улыбнулся я начальнику литейщиков.

— Что тебе не нравится? — вскинулся гном, которого моя вежливость лишь разозлила.

— В рамках данного процесса всё прекрасно. Мне сама технология не нравится.

— Тут крицы не меньше, чем в наших печах! Что не так?

— Давай обсудим позже, когда привезут оборудование, которое поможет мне отстоять свою точку зрения, — вздохнул я.

— Так, всё же, что тебе не нравится? — продолжал давить гном, проигнорировав мои слова.

Оглянувшись вокруг, я подобрал с кучи кусок шлака с большим вкраплением чугуна и, взмахнув перед лицом мастера, угрюмо ответил:

— Вот!

— Бесплезное свинское железо. Да и у меня его мало выходит совсем. Что не так?

— Из него можно делать сталь, — равнодушно сказал я.

— А, ты про это, я думал что-то особенное, — отмахнулся гном. — У магов и алхимиков получается небольшими партиями что-то с ним сделать. Но оно совершенно невыгодно. То, что делаем мы, во много раз дешевле.

— Потому и предлагаю подождать, — кивнул я. И перевёл тему: — У вас тут, смотрю, и земляной уголь есть.

— Выкапываем, — кивнул мастер, — используем при подсобных работах, железо на нём не выходит. Но иначе леса не напасёшься.

— Возьму немного?

— Конечно, не знаю, зачем он вам, но берите.

— Я немного алхимик, — пожал плечами.

Подошёл к куче угля и, отбирая визуальнo разные кусочки, собрал их в мешок, попутно предупредив:

— Я завтра попробую кое-что по обжигу тут у вас, надеюсь, не помешаем друг другу.

— Ты теперь главный в городе. Если вас всё устраивает, то пожалуйста, — хмыкнул гном. Повернувшись к одному из работников, крикнул: — Кто так чистит? Я сейчас тебе в жопу лом запихну!

Не прощаясь, он бросился к одному из работников, заноса руку для затрешины, забыв о нас.

Мы с Фионой переглянулись и прогулочным шагом покинули литейную, двигаясь в сторону дома.

— Странно, — бросила на меня задумчивый взгляд спутница, — думала, будешь его металл правильно плавить учить.

— Чтобы выглядеть идиотом? — фыркнул я. — Нет, спасибо, обойдусь. Нужно показывать результат, иначе это бесполезный спор на несколько часов.

Она всё так же задумчиво покивала и поинтересовалась:

— А уголь тебе зачем?

— О, не знаю, получится или нет. Но если я правильно помню, то некоторые сорта угля при нагревании без доступа воздуха, при определённой температуре и длительности, спекаются. А на получившемся веществе возможно варить чугун. По крайней мере, у нас делали именно так.

— Что может пойти не так? — подняла бровь женщина.

— Я не помню температуру и длительность процесса. К тому же, есть неподходящие виды угля. Вообще, как закончим войну, надо заниматься единой системой измерений веса, расстояний и температуры. В точном машиностроении нельзя всё мерить пальцами, локтями или в монетах.

— А от чего у вас отсчитывали температуру? — с любопытством поинтересовалась женщина.

— Тоже несколько систем. Самая основная — от температуры замерзания воды. Ещё используют от абсолютного нуля.

— Абсолютного нуля? — подняла бровь Фиона.

— Угу. Того, что царит в безвоздушном пространстве.

— Ах да, вы же летаете туда, — поскущела она.

— Вы не летали, господа маги? — не смог сдержать превосходства в голосе.

— Что там делать? Холодно, пусто. И маны почти нет. Бесполезная трата сил.

— А если метеорит? Что бы делать стали?

— А вы? Много что сможете сделать? — фыркнула она.

— Дай ещё лет сто, и точно сможем, — отмахнулся я.

— За которые вас станет так много, что на планете и жить будет нельзя, — уверенно припечатала она.

— Ты не права, уже известно, что в развитом обществе люди не стремятся заводить детей. И если везде окажется достойный уровень жизни, то, скорее, количество людей станет сокращаться.

— И как получается с тем, чтобы у всех был «достойный уровень жизни»? — с иронией, осведомилась она.

— Не очень, — вздохнул я..

Мы прошли ещё немного молча, когда она кивнула на мешок с углём, который я нёс:

— С этим я помогу. Леса жечь на уголь — варварство.

— Ты же вроде не богиня природы, — хмыкнул я.

На её лицо набежала тень, и она хмуρο буркнула:

— Я с ней много общалась.

Уточнять подробности я не стал. Если непробиваемой Фионе неприятно при воспоминаниях, значит там приключилось что-то очень нехорошее. Оно мне надо?

На улицах прохожие встречали нас поклонами. И непонятно, к кому они выходили: меня горожане видели в бою, а вот Фиона... К её сожалению, история о моих приключениях разошлась довольно широко, и попытка сохранить инкогнито у неё не вышла.

Я-то ладно, подумаешь, очередной самозванный правитель, разожравшийся скверны и на этом поднявшийся. Лучше поклониться, как бы чего не вышло. Но Фиона — самая настоящая богиня, ещё с того Великого Времени!

Честно сказать, я быстро привык все эти поклоны не замечать, воспринимая, как должное. Люди так привыкли, да и мне проще. Как-никак, скверна давит, просит устроить резню. К подобному приходится привыкать заново, но ради силы готов с подобным смириться. Особенно, если такая возможность выдаётся весьма часто.

Вернувшись домой, почистили оружие, немного потренировались, пообедали. А потом я достал бумагу, выставив уголь на столе, разломил каждый кусочек на две части и подписал их.

— Так всё же, какой должен быть жар? — полюбопытствовала сидящая напротив женщина.

Я почесал в затылке, неуверенно вспоминая:

— Там, вроде, много должно быть, почти как в кричных печах. И нужно длительное время. Сейчас расфасую, а вечером каждый попробую поместить в глиняный ларец и обжечь.

— Не нужно, — покачала головой она и, отщипнув пару совсем небольших кусочков в полногтя, положила его на ладонь.

Прикрыла глаза, и он поднялся над её рукой, став медленно краснеть. Чтобы спустя два десятка секунд рассыпаться.

— Похоже, не оно. Следующие. И принеси из моей комнаты кислоту, там кристаллы доходят.

Молча сходяв за требуемым, поставил рядом с ней бутылку и продолжил наблюдать за процессом.

— Этот отличается, — на третьем экземпляре кивнула она. — Ты прав, на процесс нужно время, но есть в нём примеси, которые заставляют вести по-другому.

Тем не менее, девушка продолжила сосредоточенно проверять остальные, останавливаясь только восполнить резерв. Подобные результаты показал ещё и девятый. Она отщипнула от похожих образцов по кусочку и попробовала ещё.

— Работает, они действительно другие, — сдув выбившуюся прядь волос, расслабленно откинулась на стуле.

Я восхищённо присвистнул.

— И правда, богиня!

— Разумеется, — величественно отмахнулась ладошкой Фиона.

На моих глазах она за пару часов, на коленке, провела эксперимент, который бы занял у меня много дней проб и ошибок. Наверное, не стоит так удивляться, что они смогли собрать движок Густаву. Мало того, что магия, так у Фионы ещё и характер прекрасно подходит к

экспериментальной работе.

Надо совершить тысячу попыток, чтобы заработало? Без проблем, хоть пять тысяч. Психовать от однообразной работы и отсутствия моментального результата, это не к ней. И кстати об экспериментах, раз уж пошла такая пьянка...

— Слушай, так может сразу попробуем с металлом? Да и с кирпичом нужен материал, который выдержит такие температуры.

— Подробнее!

— Смотри, берём свинское железо, прогреваем и продуваем кислородом, пытаюсь уменьшить содержание примесей. Так же, пытаемся продуть воздухом, смотрим разницу.

Она пожевала губу и, накрутив на палец локон, задумчиво произнесла:

— Нужны руны — столько процессов сразу сложно.

— Никаких проблем, — воодушевлённо потёр ладони. — Я пройду по городу, соберу материалы.

Подскочив, я действительно побежал к литейщикам, а уже они направили к мастеру, который наносил руны на пушки и многое другое, точнее, мастерицу. Увидев женщину, я только хмыкнул: источник у неё не открыт, однако рука, видимо, твёрдая. Набрал краски для рунных контуров, специальные кисточки, десяток накопителей и воодушевлённо поторопился домой.

Где мы, в саду, на столе, принялись составлять рунный контур. Провозились до самого вечера, но, удержавшись и не став торопиться, отложили итоговый эксперимент на следующий день.

Контур получился сложный: Фиона решила не использовать комбинированных рун, которые в этой эпохе работают лишь у неё, а обойтись сочетаниями обычных. То же разделение газов на составляющие она рассчитывала повторить однажды и в больших объёмах, если всё получится и процесс будет эффективен.

Тем не менее, мы попробовали. Небольшой кусочек чугуна лежал в ванночке из обожжённой глины с большим добавлением порошка избитой керамики. К ёмкости подходила длинная стеклянная трубка, густо исписанная рунами. Взмахнув рукой, Фиона активировала систему.

Сначала стремительно разогрелся кусок металла, вот он побледнел, и тогда женщина активировала продувку. Металл быстро расплавлялся, разъедавая керамику. Спустя миг, ванночка лопнула. Но металл не вытек, придерживаемый силой Фионы.

Довольно быстро мана в накопителях закончилась, процесс прекратился, и лужица металла быстро остыла.

Фиона вытянула немного маны из бутылки с кислотой и протянула руку к металлической бляшке. Я с нетерпением потёр руки, ожидая вердикта.

— Это сталь. В одном месте реакция пройти не успела, но да, безусловно, сталь.

— Зарядим и попробуем просто воздух?! — азартно воскликнул я.

— Давай.

Заодно я сменил ванночку на другую. В эту я ещё вчера, обжигая у мастера по керамике, щедро добавил порошка из камней, которые идут на хранилища маны. Есть у меня некоторые подозрения по поводу химического состава камней накопителей.

До вечера мы меняли и заряжали камни, запустив испытательный стенд уже в сумерках. Всё вышло очень похоже, но вот преобразованного металла оказалось меньше. И да, ванночка не лопнула, хотя и оказалась поедена.

— Это хуже. Какие-то вкрапления, будет более хрупкой. И держать его надо немного дольше, реакция идёт медленнее.

— Ну, не случайно от подобного способа в своё время отказались и вернулись лишь когда появилась возможность использовать чистый кислород, — кивнул я.

— Но даже такую сталь можно использовать. Думаю, не везде, да и нужно проверять влияние закалки.

— Попробуем, — задумчиво согласился, крутя в руках ещё горячую ванночку.

— Ты добавил туда проводник маны? — кивнула она на ёмкость. — Даёт небольшой отклик.

— Да. И тугоплавкости добавляет, как видишь.

— Накопители — очень крепкие камни, — пожалала она плечами. — В любом случае, нужно проводить опыты с большим количеством материала. Непонятно, как будет влиять на итоговый состав добавление в него шлака от прогара ёмкости, разные примеси в составе самого сырья. Нужны опыты.

— Думаешь, система будет работать?

— Будет. Но разделять такое количество газа сложно. Нужна прочная ёмкость, длительный процесс.

— А в идеале и вовсе без магии, — согласился, я.

— Как такое делают у вас? — любопытствовала женщина, катая между пальцев неровный кусок металла, начавший сворачиваться в шарик.

— Охлаждением. Эти газы имеют разные температуры замерзания на несколько градусов. Чуть меньше двухсот, если считать от температуры оледенения воды.

Фиона прищурилась.

— Интересно. А как оно достигается?

Я почесал в затылке, пытаясь вспомнить школу. И неуверенно ответил:

— Вроде как, если сжатый газ совершает работу, то он охлаждается. И если его долго гонять в специальных системах насосами, то, в итоге, он упадёт ниже точки замерзания.

— Только насосы?

— Вроде, да.

— Ещё интереснее. Вот почему ты так просил двигатель в первую очередь?

— Если получится найти мастеров по электричеству, можно будет создавать двигатели, работающие на нём, так выйдет лучше.

— А зачем искать? — недоумённо спросила меня женщина. — У тебя имеется один из ведущих экспериментаторов с электричеством.

— Что? Кто? — вскинулся я.

— Врач, Бенедикт, если правильно помню. Он увлёкся этим ещё во время учёбы и, между прочим, написал очень известный труд по работе нервной системы.

— Его Элеонора зазывала в город. Я не знал...

— Вы в рейды вместе ходили, в одном помещении спали, — неподдельно удивилась она.

Я немного смущённо улыбнулся:

— Да мы больше общались о еде и как врага бить будем.

Ещё о женщинах. Очень врач падок на это дело, по крайней мере, на словах. О чём я Фионе говорить, ясное дело, не стал.

— Он бабник. Постоянно рассказывает о своих любовных успехах, — усмехнулась

женщина.

— Там точно половина брехня, — я, всё же, не удержался от желания немного посплетничать.

— Не половина, а всё сказки, — презрительно фыркнула бывшая богиня. — Обрати внимание, нет ни одной истории о пациентках или борделях. Хотя там ему отказа не будет.

— Думаю, о таких историях, если и будет о чём, он говорить и не будет, — вздохнул я, продолжая крутить в руках формочку.

— Возможно. На сегодня с экспериментами всё, завтра продолжим, — устало зевнув, Фиона отправилась в свою комнату отдыхать.

Я кивнул, проводив её взглядом. Вернулся в свою спальню, поставил формочку на полку и завалился на кровать, задумчиво смотря в потолок. Очень плодотворные несколько дней. Приятно.

Кажется, нормальной металлургии — быть!

По результатам экспериментов укрепление кирпичей для печи порошком из накопителей мы не потянем: работает хорошо, но выходит слишком дорого. Неплохо показал себя кварц, хотя и менее термоустойчивый. В итоге, было решено, на всей печи делать рунный контур на укрепление.

Маны он будет потреблять очень много, так как придётся противодействовать огромным температурам. Но, по осторожным расчётам Фионы, выходит, что, на пике, тепла «конвертера» может хватить для декристаллизации. И тогда печь начнёт обеспечивать себя сама, попутно ещё увеличивая жар в топке разложением кристаллов.

Я заказал кирпича с нужными мне добавками, правда, обжигать его будут ещё неделю. Так что на данный момент велел собирать уголь, способный к коксованию, коего оказалось совсем немного. Требуется выкапывать и перебирать уже то, что есть.

Дела навалились совершенно не военные. Вот и сейчас мы обдумывали с Фионой, как бы нам запустить те же печи для обжига угля в кокс. Картинка не складывалась: так получается, что металлургия — оно про объёмы и сопутствующую промышленность.

Ради обжига угля требуется строить печь с большими затратами огнеупорного кирпича. Для хранения кислорода потребны металлические ёмкости с толстыми стенками, способные выдержать необходимое давление. А ведь к ним нужны насосы, клапаны. Ничего этого нет.

За что ни возьмись, система не работает. Местная промышленность к подобному не готова — нужно время. И металл, много металла для всего. Для получения которого необходима уже существующая промышленность.

— Нет, Бьёрн, такое мы не сможем, — тяжело вздохнула Фиона, отбрасывая от себя листок с очередным наброском. Конкретно тут рисунок демонстрировал змеевик в обкладке для подогрева входящего в домну воздуха.

— Будет работать без этого, но, сама видишь, выходит экономия угля, как бы, не на треть.

— Так же вижу, что таких должно быть несколько, чтобы, пока один нагревался, другой работал. И чем больше сама печь, тем лучше оно будет работать.

— Потому металлургические комбинаты — это огромные предприятия из кучи взаимосвязанных агрегатов и процессов, — согласился я.

— Давай остановимся на чём-то маленьком, что будет работать прямо сейчас.

— Небольшой объём, с продувкой обычным воздухом? И чугунное литьё для чего-то большого?

— Ты же сам говоришь, что для очень многих изделий хватит и чугуна. Освоить полный процесс сложно, требуется время, эксперименты и расчёты. Так что большой контур для отделения кислорода делать не будем. Обойдёмся чуть более хрупким металлом, но который мы можем получить в достаточных количествах с минимальными затратами сил.

— Согласен!

Сразу стало как-то проще, ведь сосредоточиться на одном проекте всегда легче, чем на целой куче, хоть и, казалось бы, тоже нужных задач.

Правда, возникли некоторые сложности...

— Нет! Просто нет! Пока я тут главный, не позволю испортить столько руды!

Именно так отреагировал гном в литейном, когда я попросил немного переделать одну

из строящихся печей. Уверенно вскинув бороду, он всем видом демонстрировал, что со своего не отступит.

— Нам требуется именно свиное железо. В больших количествах и хорошем качестве, — продолжал я стоять на своём.

— Да я лучше домой поеду, нехер на ваших островах делать! Одни проблемы, никакие деньги этого не стоят! Кстати, мне бы жалованье поднять, в моём договоре не говорилось об участии в вооружённых восстаниях!

Тут я не выдержал. Я бы мог сослаться на шёпот в голове, велящий решить проблему поскорее известным способом. Но, на самом деле, он меня своим упрямством просто окончательно выбесил. Схватив гнома за затрещавшую рубаху, поднял перед собой и, глядя в испуганные глаза, мягко произнёс:

— Я тебе голову оторву, Дорин.

— И к вам больше никто не поедет! — прохрипел мастер.

Я поморщился, но поставил его на землю и даже вежливо отдёрнул рубаху на место. Оглядел упрямого гнома и велел:

— Пойдём.

Уж не знаю, что мастер себе представлял, но за мной он шёл, как на казнь. Но когда понял, что веду его не в лес, а в город, немного приободрился.

— Фиона, контур для чугуна у нас запитан? — громко спросил я, входя в дом.

Девушка подняла глаза от листа бумаги, лежащего перед ней, окинула взглядом мнущегося Дорина и почесала кончиком карандаша нос.

— Сейчас освобожусь — сделаю.

Через час мастер вертел в руках кусок железа, слушая небольшую лекцию от Фионы. В таких вопросах у неё авторитета больше, тут ничего не поделаешь. Причём слушал внимательно. А в конце сказал лишь одно:

— Мы не обеспечим необходимый поток воздуха. И даже ваша магия не поможет для больших объёмов стали.

— Обеспечим. Как только из Бродно приедёт нужная машина. Просто, не хочется тратить время и подготовиться заранее, — вмешался в диалог и я.

— Это совсем другой процесс, уважаемые, совсем не то, чем я всю жизнь занимался. Мой опыт почти не применим.

— «Почти» — достаточно, — пожал плечами я. — Если тебе интересно, то у нас есть ещё пара идей, как изменить твою работу. Можем поделиться.

— На сегодня для меня мыслей хватит, благодарю. Я пойду? Это требуется обдумать.

Поклонившись, гном вышел, оставив нас наедине. Хлопнула входная дверь, мы пару минут помолчали, и Фиона негромко бросила:

— Его больше нельзя выпускать домой, нам конкуренты среди врагов не нужны.

— Угу. На ближайшие годы он работает на нас вне зависимости от того, чего хочет сам.

— Хорошо. И раз пришёл, садись ужинать. Сегодня кролик с овощами.

Я слотнул слюну и быстро отправился мыть руки. Такое точно пропустить нельзя. Вкусный ужин, крепкий сон. И главное — согревающее ощущение того, что смог переложить часть своих проблем на упёртого гнома. Ведь даже если глобально всё получится, металл пойдёт, возникнут сотни чисто технических проблем, которые я не знаю, как решить. Например, литьё чугуна имеет сотни нюансов. Не говоря уже о прокатке стали. Температурные режимы, формы, отпуск и закалка. И много-много всего, для чего нужны

десятки и сотни людей, думающих над одной проблемой.

Придумать принцип — это одно, а довести его до технического исполнения — совсем другое.

Благо, гном, понимающий, что и зачем от него требуется, развернул активную деятельность, подойдя ко всему, как привык. И первое, что он сделал — сходу забраковал половину партии готовых кирпичей. Тут я не вмешивался, разве что выплатил необходимые десять золотых мастеру.

А через два дня случился долгожданный праздник. Нас предупредили, как только корабль показался на горизонте. Я хоть и стоял в полном боевом облачении на случай врагов, облегчённо выдохнул, увидев на палубе знакомые лица.

Кораблей оказалось, в итоге, два. Один с подкреплением, а другой с десантом мастеров из Бродно.

— Необходима ваша помощь, госпожа! — это были первые слова Густава, едва он спрыгнул на причал.

— И тебе хорошего дня, — хмыкнул я, протягивая руку.

— Он всех достал своим насосом, — пожаловалась Эрна, сходя на берег.

— Потому что он нужен, — поддержал коллегу Войцех.

— Вас я тоже рад видеть!

Я обнял сестру, поздоровался с остальными. Бенедикт, пожимая мне руку, поинтересовался:

— Тебя интересует моё увлечение больше, чем основная работа?

— Ты даже не представляешь, насколько сильно и как оно важно, — я поджал губы, оглядываясь вокруг. — Так что к твоим услугам все ресурсы города, и, если нужно, то и помощь Фионы.

— Что конкретно интересует? — прищурился врач.

— Всё: двигатели, накопители, системы передачи на расстояние. Нам очень нужна эта работа. Если требуется помощь кого-то с континента, то готовы платить любые деньги.

— Даже так... Что же в этом такого срочного?

— Сила молний изменит всё не меньше пороха, — только и пожал я плечами.

Весь день ушёл на то, чтобы комфортно разместить мастеров в городе, а вечером традиционно состоялся небольшой праздничный ужин. И уже утром с корабля в литейную доставили двигатель. Я как раз подошёл к его тестовому запуску после транспортировки.

— Этого ты ждал? — кивнул на двигатель бледный и потерянный Дорин.

— Именно, — усмехнулся я.

— Во имя Фионы... — тихо прошептал гном и, отвернувшись, тяжело ступая, пошёл к себе в каморку.

Понять его можно. Всю жизнь гном считал, что находится на переднем крае прогресса. И тут тебе привозят изделие, находящееся просто на другом уровне, чем даже смел мечтать. Особенно для гномов, которые привыкли гордиться своей многотысячелетней работой с металлом. Для мастера сегодня рухнул весь привычный мир.

На строительной площадке, в которую превратился литейный цех, закрутилась работа. Перебирали кирпичи, рисовались рунные контуры, беспрестанно работал двигатель, обеспечивая магов запасами маны. Фиона доводила до ума насос, который должен закачивать воздух в наш будущий конвертер.

Гном, весь день пьянствовавший в одиночку у себя в комнатухе при литейной, утром

выполз, разя на окружающих адским перегаром и сверкая красными глазами. Но ничего, умылся, поел и включился в дело.

— А я говорю, первый металл нужно сразу пускать на оболочку будущей сталеварки! — стоял на своём Густав. — На это он полностью сгодится.

— Предлагаю просто отлить полосами, а там разберёмся. И подожди планировать, мы ещё не получили сталь.

— Все видели модель. Система должна работать!

— Вот получим металл, тогда и решим. Не суетись, — в очередной раз отмахнулся от коллеги Войцех.

— Эх, если бы можно сразу пойти по тому процессу с разделением воздуха... — мечтательно прикрыл глаза Густав.

— А ещё разбежаться и влететь в воздух. Охлони. Всему своё время.

— Слушайте, а что там? — влез в их спор я, кивнув на двигатель, у которого выхлопная труба вилась, проходя сквозь ёмкость, в которой что-то булькало. Туда эпизодически походил парень из алхимиков, сливал жидкость и заливал новую.

— А, это... В общем, один парень из алхимиков развлекался, попробовал пропустить через воду выхлопные газы, результат оказался интересный.

— Там за день выходит кружка кислоты, — добавил к словам односельчанина Войцех, не став томить меня в ожидании ответа.

— Это же важно! — вскинулся я.

— Вот только процесс пока не понятен. Алхимики работают, — хмыкнул Густав.

Я не стал вникать глубже, внимательно оглядел парня, стараясь запомнить сутулую фигуру, торчащую куцую бородёнку и лихорадочно горящий взгляд. Нужно будет вдумчиво пообщаться, как появится время.

Однако сейчас я разговор отложил и погрузился в производственную беготню. Кирпичи, краска для рун, военные дела. Как-никак, мы на далеко не безопасной земле и подмога оказалась очень вовремя.

Наши дальние опорные пункты прибавились в численности, выстраивались связи с местными. Даже захватили ещё полдюжины имений аристократов, расширив контролируемые земли. Да и среди местных запустили полноценный набор и обучение бойцов. Война в горах надолго, и важно вести её силами людей, знающих местность.

Незаметно прошли несколько дней, за которые подготовили и прожгли новую печь для чугуна. По сути, такая же, как и раньше, но изготовленная более основательно. Полноценную доменную печь будут строить потом, если всё получится. Пока это всё на десяток раз для проверки системы.

Прокалили как следует и псевдоконвертер. Ну а после, в печь загрузили руду, известняк и уголь, закинули горящих углей, и на малых оборотах застучал дизель, начиная двигать поршни насоса. Уже через час к печи оказалось страшно подойти, такой стоял жар. Сверху регулярно загружали уголь с рудой, но прогорало всё удивительно быстро.

Нахмурилась Фиона и быстро опустила рычаг, останавливая дизель, оповещая собравшихся:

— Печь на грани разрушения, перестарались с дутьём!

Я выдохнул. Хорошо, что есть, кому проконтролировать, обидно так опростоволоситься, если бы печь развалилась.

Подождав десять минут, она скомандовала:

— Сливаем! Первые ковши отдельно.

Дорин с Войцехом сами выбили пробку, пуская в поднятый ковш первый металл.

— Хватит. Остальное в конвертер, — прикрыв глаза, велела бывшая богиня, ежесекундно контролирующая металл.

Тут же подставили большой ковш, в который залили порцию расплавленного металла, а следом, на лебёдках, его подняли и вылили в новую печь, начавшую разгораться вязью рун. Крутнув стартером, завели двигатель, и металл забулькал, разлетаясь брызгами вокруг.

Пять минут, десять. Пятнадцать.

— Руби обороты! — приказала Фиона. — Готовьте формы!

Народ засутился вокруг нескольких керамических форм для нужных им изделий. Бывшая богиня кивнула мне, и я взволновано шагнул вперёд, большими щипцами выдёргивая пробку и давая дорогу текущему металлу.

По пандусу из обожжённой глины он растекался по формам, но основная масса, как немного загустела, тут же рубилась на части и, в виде листов, убиралась остывать, а кое-что пошло прямо на наковальни.

Впрочем, наковальни работали и раньше, первая партия, слитая напрямик из горна — это уже сталь.

— Дальше шлак, — предупредила Фиона, когда в конвертере осталось совсем немного расплава.

Двигатель заглушили, шлак спустили как из горна, так и из нашего псевдоконвертера.

Кузнецы ковали, попутно переговариваясь:

— Я думал, будет хуже. А вроде и пристойный металл. Привозили и более поганую сталь.

— Согласен. В том числе и отсюда, не в обиду мастеру, — согласился Войцех с Густавом.

— Наверняка ещё до меня, — всё же, услышал их гном, бегающий по литейной и заглядывающий в каждую отливку.

На моих глазах, буквально за час, мастера сковали тесак, вроде моего, и даже, судя по всему, сравнимой массы. Закалили, быстро шлифанули, одновременно затачивая, обмотали рукоять жгутом, и Густав подхватил клинок, пару раз взмахнув тяжёлой железкой. Повернувшись ко мне, попросил:

— Проверим?

Я молча вытащил свой тесак и встал в позицию. Он атаковал, я отбил, не сдерживая силу.

Раздался звон, и тесак вылетел из руки кузнеца, чуть не ожег увернувшуюся Эрну. Я глянул на собственное лезвие. Парировал я клинок на клинок, так что глубокая зарубка видна. А вот другому лезвию повезло не так — от него откололся кусок, который тут же нашли, приложили обратно, сравнивая повреждения.

— Твёрдый, но хрупкий. Нормально. Работать можно, — кивнул Войцех. И повернувшись к магам, попросил: — Нам бы быстрее второй вариант стали, с разделением газов.

— Только если вы ещё несколько двигателей сделаете. Или придётся тратить кислоту или порох.

— А как насчёт печей? От них удалось получить ману?

— Выход был. Но почти всё ушло обратно на поддержание прочности самих печей.

Полезный выход будет выше, если они станут крепче без магии, — вместо Эрны, к которой обращался Густав, ответила Фиона.

— Это недёшево, — скривился гном, уже успевший залезть на остывающую печь и проверить состояние кирпича.

— Да уж дешевле выйдет, чем крицу ковать, — фыркнула Эрна.

Гном отмахнулся и уверенно произнёс:

— Завтра мы готовы к новой плавке. Приходите.

Мы пришли, конечно. Как и на следующее утро, и через три дня. А спустя неделю уже не требовалось вмешательства Фионы. Проверять состояние металла и печей приучился один из крестьянских магов, которому открыли источник в Бродно. По прошествии же двух недель работало целых три горна, выдавая чугун.

Пошли отливки изделий из металла бывшего раньше отходом, потихоньку всё усложняющиеся и усложняющиеся. Наковальни, станины для станков. Домашняя утварь. Все эти котлы, казаны и сковородки пользовались большим спросом даже среди местных жителей.

Недолго думая, едва местный рынок насытился, а мы отработали качество, что заняло около месяца, партия чугунной утвари ушла на континент. А за ней ещё одна. Оно, конечно, требуется и нашим крестьянам в других деревнях и сёлах, но, к сожалению, им просто нечем платить. А в казну, кровь из носа, нужны деньги.

Потихоньку осваивали стальное литьё стволов для пушек, пробовали и чугунные. Но зачем, когда стали стало довольно много?

Самое главное, появился первый полноценный станок, на котором сверлили стволы для ручного оружия, поменьше — для барабанов. И да, сейчас у нас капсульные патроны.

А через два месяца, наконец, довели до ума ёмкость, которая могла удержать достаточно кислорода для плавки в нашем новом конвертере. Смотря на то, как стекает из огромной ёмкости, проложенной изнутри огнеупорным кирпичом сталь, мои губы сами раздвинулись в улыбке. Мы сделали это!

Вокруг радовался народ, а я отошёл в сторону и присел на камень, с удовольствием оглядываясь вокруг. Десяток горнов, беспрестанно выдающих чугун, исписанная рунами стальная груша конвертера, наполовину собранный корпус огромной доменной печи. Чуть подальше — также наполовину собранная печь для кокса.

Кокс уже пробовали делать малыми партиями, проводили плавку чугуна. Всем понравилось. Крутил станки новый дизель, намного больше старого. Хотя и не сказать, чтобы особо мощнее. Но главное, там обошлись без Фионы. Грубо, косо, с диким жором масла, но он работает.

А мастера нацелились на бензин, устав слышать от химиков, о том сколько всего полезного уходит в запасники, после перегонки нефти. Они смогут, даже на магии.

И всё чаще я слышал измерения в привычных метрах, сантиметрах литрах. Нет, звучит это, разумеется, по-другому, но суть именно такая. Я нарисовал линейку, разметил сантиметры и миллиметры, размножил и велел всем использовать привычные мне размеры. Точно так же сделал с теплом и весом.

Пока люди путаются, но привыкают. Честно говоря, я ожидал сопротивления, но простую и понятную метрическую систему мастера приняли легко. Особенно когда наштамповали сотни линеек и гирек для веса. Ну а термометры придумали давно, я лишь разметил их по-новому. Десятеричная система счисления, слава всем мёртвым богам, тут

придумана до меня.

Всё двигается потрясающе быстро. Правда уже сейчас наблюдается адская нехватка людей, умеющих хотя бы писать и читать. Я часто заставляю мастеров написать страничку по какой-либо теме. Потом оно всё систематизируется, дополнится теорией и станет новыми учебниками.

Боюсь ли я того, что знания украдут? Да не особо. Благодаря Фионе мы делаем вещи, которые другие страны не смогут ещё долго. Пусть единичные, но у остальных нет и того. Те же резцы для станков, аналогов которых у конкурентов не будет ещё долго, а мы за этот срок успеем наделать с их помощью других станков.

Очень-очень повезло с коксующимся углём, пласт которого шёл наружу в паре километров от поселения. Его не так много среди прочего, но он есть и подлежит добыче, а там будем искать в других местах.

Главное, мы с Фионой дали старт прогрессу. Теперь лишь время и усилия тысяч человек покажут, будет ли из всего нашего труда толк.

— Что печален ты, мой рыцарь? — раздался голос Элеоноры, почтившей визитом городок литейщиков.

После того, как отсюда отправился товар на продажу, она приехала почти сразу. Увидев наши печи, конвертеры, долго ахала. Хотя потом больше ходила возле литейщиков готовой продукции, записывала нормы работы, считала возможные объёмы производства, хищно поглядывая на строящуюся домну. Принцесса как всегда хотела завоевать весь мир. Для начала — экономически.

— Я мыслю о высоком, женщина, — усмехнулся, подвинувшись в сторону, давая место девушке присесть рядом.

— О домне? — с лукавой улыбкой кивнула она на стройку.

— Она будет не самым высоким местом комплекса, если они действительно построят всё так, как планируют.

Видел я эти наброски, да и сам участвовал в их составлении. Мастера хотят всё и сразу. Большую домну, подогрев входящего воздуха для неё, кокс, кислород. Правда и работают без выходных и перерывов ради этого, но аппетиты...

— Не ожидала такого. Столько металла никогда в жизни не видела, сколько тут каждый день делают.

— Это ещё что, если они построят всё, как планируют, то будет намного, намного больше.

— Цены упадут, будет невыгодно продавать, — задумчиво прищурилась Элеонора. — Может, как-то притормозить?

— Да тут одна стройка заберёт непомерно, как и во всём мире не куётся, не переживай. А дальше его потребуется ещё больше. Сковородки и котлы лишь мелочи.

— Деньги не мелочь!

— Кстати о деньгах. Ты общалась с мастерами, видишь, что твориться?

— Да открылись уже учебные классы в Бродно, открылись. Но людей нет и там, самой приходится иногда уроки вести. Образование не будет быстрым делом: пока выучим тех, кто будет преподавать, потом распределим их по деревням и сёлам.

— Люди очень необходимы, Эля, — вздохнул я. И перевёл тему: — Что там слышно о «высших»?

— Готовятся к войне. От них после нашей победы бежит очень много людей. Убивают

благородных и снимаются с места целыми сёлами. Эта одна из причин, почему я приехала. Ты нужен там, Бьёрн. Свен старается, но ему требуется помощь.

Я ещё раз оглядел стройку и скривился. Как бы мне не желал остаться здесь, наблюдая, как растёт промышленная мощь, она права. Я зло оскалился, обнимая Элеонору.

Твари стремятся с нами воевать? Пожалуйста. Да хоть весь мир. Никто не уйдёт обиженным!

Жаль, но, несмотря на то, что Свену требовалась помощь, сразу отправиться на восток не вышло. Пришла новость от осведомителей из местных, что благородные, наконец, собрали силы для попытки отбить рудники. Пришлось собирать две сотни ополченцев, обоз с пушками и выдвигаться навстречу проблемам.

— И как тут драться? — почесал в затылке я, бросая взгляд на узкую дорогу между крутыми склонами.

На той стороне прохода в горной долине скопились силы врага. Есть ещё две тропы между нами, но совсем узкие, по которым пушки не протащить. А вокруг лишь скалы, крутые стены и камни, в любой момент готовые устремиться вниз сокрушительным обвалом. Здесь от уровня моря уже высоко, и люди устают быстрее, что затрудняет переходы.

Я окинул взглядом обоз и поморщился. Зачем тащил трофейные пушки и пулемёт? Бесплезная трата сил! Эти бронзовые монстры практически неприменимы. Только если удастся перетащить их на ту сторону, но... А пулемёт так и вообще — дрянь, оказалось. Запас маны в сложном рунном контуре из двух пушек и самого оружия на тридцать выстрелов, энергия пули значительно меньше, чем у наших винтовок. По итогу, пушечно-пулемётный комплекс можно использовать в бою, но уж очень в узком диапазоне условий. Скорее, просто добивать тех, кто выжил после удара картечью, пока над ним не поработала бывшая богиня, конечно. Сейчас он работает совсем не так. Но, всё равно, оно того не стоит.

Снял со спины рюкзак, отдал Золтану, помахал руками и ногами, разминаясь. Окинул взглядом крутой склон, ведущий на вершину и, сплюнув, полез на гору. Трудно — иногда приходится лезть чисто на силе рук и скверне, как-никак доспехи у меня очень тяжёлые. Впрочем, тут было не так высоко, и через десять минут я уже лежал наверху, осматривая местность и противника.

На самом деле, место для сбора «высшие» выбрали очень хорошо. В основном, горы намного доступнее для обходов, но вот именно тут — бутылочные горлышки, не позволяющие атаковать или застать врасплох. Правда, у них тоже нет возможности встретить нас большими силами.

На той стороне на тропу оказалось нацелено две пушки, а в укрытиях расселись полсотни благородных, два десятка из которых с ружьями. В самой долине я насчитал около пяти сотен бойцов, концентрирующихся у одного из вторичных переходов среди гор.

Удивила степень защиты у некоторых аристократов: сами закованы в массивную броню, а в руках несли щедро окованные металлом щиты. Как я понимаю, это их штурмовики, которые должны обеспечить плацдарм на противоположной стороне, пройдя под огнём.

Однако долго наблюдать не вышло. Раздались выстрелы, и я откатился за камень, спасаясь от свистящих пуль. Поморщился, окинув взглядом вражеских стрелков, засевших на соседнем склоне в сотне метров от меня. Причём, с их стороны склон намного более пологий, позволяющий легко забраться наверх. Да и наши позиции просматривались отлично.

Поняв, что их план с атакой по другой тропе теперь не тайна, благородные подняли щиты и бросились по узкой тропе на чужую сторону. Их, конечно, встретили огнём, но аристократы не просто так тащили на себе столько металла. Они смогли пробежать эти полсотни метров, потеряв всего полдюжины человек на земле.

Оставаться простым наблюдателем дальше не выйдет, и, сплюнув, я рванулся в их сторону. Прыжок. Ещё один. Развернуться в полёте, удариться о скалу и метнуть себя в другую сторону, на соседний, более пологий склон, полетев вниз, хватаясь за камни. Притормозив, собрался и взлетел в высоком прыжке, рухнув на головы штурмовикам благородных.

Свистнул тесак, обезглавливая первого врага, удары локтями, коленями, ногами, раскидывая тела вокруг. Звякнула кираса, принимая на себя пулю. Не пробило, конечно. На груди и спине у меня по пять миллиметров кованой стали. Так же как и на голове, из-за чего новый шлем я предпочитаю надевать только в бою, очень уж тяжёлый.

Сейчас толщина металла выручала. В меня летели стрелы, пули, арбалетные болты. А я двигался, прорубая себе дорогу сквозь “высших”. Удар тесаком, скрежет проламываемого металла, вырвать завязший клинок из месива окровавленной стали.

Тяжело. Раньше такую защиту не встречал. У штурмовиков на передней линии слишком много стали на теле. Накованы дополнительные стальные пластины, некоторые и вовсе одевают поверх кирасы по кольчуге.

Обрушив на одного бойца тесак, поморщился от отдачи в руке. Ублюдок надел на кирасу аж две кольчуги! Это не помешало мне смять его наплечник, превратив ключицу под доспехами в месиво, хотя железо я не проломил. Сосредоточился на ударах по конечностям и если кто-то удачно подставит шею. Правда, таких было не много.

Подхватив тяжёлый щит с одного из трупов, прикрылся от пуль и, воткнув тесак в землю, выхватил револьвер. Выпустив барабан по их стрелкам, подхватил клинок заново, продолжая сосредоточенно рубить. К счастью, подошло больше ополченцев, и меня нормально поддержали огнём.

Враги, поняв, что наступление сорвано, отходили, огрызаясь из ружей. Преследовать я их не стал, отступил к ополченцам. Опустился за большим камнем, привалившись к нему спиной, и попытался отдышаться.

Можно, конечно, сейчас броситься на ту сторону и устроить резню. Но, нет. Хватит решать всё только своими силами, мне не нужно разорванное сердце через месяц.

Отдышавшись, поднялся и неспешно пошёл к пушкам и пулемёту, где приказал десятникам:

— Три десятка человек, из тех, кто половчее и стреляет хорошо, должны забраться вот на ту скалу, оттуда сможете поддерживать огнём основные силы. Как обеспечите господство на высоте, пойдём в атаку.

Бойцы переглянулись и отправились выполнять приказ, обсуждая, как будут забираться на скалу, к которой мы имели лучший доступ, чем аристократы. С их стороны там вообще отвесная стена.

Получилось у воинов нормально. Один парнишка, из местных, сумел сноровисто забраться наверх, закрепил верёвку, а там, благодаря страховке, потихоньку забрались и остальные.

Три десятка человек с винтовками — это сила, что ребята и доказали. В прозрачном горном воздухе они смогли уверенно накрыть позиции вражеских пушкарей, несмотря на три сотни метров дистанции.

А потом бросились в атаку основные силы.

На этот раз я шёл в тылу, иногда постреливая из ружья, охраняя пушки, которые запряжённые в телеги волы потащили на ту сторону.

— Побеждаем, Ваша Милость!

— Рано пока говорить, — проворчал в ответ Золтану, наблюдая, как наши пушкари дают первый залп.

Грохнуло, засветились руны, укрепляя и охлаждая металл, а через секунду раздалась редкие хлопки бывшего пулемёта, за которым расположилась Фиона. Она улучшила систему, и он бьёт совсем по-другому. Более длинный нарезной ствол, вдвое больше рун разгона, и теперь это скорее очень мощная винтовка, хоть и с возможностью стрелять короткими очередями.

Пушкари переключились на ядра, пристреливаясь к вражеским укрытиям.

В очередной раз я пожалел, что с взрывающимися зарядами пока не получается. Алхимики работают, но на всё нужно время. Да и никто не будет делать хорошие снаряды под трофейные пушки. Скоро мы станем изготавливать свои стальные орудия уже со стандартизированными калибрами, под которые и будут централизованно производиться снаряды. Да и не в приоритете сейчас большие стволы, нам бы личным оружием войско обеспечить. При дефиците пороха и хорошем ручном огнестреле оно просто выгоднее.

Тем временем сражение приобрело позиционный характер. Обе стороны попрятались среди камней, и лезть на штурм в простреливаемые области не желали.

— Ваша Милость, мы хотим обойти их вдоль горы, — обратился ко мне с предложением один из десятников, показывая на заваленный камнями после лавины склон.

— Пробуйте, — согласился я. — Но поберегитесь засады.

— Она точно есть. Но у нас больше ружей, прорвёмся!

И прорвались. Да, несколько перестрелок, но с нашей стороны пройти оказалось удобнее, есть позиция на склоне, откуда прикрывали отряд стрелки. И хоть с ранеными и убитыми, но ополченцы вышли ближе к флангу позиций благородных. Даже успели сделать несколько залпов, пока те не отошли, оставляя позади трупы своих.

На этом относительно большое сражение, в принципе, закончилась. Мы преследовали их, они отходили, иногда устраивая засады, на которых мы потеряли ещё дюжину человек. А как тут не потерять, когда за любым камнем может оказаться пещера, откуда в тебя летят стрелы или вылетает несколько опытных рубак с саблями и копьями?

После таких жертв вперёд выдвинулся я. Так что когда из очередного укрытия бросились враги, их встретили выстрелы револьвера, а потом и тесак.

Удар в шею, следом, другому бойцу в руку с оружием, третьему рубануть снизу подмышку, шаг влево, и снести голову кричащему подранку.

Оглядев отрубленные части тел, сплюнул и, подняв щит, пошёл дальше. В меня стреляли, но пробить доспехи и щит не могли. Из-за спины вскрывшихся стрелков отстреливали Фиона и Золтан. И я уже думал, что сюрпризов больше не будет, когда передо мной со скалы рухнула закованная в доспехи фигура, источающая миазмы скверны.

Я равнодушно оглядел неказистые, хотя и массивные, доспехи, но с куда большим вниманием, оружие в руках врага. Сам я, в своё время, не пошёл на то, чтобы делать копьё из металла целиком. Нерационально тяжёлое выходит, всё равно, что ломом драться. Скверной от него тянуло очень сильно. Очередной одноразовый боец, сколько я таких убил?

Вот и сейчас он подлетел ближе, бросая мне в лицо щит, которым прикрывался от наших пуль, и атаковал.

Я сдвинулся, подставляя свой щит под копьё. В плечо отдался удар, раздался скрип металла, и с моей стороны вылезло пять сантиметров стали. Тут же остриё исчезло, и мне

пришлось отпрыгивать назад, спасаясь от укола в колено. Следом, в держащую тесак руку, опять ноги, голова.

Парировав удар в голову тесаком, шагнул ближе, нанося удар щитом. Враг вовремя отскочил, и я был вынужден снова парировать его копье. А благородный взвинтил темп ещё выше, показывая всё, что умеет. Удары следовали один за другим, зачастую, из совсем невозможных положений.

Мой щит потихоньку превращался в труху, а союзники были вынуждены спрятаться: под прикрытием атаки этого самоубийцы противники перегруппировались и завалили нас градом стрел с болтами.

Но моего боя оно не касалось, мы движемся слишком быстро, чтобы можно было прицелиться в глаза или ноги, а всё остальное не пробить.

В очередной раз копье влетело в щит, причём так глубоко, что наконечник ударился в нагрудник. Вывернув щит, я не дал ему вытащить наконечник, а сам, отпустив ручку, шагнул вперёд, ударив ногой.

Попал. Противника вместе с его доспехами снесло на полдюжины метров назад, а по центру кирасы осталась вмятина от сапога. Удивительно, но копье он не выпустил, и в полёте оно со скрипом освободилось из ловушки.

Пошатываясь, пытаюсь вдохнуть, тем не менее, враг встал в стойку, направив на меня наконечник. Он присел, и его силуэт, смазавшись от скорости, устремился ко мне. Очень быстро, практически неразлично. Это так я выгляжу со стороны, когда действую по заранее составленной программе движения?

Аристократ, разминувшись со мной буквально на миллиметр, покатился кубарем по земле, запнувшись о подставленную ногу. Я, всё же, немного лучше умею пользоваться запредельным ускорением.

Шагнув следом, ударом сапога я выбил из его руки копье, а дезориентированный противник лишь и успел, что выхватить саблю, готовясь к моей дальнейшей атаке.

Остановившись, я лениво крутнул в руке тесак и, тяжело вздохнув, произнёс:

— Один раз я тебя уже пощадил, что же жить-то так не хочешь?

— Я должен понять, кто из нас лучше! — между быстрыми вдохами выкрикнул парень.

Я поднял бровь и равнодушно прокомментировал:

— Тоже мне причина. На ровной площадке, копье на копье, без зелий и брони ты победишь. И стоило ради этого принимать скверну, уничтожать свою жизнь?

— Только так меня признают! — сплюнул он, бросаясь на меня.

Я жёстко парировал, и он отлетел назад с обломком клинка в руке. Сабля у него самая обычная — к такому бою не приспособлена.

Он напряжился, выхватывая кинжал, готовя очередной рывок. В этот момент я вбил образ в скверну, транслируя ему, и парень, вместо того, чтобы красиво взлететь на меня в атаке, пропахал носом землю.

Ошеломлённый, сел на землю и обескураженно воскликнул:

— Как?!

— Скверна связывает своих созданий разумами. Принимая её, ты больше до конца не принадлежишь себе. А я намного опытнее тебя в обращении с этой силой. Да и в битве в целом. Ты прекрасно тренирован, очень талантлив. Но, в отличие от тебя, я зарубил несколько тысяч человек и тварей скверны.

Парень поднял на меня сосредоточенный взгляд, что-то обдумывая. А после, придя к

решению, сорвал с головы шлем, встряхнув длинными волосами, встал на колено и, склонив голову, произнёс:

— Я, Аяз, сын Тархана и Златы, прошу взять меня на службу и в ученики.

— Полукровка, да?

Аристократ совершенно не имел монголоидных черт. С учётом имени матери, понятно, почему. Да и не в традиции местной аристократии называть имя женщины, это он так решил меня расположить к себе, видимо. Да и вообще, кажется мне, что парень заранее предполагал такую возможность. Уж очень он вовремя появился, когда остальные силы нам уже не могут помешать.

— Да, учитель.

— Я ещё не давал согласия, — хмыкнул.

— Ему нельзя доверять, Ваша Милость, это может быть подстроено, — влез в наш разговор Золтан.

Я едва заметно усмехнулся, услышав в тоне воина зачатки ревности. Такое вот оно дело — человеческая преданность. Но предложение интересное. Я подошёл ближе и положил аристократу руку на голову. Как там это делала Фиона? Настроиться на скверну, найти связь и отправить набор образов и эмоций. Забота. Хлеб. Злость. Зависть. Копьё. Усреднённый образ богатого пояса благородных.

Удивительно, но получилось. На каждый мой образ пришли ответы. Мать. Злость на отца. Тренировки. Презрение благородных Первые победы. Смерть матери. Тренировки, поединки. Безденежье. Бой со мной. Горечь поражения. Азарт.

Шагнув назад, я продолжал стоять, прикрыв глаза, осмысляя увиденное. Похоже, парень не соврал. Двойного дна там нет, только если его не учили сопротивляться подобным вещам. Но, судя по тому, какой мусор я захватил вместе с нужными образами, не похоже. А в целом, почему нет? Может, оно эгоистично, но мне надоело геройствовать самому.

Так что я пожал плечами и произнёс:

— А кому можно полностью доверять?

Оглянувшись, удостоверился, что бой ушёл достаточно далеко, и тут относительно безопасно, снял шлем и, смахнув пот, кивнул Аязу:

— Хорошо.

Тот вскинул голову и легко вскочил на ноги, воскликнув:

— Я не подведу!

— Не сомневаюсь, — фыркнул я, и, с наслаждением почесав вспотевшую под шлемом голову, поинтересовался: — Ты же понимаешь, что придётся воевать против благородных?

— У меня там больше никого нет. И я никогда не видел от них ничего хорошего, кроме плевков в спину и оскорблений. Так что нет, меня это не беспокоит.

— Не думаю, что там нашлось бы много тех, кто рискнул сказать тебе это в лицо, — я покачал головой, представив подобное, с учётом мастерства парня.

— И поэтому они шептались за спиной, как крысы, — сплюнул Аяз, процитировав: — «Смотрите, у него даже штаны протёртые, не то, что доспех. Наверное, много ползает, как и положено червю».

— И тот, кто это сказал, до сих пор жив? — поднял я бровь.

— Она в Вышгороде жила. Не думаю.

— А-а-а, женщина...

Неудивительно, что ему так запало в память.

Я поднял его копьё, с интересом прокрутив в руках. Оно оказалось легче, чем я думал. Внутри стальная труба, судя по всему, полая, и, глянув на один из разрезов, я усмехнулся: так и есть — внутри дерево. Зря он, на самом деле, ненадёжно. Но, с другой стороны, может ему и хватает подобного?

В его технике минимальное количество рубящих ударов, отсюда немного меньшие нагрузки на древко. Всё же, мой стиль сражений всегда подразумевал и борьбу с тварями скверны, а не одно человекоубийство.

Хмыкнул, смотря, как Аяз снимает с пояса яркий шёлковый пояс, надел шлем и скомандовал:

— Пойдёмте, нужно заканчивать на сегодня.

Беготня по горам затянулась, а ближе к вечеру пришлось штурмовать очередное имение, где благородные решили закрепиться. Но тут уже пошли мы с моим новым учеником.

Да, проблем с убийством благородных он явно не имел. Крошил на фарш только так. У меня на глазах он метнул своё копьё с такой силой, что оно прибило человека к стене прямо сквозь кольчугу.

— Старайся использовать усиление лишь когда это действительно необходимо, — покачал я, выдёргивая копьё и бросая Аязу.

— У меня ещё полно сил, Бьёрн!

— Дело не в силах. Чем больше ты действуешь за пределами человеческих возможностей, тем сильнее изнашиваешь организм.

— Да всё отлично, никогда не чувствовал себя так хорошо!

— Понимаю. Но наша регенерация не способна полноценно лечить, скорее, многократно ускоряет процессы природного заживления. Если у тебя от перегрузки лопнет сердце, скверна тебя не вытянет.

— Хорошо-хорошо.

Я вздохнул, видя, что по-настоящему он не понял. Видимо, нужно подумать, как это донести на примере. Пока же, выхватил револьвер и пристрелил двоих человек в одной из комнат.

Через десяток минут живых в доме не осталось, на чём штурм и закончился. Ополченцы выкинули трупы на улицу, отмыли кровь, да в этом же доме и остановились на ночёвку.

Утром отправились в обратный путь, оставив в захваченном имении полсотни человек, попытаемся удержать и эту территорию. Людей как всегда не хватает, придётся отправить из Бродно сюда хотя бы три сотни воинов. Будут зачищать территории и попутно учиться воевать в горах. Пока мы имеем подавляющее превосходство в количестве и качестве огнестрельного оружия, этим стоит максимально пользоваться, забирая земли.

— Молодец, больше не стараешься всё сделать сам, — негромко похвалила меня Фиона, когда мы верхом, стремя к стремени, медленно двигались к селению литейщиков.

— Мы хоть и значимые, но уже просто песчинки на жерновах истории. Процесс запущен, всё будет идти дальше, и в том случае, если мы с тобой сейчас погибнем под лавиной. Так зачем торопиться?

— Думаешь, твоя принцесса справится? — подняла бровь блондинка.

— Справлялась же, пока мы с тобой прохлаждались на острове, — пожал я плечами. — Да и проиграем войну, прогресс всё равно не остановится.

— Может быть...

— Он был готов начаться и без меня: с того момента, как Торстен из Сандра открыл

преобразование кристаллической маны кислотой. Или ты не знаешь, как драконы сейчас увеличили количество преобразованной маны с их источниками селитры? Просто думаю, что прогресс шёл бы немного по другому пути.

— Но появился Бьёрн, со своей металлургией и порохом, — усмехнулась она.

— Это частности. Вы бы просто производили магострелы, — отмахнулся я.

Пару минут мы ехали молча, слушая, как ругаются позади Золтан с Азаем, они пока не нашли общего языка. А потом я, всё же, попросил:

— Фиона, может, останешься в городе? Жаль тратить твоё драгоценное время и силы на войны. Тут много полезного сделаешь, а там просто будешь ещё одним стрелком, которых и так хватает.

Она окинула меня задумчивым взглядом, посмотрела на парней позади, на появившийся внизу в долине городок. Насколько я понял характер бывшей богини, ей ведь не интересны все эти приключения, путешествия и сражения. Она не авантюрист, а учёный и экспериментатор.

После минуты размышлений, в ней таки победил домосед и исследователь, и она кивнула:

— Я останусь, кто-то же должен обеспечить вас оружием...

— Элеонора обещает отправить сюда больше людей и продуктов. Должно помочь быстрее достроить домну!

— Я её и просила. А учить будем тут, на месте.

— Вот и отлично.

Я облегчённо выдохнул: очень уж глупо подставлять её под пули. Да и развитие производства не остановится. Сейчас такой момент, что если мы всё наладим, это сделает нас намного сильнее возможных врагов.

К тому же, сталь и уголь пошли в Бродно, туда же собираются отправить пару новых дизелей и станков. Основные производства мы будем разворачивать там, ибо много рабочих рук.

А ведь есть планы на нефть, которой с каждым днём нужно всё больше, а добывается она по-прежнему — вёдрами. Хорошо хоть, что на нашей территории. По этому поводу я оставлял указания ещё до того, как уплыл на материк разбираться с Фионой.

Город встретил нас суетой и шумом стройки. А я, отдохнув, утром стоял в литейном возле работающих двигателей и печей, держа в руках позаимствованные от пулемёта ленты, исписанные проводящей силу краской и сейчас прокинутые к машинам. Я впитывал ману. До самого конца, пока тело не затянуло чёрной склерой, и сознание не начало мутиться, задавленное яростью и жаждой крови. Рядом Фиона внимательно отслеживала моё состояние, готовая бросить ошеломление.

Не понадобилось: остатками здравомыслия я потянулся к скверне внутри, а через неё и дальше, к лесу. И отправил предложение-намерение, сам пытаюсь нащупать связи силы.

На секунду лес ответил, проявляя мою связь с ним активнее, а я отправил накопленную силу в общий фон скверны. Через миг, облегчённо выдохнув, чувствуя, как перестаёт давить на разум и стремительно опустошается резерв, превысив скоростью исчерпания приток маны от двигателей.

Фиона махнула рукой рабочим, и в воздушную смесь пошло больше кристаллической маны, усилив поток энергии.

Даже так я стоял ещё почти час, пока от постоянной перекачки таких объёмов маны

меня не замутило. Подавать энергию перестали, и я, обессиленно сев на лавку, приложился к фляге, жадно сделав несколько глотков.

В резерве скверны нет, зато в теле её даже прибавилось, уж очень я много через себя пропустил.

— Значит, от заразы можно избавиться вот так? — воодушевлённо воскликнул стоящий рядом Аяз.

— Теперь лес будет закачивать в него силу, если мы попытаемся удалить то, что осталось, — ответила ему бывшая богиня. — Сейчас она больше не удаляема.

А я, слушая их разговор, приходил в себя. Подняв руку, выпустил немного силы, смотря, как скверна легко, намного быстрее и проще, чем раньше, формирует на руке защитную плёнку.

Кажется, я, всё же, заработал свой левел-ап.

Вдоль дороги тянулись колья, на которых застыли мёртвые люди. Я прошёлся, всматриваясь в лица, искажённые предсмертной мукой. Подобное наблюдаю второй раз с тех пор, как мы с отрядом, высланным на помощь Свену, подошли к «линии фронта».

— Привал. Похороните их.

Новостью приказ не стал, в прошлый раз я велел также. Длинная река пехоты за моей спиной засутилась, расползаясь по окрестному лесу, а из обоза в конце колонны понесли лопаты. Часть стальные — для самых сложных участков грунта.

После запуска большого конвертера можно многое себе позволить по металлу. Жаль, что к штамповке стальных изделий пока только приступаем. Но оно просто вопрос времени, когда достроится домна и выйдут на режим коксовые печи. Да и к тому моменту мастера лучше разберутся с чугунным литьём.

Пока же стальные и деревянные лопаты вгрызлись в грунт, а с кольев ополченцы снимали трупы. Несколько человек оказались ещё живы, и их пришлось освободить от мучений. Вылечить такое нереально.

— Ну как тебе, «благородство»? — сплюнул Золтан, обращаясь к Аязу.

— Дерьмо, — поморщился тот. — Боятся бунтов, вот и лютуют.

— Им оно не очень помогает. Люди понимают, что есть реальный шанс скинуть с плеч «благородную» плесень.

— Да, много крестьян бежит, учитель, — согласился со мной Аяз.

— И теперь мы можем их принять, а не как весной, когда самим есть нечего было...

Золтан прав, урожай в этом году удался. Зерна хватило обеспечить и своих людей, и беженцев. Плюс потянулись корабли с материка, в обмен на нашу чугунную продукцию. Элеонора разрешила вывозить холодное оружие и броню, так что в будущем прибыли должны сильно возрасти.

Однако имеются и свои подводные камни: до сих пор в воздухе подвешен выбор формы собственности крестьян на землю. Раздать во владение? Так потом, когда потребуется проводить большие инфраструктурные проекты, оно вылезет боком. Спорить с каждым крестьянином, по полю которого предстоит пройти железной дороге — такое себе удовольствие.

И осторожные вопросы по этому поводу от крестьян уже звучат, что, дескать, хотелось бы определённости. Сейчас землю обрабатывают в тех границах что привыкли, отдают излишки за изделия городских мануфактур и металлический инвентарь. Налогов как таковых нет. Да и непонятно: брать их зерном? Или вводить налог с продаж? Но как обеспечить его мониторинг в данных условиях, когда даже считать умеет малая часть населения... Хотя, с другой стороны, у них тогда и повод возникнет учиться... Не понятно.

Не знаю, можно просто отдать землю в аренду и брать единственный налог. Но подобная стратегия способна привести к тому, что крестьяне станут брать меньше земли, лишь бы обеспечить прокорм себе и близким. И налоги должен кто-то собирать, желательно, грамотный и знающий специфику в каждой местности. Для чего достаточно грамотных людей, опять-же, не имеется.

Вот хорошо было местным феодалам — всё на своей земле знали. Но с позиции государства спорить с мелким феодалом ещё сложнее, чем с крестьянином.

В общем, решения пока нет. Даже итоговая форма правления государства не определена! Хотя, зная амбиции Элеоноры, вариантов не так уж и много, что тут говорить. Принцесса бредит возрождением единой империи, желательно, в прошлых границах и без изменения династии.

— Выступаем уже завтра? — вывел меня из размышлений вопрос одного из сотников.

— А? Да, конечно, — усаживаясь возле разгорающегося костра, согласился я.

На огне закипала вода, в которую тут же пошло мясо, крупа, специи. Принесли хлеба и мой любимый сладкий морс с мёдом. Да и палатку, а точнее шатёр, поставили тут же, рядом. В быту начальником быть очень хорошо. Вот только, судя по письмам Свена, халява скоро закончится.

Благородные больше не ведут правильную войну. Двух поражений им хватило. Теперь, они просто устраивают рейды на наши земли отрядами в несколько сотен всадников. Поубивать крестьян или, хотя бы, сжечь поля. Даже сейчас вокруг ночной стоянки немало воинов стоят в охране.

Так получилось, что все силы, которые привёл Свен, растворились в деревнях, пытаюсь их прикрыть от постоянных набегов. А из этих населённых пунктов в сторону наших земель постоянно идёт поток беженцев. Когда твари перехватывают крестьянские обозы, получаются вот такие украшения обочин. И воспрепятствовать этому нереально — обойти тропами занятые ополченцами поселения не так сложно.

По тому же сценарию работают и наши войска, действующие на их стороне. Только убивают они благородных, а не всех, кого видят. Война засад и внезапных ударов, а до столицы ещё много сотен километров.

Размениваться на такую войну и тянуть время? Или, может, сразу пойти на столицу? Далеко. Войско туда будет месяц добираться, причём, без снабжения по вражеской земле. Не вариант.

Я механически работал ложкой, уставившись в огонь. Как ни смотри, но придётся и дальше планомерно продвигаться, захватывая деревни и размещая гарнизоны, в попытке отодвинуть условную линию фронта дальше.

— Ваша милость, пришёл сигнал тревоги! — один из сотников показал горящий красным браслет артефакта на руке.

— Отправляйтесь.

Сотник кивнул, подтверждая команду, и побежал в конец обоза, там, где у нас шли лошади. Как раз на такой случай.

— Не поскачем? — поинтересовался тренирующийся рядом с костром Аяз.

— Нет. Успеем ещё навоеваться.

Ночь прошла без происшествий, и войска выдвинулись в дорогу к полудню следующего дня, вечером зайдя в большое село, где стояла сотня наших воинов. Спрыгнув с коня, накинул вожжи на коновязь и протянул ладонь для рукопожатия.

— Слава всем мёртвым богам! Мы заждались! — облегчённо выдохнул Свен, пожимая мне руку.

— Сложно тут?

— Не то слово! Воины ежедневно в дозорах или засадах. Потери, усталость. Дальше наступать не можем — не хватает людей.

— Я привёл три тысячи ополченцев. Большая часть — новобранцы, почти ничего не умеют. Будем доучивать уже тут.

— Много ли среди них с винтовками?

На что я усмехнулся и с гордостью ответил:

— Тысяча человек. Оружия с каждым днём будет всё больше, мы наладили выплавку стали.

— А порох? — нахмурился северянин, окидывая взглядом пополнение, где действительно мелькало очень много стволов.

— Только он нас и ограничивает, — согласился я.

Впрочем, становится лучше, Элеонора организовала сбор селитры. За деньги крестьяне сами перерывают свои нужники и скотные дворы. Правда, это мои личные деньги, но что уж теперь? Порох очень нужен. Собирают удивительно много, счёт пошёл на сотни килограмм. Но и траты огромны. Мало того, что война, так и учить стрелков приходится.

Дальнейшее наше общение плавно переросло в описание текущей обстановки. Довольно сложной, как он и сказал. Сейчас фронтом выступала область в сотню километров, на которой располагалось несколько десятков сёл и деревень. В части из них практически не осталось жителей, кроме наших отрядов. Туда требовалось подвозить продовольствие, постоянно рискуя нарваться на засаду аристократов. Плюс десяток временных укреплений на дорогах и перекрёстках, откуда ходят разведчики, пытаюсь отслеживать отряды врага.

Связь организована артефактами, как раз через сеть опорников, для чего их приходится размещать не далее, чем в пяти километрах друг от друга. Артефакты немного усложнили, теперь там более сложная система, когда цвета обозначают ещё и через сколько именно опорных пунктов появилась проблема. И даже уровень опасности обстановки.

Уже от этой деревни все силы, что я привёл, рассредоточатся по всей линии противостояния, оставив тысячу воинов на то, чтобы продвинуть нашу область контроля немного дальше.

Я переписал новые коды артефактов, которых у Свена оказалась целая связка, да мы обсудили возможности нашего производства оружия. А утром войска выдвинулись в сторону занятых противником населённых пунктов.

Шли прямо по дороге, оцетинившись во все стороны многочисленными стволами и выслав разведку. Им скучать не приходилось, регулярно раздавались выстрелы, свидетельствуя о том, что наш отряд замечен и сопровождается врагами по лесу. Но нападать на шесть сотен вооружённых бойцов, из которых половина с огнестрелом, аристократы не решались.

К сожалению, та деревня, что я выбрал нашей целью, нам не досталась. Когда подходили к цели, разведка встретила прячущихся по лесам полсотни человек, спасшихся от благородных, а само селение всюду полыхало.

Потерев заслезившиеся от принесённого ветром дыма глаза, присел на поваленное дерево и достал карту. Совсем новая, с пометками уже в километрах. Отметив крестиком полыхающую деревню, задумался. Вокруг достаточно много населённых пунктов, но они все небольшие. Есть крупный посёлок в десяти километрах впереди на схождении дорог и берегу озера. Но вот взять его сложно: как говорил Свен, там подняли хороший частокол, настроили башенок и нарыли ям с ловушками.

Именно поэтому моей целью являлась горящая деревня. Но раз уж они так...

Я скомандовал войску выдвигаться, а сам постарался унять злобу. Чем дальше продвигаемся и чем больше успехов у ополчения, тем всё более жестокими по отношению к крестьянам становятся благородные.

Это очень глупо с их стороны. Им бы сейчас обещать крестьянам золотые горы, спешно организовывать ополчение из их рядов. Но нет, они просто отступают, оставляя за собой пепелища и трупы.

Тупые твари.

Ненавижу!

Злость бурлила, заставляя отзываться скверну. И сдерживать её не собираюсь.

— Собирайся, — велел я Аязу. — Мы ударим первыми.

Сам спрыгнул с лошади и принялся навьючивать на себя снаряжение. Револьвер, винтовка, запас патронов. Фляга со сладким морсом, тесак. Снял со второго коня свой новый щит — натуральная стальная, кованная плита. Тяжёлый, зараза. Но пробивать его — лишь из пушки. Закинул щит за спину, попрыгал, удостоверился, что сотники получили нужные приказы, и бросился вперёд, сопровождаемый копейщиком.

Он уверенно держался рядом, и я прикрыл глаза, сосредотачиваясь на скверне. Максимально расслабил мышцы, полностью превращая тело в марионетку силы. Разница только в том, что управлял я сам.

Чужеродная энергия, пропитавшая каждую клеточку, гасила отдачу от движений, отправляя меня в новый прыжок. Раньше я так не мог, скверна не подчинялась настолько легко.

Я практически летел над дорогой, очень быстро оставив спутника далеко позади. Одно могу сказать точно: так быстро я не бегал ещё никогда.

Пробежав несколько минут, снизил скорость, причём набранная инерция оказалась так велика, что остановился далеко не сразу. После чего расслабленно облокотился на дерево, ожидая сильно отставшего Аяза, попутно проверяя организм и снаряжение. Нормально, хотя траты скверны в таком режиме велики. Но какая разница? Всё, что потрачу — восполню с прибылью. Можно сказать, такой вот у меня теперь договор со скверной.

Через минуту показался тяжело дышащий ученик. Пропахав пятками грунт при торможении, он остановился рядом со мной.

— Отдыхай, сейчас атакуем, — кивнул я на частокол поселения вдалеке. — И да, обуйся!

Парень кивнул и, усевшись на пенёк, стал наматывать портянки на голые ноги. Я сумел защитить обувь при беге, но ему до такого ещё очень далеко. Подождав, пока он передохнёт и обуется, приказал:

— Наша задача — не дать поджечь дома и увести или убить крестьян. Старайся держать себя в руках.

Он хмуро кивнул, крепко сжимая в руках своё копьё. Парень не боялся, несмотря на то, что в деревне нас точно ждёт весьма ожесточённый бой. Щита у него нет, но хорошо хоть доспехи сделали новые, по прочности и тяжести не уступающие моим.

— Нападаем!

Я сорвался с места, за несколько секунд добежав до укреплений, и взмыл в небо перед частоколом. Извернулся в воздухе и рухнул на стоящего возле коновязи благородного, растирая тело в кашу под ногами. Прикрылся щитом и открыл огонь из револьвера. Быстрая перезарядка, и ещё шесть выстрелов. Тесак в руку и вперёд по главной улице, разрубая всех встречных на куски.

Прыжок на крышу, с неё на другую. И вот впереди высокий терем местного главного благородного, вокруг которого столпилось полсотни врагов. Спрыгнул в толпу, и тесак

прошёлся вокруг, разваливая на куски два тела, а я двигался дальше, убивая ещё десяток. Стрелки пришли в себя, и я сжался за дрогнувшим щитом, пережидая залп из ружей.

Упереться ногами в стену и выдать импульс, влетая в строй стрелков, устраивая мясорубку. Раздался выстрел в упор, а от затянутой тьмой кирасы отлетела смявшаяся пуля. Убить выстрелившего врага и сдвинуться в сторону. Из окон полетели стрелы, болты и пули. Но меня там уже не было, я побежал на другую сторону поселения.

Моя задача не зачистка зданий — а не дать свершиться уничтожению деревни. Так что, оставив попрятавшихся по домам врагов, занялся благородными у ворот, сейчас сортирующим население на годных к походу. Рядом мелькнул Аяз, метнувший копьё в одного из противников и выхвативший свой клинок.

Оно и правильно, копьё для подобного боя не годится, не дуэль, всё же. Вдвоем мы за несколько минут порубили всех благородных у ворот и разошлись в разные концы деревни, загоня «высших» в дома. Местные жители бросились из селения, спасаясь от пуль и стрел, летящих в нас из окон.

Окинув взглядом разбегающихся врагов, разбежался и влетел в окно первого этажа самого высокого здания. Несколько взмахов тесаком, лестница на второй этаж, пара трупов по пути, третий этаж, удар кулаком, проламывая закрытую крышку на мансарду. Тут пришлось прикрыться щитом, спасаясь от пуль, а следом я метнулся по комнате, вырезая десяток стрелков, засевших на такой выгодной позиции.

Завалив трупами лестницу, поставил на окно щит, и снял со спины винтовку, делая первый выстрел. Удобно, из окон простреливается немалая часть деревни. Я спокойно целился и стрелял, эпизодически перебегая на вторую сторону дома к окну.

Так прошло несколько минут, пока на соседнюю крышу не запрыгнул Аяз и, примерившись, длинным прыжком вломился в окно моей мансарды.

— Повезло, что тебя видел, мог встретить пульей, — проворчал, бросая косой взгляд на рухнувшего на пол бойца.

— Хоть! Немного! Передохну! — пытаюсь отдышаться, прохрипел напарник и зашарил на поясе в поисках фляги. Я пожал плечами, сам перебегая к другому окну. Увидев, что он напарник достаточно оклемался, кинул ему свой щит и велел:

— Пройдись по тем областям, что я отсюда не вижу.

Выругавшись, он с трудом поймал тяжеленую железку с отметинами от пуль на ней, но спорить не стал, выпрыгнув из окна.

Стало легче, и в поселении наступила тишина, иногда прерываемая лишь выстрелами и криками раненых.

Спустя десяток минут на лошадях прибыл передовой отряд ополченцев, и началась вдумчивая зачистка каждого двора. Сегодня я оставил бои на самозваного ученика, сам обезопасив лишь дом, из которого вёл огонь. А потом подошли и основные силы, окружая деревню.

Вечером в селении не осталось ни одной живой твари, а ополченцы и выжившие деревенские отмывали стены и полы от крови и выносили трупы за околицу. Завтра начнут рыть общую могилу. Деревня Озёрная отныне становится нашей временной базой.

Пара дней отдыха, и следом войско стало делать то, зачем сюда пришло: леса шерстили отряды разведчиков, захватывались ближайšie сёла, создавались охраняемые караваны беженцев, уходящие на более спокойные земли.

Многие крестьяне оставались: далеко идти страшно, особенно когда у тебя семья, а

выловить все отряды благородных по лесам сложно. А тут вроде как под защитой солдат, да и урожай собран, главное зиму переждать, а там, глядишь, и уходить никуда не надо, да и может получится подрезать землю умерших или ушедших соседей.

Часть тех, кому уже нечего терять, вступали в ополчение, увеличивая нашу численность. Так что через месяц, когда подошёл свежий набор ополчения, мы покинули Озёрную и сдвинули основной штаб ещё на сотню километров восточнее.

Благородные сопротивлялись, старясь изматывать наши силы засадами, но всё равно сдавали поселения одно за другим — у нас слишком много винтовок. А там, со сдвигом всего фронта, им становилось всё сложнее партизанить, когда местное население не на твоей стороне. Да и холодная в нынешнем году зима не способствует шастанью по лесам.

К весне, когда опять появится растительность, планирую отодвинуть фронт намного дальше. Нужно в полной мере пользоваться преимуществами зимы и отбить как можно больше населённых пунктов.

Я как раз разбираю донесения разведчиков и письма из города, когда из очередного рейда вернулся Аяз.

— Смотри, что с трупа сняли!

С этими словами он положил на стол предо мной незнакомую модель винтовки. Тоже револьверную, но выглядящую довольно коряво относительно наших. Рядом с ней он высыпал на стол горсть патронов.

Пули явно калибром крупнее, чем у нас принято. Взяв один патрон, осторожно расшатал и вытащил из гильзы пулю, высыпав порох на лист предо мной. На донце пули виднелась капелька проводящей ману краски, и порох оказался, всё же, не наш. Хоть это радует.

— Много таких видели?

— Пока лишь эту. Бьёт сильно, но щит держит.

— Не было печали...

Я откинулся на спинку кресла, крутя в пальцах пулю, и задумался: неприятно, а с другой стороны, что оно меняет? Промышленную гонку они проигрывают, под нашим контролем сейчас большая часть острова и основные рудники. Мы производим столько стали, сколько аристократам и не снилось.

И их наивная попытка отступить в горы терпит крах. Да, нам оно стоит дорого. В горах воюет свыше семи тысяч наших воинов. «Высшие» постоянно пытаются туда отступить, но получают по зубам. Допросы редких пленных говорят о падении боевого духа аристократов. Как же, они так рассчитывали на то, что отойдут в горы. А в действительности оттуда приходится бежать на континент или готовить столицу к обороне. Кому что ближе и проще, но большинство бежит на континент, не рассчитывая, что столица устоит.

Город брать окажется очень тяжело: туда отступает часть благородных со всего острова, свозят зерно и запасы. А обычные горожане из города бегут, для них в нём нет места. Любой аристократ, которому приглянулась ветхая избушка в самом плохом районе города, без разговора зарежет его обитателя, чтобы разместить там свою семью.

Но при этом население столицы прибывает невиданными темпами. Благородных на островах сотни тысяч. И сейчас те, кто не уплывает, стремится в один-единственный город. Боюсь, взять его мы не сможем — столицу требуется сравнять с землёй.

Против нас выступит минимум тридцать тысяч человек, способных держать меч в руках. А если арбалет или винтовку, то и намного больше. Нет, они, конечно, могут собрать силы и

попробовать дать нам бой в поле. С учётом их концентрации в одном месте, вопрос мобилизации сильно упростился. Вот только они проиграют, сила уже не на их стороне.

Встряхнувшись, я поднял взгляд от стола на Аяза. Пока я размышлял, самозванный ученик уснул, откинувшись на спинку кресла, начиная похрапывать.

— Иди отдыхай! — громко приказал, с усмешкой смотря, как вскинулся со сна парень.

В его глазах зажглось понимание, а потом он стремительно покраснел. А так как Аяз парень довольно лопоухий, я впервые получил возможность увидеть сакраментальное «покраснел до ушей».

— Извините, — не зная, куда деть взгляд, пробормотал юноша, вскакивая с кресла.

— Завтра вечером тренировка, не забудь, — посмеиваясь, отмахнулся я.

— Да, конечно!

Развернувшись, так и продолжая сгорать от стыда, он бросился из моего кабинета. А я с улыбкой выпил морсу и бросил взгляд на бумаги на столе, где лежало письмо от Фионы. Богиня писала, что они запустили домну и построили ещё один конвертер. Просила по возможности заехать, есть некоторые интересные эксперименты, возможно, у меня получится что то «придумать». Так она завуалированно написала, что требуются мои попытки что-то вспомнить. Но это не сегодня и не завтра. Сначала нужно осадить столицу, а там время появится.

Её письмо вдохнуло в меня оптимизм. Да, благородные обучены, мотивированны и превосходят нас числом. Но...

Я усмехнулся, вспомнив слова одной песни. В конце концов: «Против самых метких стрел, всё решает огнестрел», верно?

Белые стены столицы возвышались на десяток метров, а под ними тянулся ров, лишая возможности поставить лестницу или подкатить башню. Воды рва питались напрямик от моря, которое в прилив наполняло его водой. Башни на стенах, ошетинившиеся пушками и ружейными стволами, готовы встретить любую попытку штурма во всеоружии.

— Нет, Бьёрн, штурмом мы его не возьмём. Даже если ты откроешь ворота, нас там встретят.

— Угу, — уныло согласился со Свеном, вместе со мной осматривающим стены города.

За спиной осталось несколько месяцев ползучей, медленной войны. На деревьях распустились первые, маленькие ещё листья, а мы, наконец, достигли столицы. Свен вёл войска с северо-запада, отсекая горы, а я с юго-запада, захватывая всё остальное. И вот мы встретились под столицей.

Я почесал в затылке, ещё раз оглядел стены и кивнул своим мыслям:

— Значит, штурмовать и не будем. Сравняем с землёй пушками.

— Пороха не хватит, — покачал головой северянин.

— Придумаем что-то другое, — я равнодушно отмахнулся.

Имея за плечами весь остров, которому больше не грозили постоянные набеги, и выросшую промышленную мощь, могу больше не сомневаться в исходе войны. Неделю назад привезли первую пушку, стальной ствол которой изготовили сверлением. Теперь подобного оружия у меня появится много. Домна и конвертеры позволяют.

Но сровнять с землёй такие стены не выйдет: нет у нас столько пороха, нужны заменители. Я потёр переносицу, прикидывая варианты и наблюдая, как вокруг возводят насыпные укрепления. Что у нас является аналогом пороха? Особая мощность тут не нужна, требуется большое количество выпущенных снарядов.

Бензин? Ну, как вариант, но зачем, собственно, что-то городить? Старая добрая пневматика: просто, надёжно, удобно. Даже основную часть снаряда можно из дерева делать, а наполнять бензином и керосином. А если спрашивать наших химиков, то и загуститель какой придумают.

Да и одни ли вариации огнесмеси? Помню я кое-что интересное, вычитанное в местных книгах по алхимии... Прищурившись, окинул взглядом город и негромко попросил Свена:

— Ты обеспечь осаду, а мне стоит съездить к Фионе, подготовить кое-что из оружия. Главное, не штурмуй город, не губи людей.

— Ты придумал ещё что-то достаточно убойное? — оскалился северянин. — И да, я только рад не штурмовать — главное, чтобы они на вылазки не ходили.

— У тебя тут так много стволов, что для них это дорога в один конец.

— Кто знает, что они смогут придумать, — пожал плечами бывший охотник.

— Ничего такого, с чем не смогут справиться две тысячи винтовок.

На этом мы распрощались, и я с отрядом охраны выдвинулся в Бродно. Сейчас на дорогах почти безопасно, жаль лишь то, что до города мне почти семьсот километров. Систему перекладных благородные так и не создали. Оно не особо сложно, но слишком высока децентрализация управления. Не существовало достаточно сильной и обеспеченной деньгами системы, чтобы содержать сеть конюшен.

Первый день я сосредоточенно отбивал задницу о седло, переночевали в селе, а ближе к

полудню следующих суток плюнул и велел охране:

— Возвращайтесь обратно, не хочу время терять!

— И даже я? — поинтересовался Аяз.

— По поводу тебя... Подойди.

Я снял латную перчатку, настраиваясь на скверну, и когда он выполнил приказ, положил ему руку на плечо. Выдохнув, потянул заразу из его тела.

Немного сопротивления, но, в итоге, его защита рухнула, и я вытянул почти весь его резерв.

Он постоял с закрытыми глазами, отступил и тихо произнёс:

— Легко-то как стало.

— Доставите мои вещи в лагерь, — рыкнул я, снимая латы.

Оставил на себе штаны, рубаху, кошелёк, флягу, револьвер и тесак, который разместил на спине, чтобы не мешался на бегу. Затянутое тьмой тело дрожало от поглощённой силы, туманящей разум и стремящейся высвободиться действием.

Не став сдерживаться, выстрелил собой с места, сразу набирая огромную скорость. Мои пробежки уже совсем не то, что раньше. Скверна поддерживает каждую клеточку тела, укрепляя многократно связки и мышцы. Да и не первично мясо больше в моём движении.

Как же жаль, что не умел так раньше и калечил организм каждым подобным забегом. С другой стороны, тогда я бы и не пережил выжигание скверны из тела. И не было бы у меня будущего наследника или наследницы.

Босые ноги вгрызались в грязь дороги, и я взмыл в воздух, пропуская под собой несколько телег с сопровождением. По краю сознания пробежала мысль, что больше так делать не следует, могут с перепугу открыть огонь. Это сейчас я вылетел из-за поворота, как пуля, они просто ничего не успели понять.

Я пробежался ещё десяток минут и, сбросив скорость, пошёл пешком. Передохнув, выпил воды и опять сорвался на бег. Разогнался так, что уже к вечеру подходил к Озёрной, собираясь отдохнуть. Хорошо хоть стражники на воротах меня узнали, так что проблем не возникло, и я спокойно остановился в той же комнате, где провёл больше месяца.

Утром, хорошо поев и выспавшись, побежал дальше, не замечая отдельные километры. А к закату солнца уже аккуратно обнимал Элеонору, стараясь не тревожить далеко не маленький живот.

— Маги говорят — будет двойня! — счастливо улыбнулась принцесса, отпуская меня и осторожно опускаясь в своё обложенное подушками кресло. После, с прищуром поинтересовалась: — Зачем ты тут так неожиданно?

— Я вообще в горы собирался, но не мог не заскочить тебя проведать, — уселся я за стол напротив. — Мы осадили столицу, нам нужно новое оружие, иначе мы город не возьмём.

— А зачем брать? — нахмурилась она. — Не проще осадить и уморить голодом? В Вышгороде почти готовы корабли с пушками, они смогут заблокировать морскую торговлю и рыбную ловлю.

Я задумчиво опёрся подбородком на кулак, смотря в окно. Так-то она права, но если они реально начнут голодать, то благородные могут и на штурм пойти. Мы можем и не удержаться, ведь под стенами у меня всего пять тысяч человек. Остальные по-прежнему рассредоточены по всей стране, а в горах до сих пор продолжается война.

Со временем высвободится больше сил, изготовят больше оружия. Но в данный момент

только так. По-хорошему, аристократам стоило бы пытаться отбиться, но пока они не доведены до отчаяния, чтобы идти в самоубийственную атаку с огромными жертвами. Да и перебьют они наши силы под стенами, а дальше что?

Конечно, наберут трофеев, в том числе и наших винтовок. Но ружьё — не меч, к нему патроны нужны. Поддержки среди населения у них нет никакой, будут прогрызаться через каждое село и гибнуть в засадах. А там я соберу ещё сил, и мы опять не загоним их в город. Тот же результат, что и сейчас, просто они потеряют несколько десятков тысяч воинов. Именно это и высказал внимательно слушающей меня принцессе.

— Тогда зачем они заперлись в столице? Не лучше бежать на континент?

— Все, кто мог, и бежит, но кораблей не хватает. Да и кто их там ждёт? Ты не хуже меня знаешь, что отношение к островным «благородным» не очень хорошее. Только если бежать обратно на второй континент, привыкать к жизни в степях исторической родины, — хмыкнул я.

— У них нет возможности уплыть так далеко. Перевезти десятки тысяч человек — не пиратствовать на ближайших торговых путях. Я читала донесения, островитяне уже в ближайших портах главенствуют. Их там слишком много, и корабли постоянно привозят новых.

— Но, если мы начнём и эти корабли топить, то шансов совсем не останется, кроме как идти в последний бой, чтобы умереть со славой, забрав с собой как можно больше врагов. Пусть вывозят женщин и детей на континент. За время осады вывезут ещё несколько тысяч человек, мы не будем сильно препятствовать.

— Они обязательно попробуют вернуться. Рано или поздно, подкопив сил. Эти твари не забудут и не простят, — вздохнула девушка, положив ладошки на живот. Поёрзала, устраиваясь удобнее, и добавила: — Чем больше их умрёт сейчас, тем проще будет потом нашим детям.

Я потёр переносицу, прикидывая, как оно способно повернуться, и хмыкнул:

— Эля, как думаешь, что в первую очередь станут делать «высшие» на континенте, обладая огнестрельным оружием и огромной армией, вкусившей горечи поражения?

— Начнут отбирать себе земли, конечно, — улыбнулась девушка, поняв, к чему я клоню. — И в первое время вполне успешно.

— Только континентальные королевства обладают немаленькими ресурсами. И наделать пушек смогут не меньше. Не удивлюсь, если там алхимики уже подбирают свой состав пороха и пытаются лить пушки.

Они нахмурилась, намотав локон волос на палец, и с некоторой тревогой спросила:

— А ведь королевства континента могут и нам потом проблем доставить.

— Могут. И более того, я никогда не спрашивал, но, всё же: кто и зачем убил твоего отца?

— Я не знаю, Бьёрн. Оно выгодно большей части континента. Каждый правящий род любого королевства знает, что противник всегда может выставить принца или принцессу нашей семьи и будет иметь права на престол. И даже не точно, что это Аллария. Я много думала: не факт, что тот отряд гвардии был послан, чтобы меня добить. Хотя могли и наши убрать, наконец, из системы постоянный фактор неопределённости.

— И как они отреагируют на то, что ты обосновалась здесь?

— Наплевать. Пусть приходят, твари! Всех уничтожим! Кровью умоются!

Каждое слово, наполненное искренней ненавистью, она прошипела, вцепившись в

ручки кресла и покраснев от злости. Принцесса ничего не забыла. Ей ведь лишь дай повод, и она вернётся на материк. И конечно не одна, а с армией, которая сейчас выковывается в боях. Я вздохнул и поинтересовался:

— Что с землёй делать будешь, мстительница ты моя?

— Что? С землёй? — недоумённо переспросила девушка.

— Да, с той, на которой живут крестьяне, что нас с тобой кормят. Ну, знаешь, такая штука, как простой народ, который хочет спокойно жить, растить детей, желательно без войн и катаклизмов?

Она фыркнула, откинулась на спинку, повозилась, поморщилась и положила ноги на стоящую рядом поставку, расслабленно выдохнув:

— Аренда у страны?

— Значит всё-таки не собственность? — поднял я бровь.

— Если ты уверен, что нам действительно понадобится так много территорий под всякие производственные вещи...

— Понадобится.

— Тогда аренда. По крайней мере, на ближайшие полсотни лет. Да и подати так собирать проще. Главное — не стать, как старая империя...

В этом она права, тогда в стране существовало много разных налогов, особенно перед катастрофой. И как я читал, оно было одной из причин, почему всё рассыпалось. Люди радостно рушили централизацию власти, расползаясь на баронства и королевства. Содержать одного феодала оказалось проще и понятней, чем платить сотни налогов.

— Неизбежно станем, — хмыкнул я. — Но, надеюсь, превращение займёт сотни лет.

— Как и там заняло, — согласилась она и перевела тему: — Но так что, ты останешься хотя бы на пару дней или сразу побежишь дальше?

— Останусь, конечно, — улыбнулся я. — Мы ещё даже не обсуждали, как назовём наших детей!

Обещание я выполнил: три дня отдыхал, осматривал город, поля, кузницы. Хотя какие, к чёрту, кузницы? Скорее, полноценные цеха, где изготавливают всё, кроме пушек. У них тут даже есть печь для переплавки. Небольшой прокатный стан, где тяжёлые чугунные валики формируют листы и бруски металла.

Очень много сделано за те месяцы, что я воевал. Я прошёлся по цеху, где делают винтовки, заглянул на патронное производство. Трудятся сотни людей, организовав вполне себе натуральный конвейер.

Рядом строятся ещё цеха, ждущие своего оборудования. На моих глазах завод выдавал по несколько готовых винтовок в час. И то, во многом от недостатка станков запчастей. Через полгода будет намного больше.

И ведь это уже обычные капсульные патроны. Магия тут используется при проверке готовых изделий и, к моему удивлению, при штамповке гильз для патронов. Причём делают их из стали. Так как она твёрдая, используется сочетание рун, ослабляющее молекулярные связи вещества. Обычно, такое делают на оружии, если нужно пробить преграду. А тут вот приспособили для штамповки.

Порох, правда, производят за городом. Да, мой старый состав доработали, теперь он не настолько опасный и лучше хранится. Но оно не значит, что пороховое производство безопасное. Не говоря о капсулях, где ещё хуже.

Через год начнут собирать селитру с заложенных раньше “вонючих полей”, что покроет

наши траты, но, опять же, не даст возможности перейти к массовой артиллерии или автоматическому оружию.

Технические возможности позволят изготовить какой-нибудь вариант того же автомата, из тех, что проще. К тому же, размер армии таков, что огромных мощностей для изготовления оружия не нужно. А вот химическое производство содержать армию, вооружённую подобным образом, не сможет.

Я неплохо отдохнул, просмотрел несколько книг по алхимии в созданной в городе библиотеке, переписав оттуда заинтересовавшие части. Но всё хорошее заканчивается, и я опять стоял на берегу, накачивая тело энергией и разминаясь. А спустя пять минут нёсся по глади реки, оставляя за собой шлейф брызг.

Несколько остановок, отдых, небольшой перекус из собранного в дорогу. И к вечеру запрыгнул на пирс в посёлке литейщиков, удивлённо остановившись, смотря на собранную из металлических конструкций надпись на холме, гласившую: «Добро пожаловать в Железногорск»!

От названия города так потянуло чем-то родным, что я не мог не вздохнуть с ностальгией. Значит, они, всё же, переименовали посёлок, раньше носивший имя одного из основателей семьи, владевшей этими землями. «Высших» пустили в расход, а название такому городу всё равно нужно.

Но, блин, так прямо запахло духом первых пятилеток... Интересно, есть где-нибудь плакаты: «Больше угля стране!» или их нужно изобразить самому? Ну а что, у меня рисовать немного получается...

Усмехнувшись, посвистывая: «не кочегары мы не плотники», с удовольствием прошёлся по улице, оглядываясь по сторонам. Вокруг строились жилые дома, причём, несколько из них будет в три этажа, если не выше. Пока не понятно, три этажа — то, что построили, а сколько там будет по итогу, нужно спрашивать.

Кажется, Фионе не дают покоя картины, увиденные у меня в воспоминаниях. Кто-то точно решил догнать и перегнать мир, в котором варвары не знают, что такое магия.

Я не стал заходить домой, уверенный, что блондинка наверняка до сих пор в литейной. Уж очень уверенно коптели воздух трубы возведённых вокруг домны цехов. Единственное, что меня заинтересовало, это строение по дороге, над входом которого написали белой краской: «Учимся летать». Так как я узнал почерк бывшей богини, то не постеснялся зайти.

— Образец крыла номер девять показывает достаточно интересную систему воздушных потоков.

Молодой парень с беспорядочной копной тёмных волос вещал, активно строча свинцовым карандашом на бумаге, прервавшись, чтобы крикнуть:

— Златка, что на рунах?

— Давление воздуха сверху намного ниже! Отпускаю образец? — задорно воскликнула такая же растрёпанная рыжая девчушка, не сильно его старше.

— Давай!

На моих глазах подвешенный в трубе из досок, с небольшим стеклянным окошком сбоку, кусок деревяшки стал подниматься вверх под напором потока воздуха, создаваемого мощным вентилятором.

Парень подскочил, забежал со стороны выхода воздуха и, не обращая внимания на мощный поток ветра, протянул руку, явно собираясь проверить, насколько велика подъёмная сила, так сказать, тактильно.

— А ну стоять! Вернулся обратно! — крикнул я. — Ты куда лезешь, пацан? Без башки остаться хочешь?

— Да оно привязано, — крикнул тот, всё же, положив ладонь и прижав крыло сверху. — Златка, нужно вешать гирьки, так непонятно!

Его подруга понятливо кивнула и, зайдя ему за спину, стала подавать небольшие веса, которые он закреплял на крючки снизу крыла.

— На сто грамм больше, чем прошлый образец! — счастливо крикнул парень, едва крыло пошло вниз.

Тут же выскочил из трубы и стал быстро записывать в блокнот.

— Я рассчитывала сделать тебе сюрприз, — раздался позади меня голос Фионы.

— Сразу пригнать звено бомбардировщиков с фугасными авиабомбами? — усмехнувшись, повернулся к бывшей богине, краем глаза смотря на взвизгнувшую от радости рыжую девчушку и счастливого юного экспериментатора.

— Кто знает, — хитро улыбнулась она. — Что привело тебя к нам со стези войны и крови?

— Оружие нужно, — пожал я плечами и кивнул на детей, которые уже потушили двигатель вентилятора и подвешивали новый образец крыла на верёвки. — Ты бы приставила к ним кого-нибудь? А то если в голову отлетит? Жалко детей.

— Не отлетит — не научатся себя беречь. Да и поток воздуха не настолько большой, не убьёт.

— Техника безопасности не для вас... — поморщившись, протянул я, поинтересовавшись: — С тяжёлыми станками у вас так же, небось?

— Лучше. Там достаточно народу покалечило, теперь берегутся. А до этого ничего не помогало, пока не увидели последствия своими глазами.

— Ох уж эти люди, — вздохнул я и попросил: — Покажешь, что нового тут без меня наделали?

— Идём.

Действительно, новинок создали много. Во-первых, коксовые печи, домна и ещё один конвертер. Главное, конечно, прокат: на моих глазах конвертер выдал металл, который потёк по разным линиям, превращаясь в тонкий лист под воздействием огромных чугунных валиков. Но больше ушло в отливки для стволов, которые сжимались в своих машинах.

Проследив мой взгляд на работающую домну, она поморщилась и пожаловалась:

— Её нельзя останавливать. У меня половина города уголь и руду добывает в три смены. Ещё часть работает здесь без остановки, другие сортируют и готовят товар. Сильно не хватает рабочих рук. Да ещё и война эта! Многие по горам бегают, вместо того, чтобы трудиться. Я написала Эле, она присылает людей, но всё равно мало.

— Ещё не бунтуют?

— Нет. Готовы работать ради победы. Но вот что будет через год-два?

— Война закончится, станет легче...

— Мне-то сказки не рассказывай, — фыркнула она. — Закончится эта, начнётся другая. Нужно что-то в целом менять.

Я пожал плечами, высказывая приходящие в голову варианты:

— Повышение результативности крестьянского труда, высвобождение рабочих рук оттуда и перевод на производства. Ну и более широко доступная медицина, разумеется. Для уменьшения, в первую очередь, детской смертности.

— Для так важных медицины и образования тоже нужны люди. А их нет.

— Да, нет, — поморщился я.

Долбаные «благородные» твари. В любом нормальном государстве прослойка образованных людей намного выше. Есть какой-то жирок у крестьян, феодалы нанимают учителей и лекарей, банально чтобы иметь больше выгоды со своих людей. Так и ремесло своё, и жителей больше, с которых можно деньги иметь.

Каждые рабочие руки — это потенциальная прибыль, если всё правильно организовать. Большинство феодалов, у кого есть мозги, не превращают своих подданных в подобие говорящего скота. А вот островные твари, которых было слишком много относительно простых людей, выжимали народ до крайности.

И теперь с последствиями такой политики нужно иметь дело нам. Замученное население, с трудом обрабатывающее истощённые почвы. Пара городов, живущих с торговли горным металлом. И нищее сельское население, ещё и понёсшее огромные потери в результате отступления использующих тактику выжженной земли благородных.

— У тебя есть варианты решения? — выбила меня из размышлений блондинка.

— Их всего два. Или мы идём на материк, захватывая там земли с людьми. Или создаём условия для эмиграции к нам.

— Как будто феодалы кого-то отпустят, — скривилась она.

— А значит, война на континенте, с нами или без нас, в любом случае, принесёт нам большую прибыль. Достаточно развернуть пропаганду на материке о том, как у нас тут хорошо, да текут молочные реки с кисельными берегами! И как только там возникнут большие проблемы, народ снимется в поисках лучшей доли.

— У вас были прецеденты подобного? — прищурилась она. — Ты с таким чувством всё это говоришь...

— Были. И есть. Мы же с тобой обсуждали проблемы рождаемости, как ещё, по-твоему, их можно решить?

— Погрузив соседнюю страну в контролируемый хаос, так, чтобы крестьяне могли уезжать? — задумчиво поинтересовалась она.

— А лучше весь мир сразу. Тогда получится, что у нас град на холме, а все остальные просто недоумки, которые не умеют работать, и потому живут бедно, — сплюнул я. — Система рабочая, не переживай. Главное, чтобы наши товары разошлись по всему миру, что создаст нам хороший образ в глазах чужих крестьян.

— А тут ещё и кровные наследники старой Великой Империи, да, Бьёрн? — с кривой усмешкой ядовито поинтересовалась она.

— Оно лишь приятный бонус. Можно было обойтись и без такого, — хмыкнув, почесал отрастающую щетину.

— Ведь был таким хорошим мальчиком, охотился, зарабатывал деньги, убивая монстров. Сидел бы в своей деревне и сидел, не было бы всего этого, — она обвела рукой гроыхающий цех вокруг.

— Тебя не устраивает? — поднял бровь. — К тому же, прогресс всё равно бы устремился вперёд, рано или поздно. Я просто подтолкнул. Точнее, мы вместе подтолкнули, ты сделала не меньше меня.

— Как бы мне не пришлось однажды пожалеть. Даже если у нас всё получится, — нахмурилась она.

— Откуда сомнения, богиня? Ты вернёшь свою силу и власть. А я обрету спокойную и,

желательно, долгую жизнь.

— А цена? — прищурилась Фиона. — Или зачем жалеть тупых варваров представителю более развитой цивилизации?

— С каких пор ты стала считать меня таким? Разве не вы более продвинутые, раз уничтожили свой мир?

— У нас всё было проще: убивай нелюдь, чтобы выжили люди любыми средствами, а не теории извлечения прибыли из общемирового хаоса...

Оглянувшись, я присел на лавочку, смотря, как сливают очередную партию металла из конвертера, и устало произнёс:

— Знаешь, ведь дома я был простым спортсменом и особо не задумывался о чём-то подобном. Это уже тут, столкнувшись с такими проблемами, стал понимать немного, как и зачем происходило там.

— Именно подобное и говорит о развитости всей цивилизации, Бьёрн, — вздохнула Фиона и перевела тему: — Ладно, так зачем ты приехал? Какое оружие тебе нужно?

Я оказался только рад поговорить о другом. Почесав в затылке, улыбнулся и спросил:

— Как насчёт построить пневматическую пушку, о высочайшая?

Батарея орудий за моей спиной в очередной раз хлопнула сжатым воздухом, отправляя в небо полдюжины специальных боеприпасов. По ровной дуге ёмкости с огненной смесью рухнули за стену, и из-за неё раздались крики, слышимые даже отсюда. Через пару минут с той стороны грохнуло, и я, так же, как и обслуга орудий, спрятался в землянку, спасаясь от обстрела.

Ядра рухнули на землю, одно в паре метров от орудий, обсыпав их выброшенным грунтом. А артиллеристы тут же бросились обратно, перекрикиваясь:

— На пять левее и на два ниже, зуб даю!

— На левее согласен, но ниже только на один, — спорил с ним другой.

— Хорошо, значит полтора, — хмыкнул третий.

Подкрутив маховики, бойцы закинули снаряды в стволы, и их старший, удостоверившись, что всё хорошо, крикнул:

— Зажигательными — залп!

Открылись задвижки, и закачанный стучащим компрессором в баки воздух вырвался на волю, толкая стальные донца снарядов. Хлопнуло. И командир батареи без перерыва скомандовал:

— Заряжай!

— Жаль, что не успели с нормальной взрывчаткой, — в очередной раз пожаловался я стоящей рядом Фионе.

— Нормально. И так после перегонки большую часть нефти не используем, а тут хоть куда-то пойдёт, — отмахнулась блондинка.

Ну да, в основном, в дело идёт бензин с загустителями. Керосин потихоньку готовится на продажу, вместе с запущенным в Бродно производством ламп. А бензин мы используем очень ограниченно, так что и отправляем деревянные снаряды с горючкой и взрывателем на к осаждённому.

Взрываются там далеко не все, уж очень тяжкое срабатывание взрывателя, но кладут их обычно кучно, и один из нескольких обязательно сработает. Вот и сейчас, после третьего залпа, из города наверх поднялись клубы дыма, а артиллеристы продолжали класть снаряд за снарядом.

— Может, попробуем новинку, Ваша Милость? — подбежал ко мне невысокий командир расчёта, сжимая шапку и с надеждой смотря снизу вверх.

Я смерил взглядом клубы дыма, почесал щёку и разрешающе махнул рукой. Боец просиял:

— Братва, заряжай черепа!

Парни осторожно вскрыли ящики, и, даже в паре метров, потянуло ароматом цветущей яблони.

Эти снаряды привезли только вчера. Химикам и оружейникам требовалось время, как на создание достаточного количества вещества, так и самих снарядов. Их у нас не так много, как зажигательных, но столько и не нужно. А название такое из-за нарисованного на ящике черепа с костями.

Залп и снаряды ушли по той же траектории, что и зажигательные. По весу и центрам масс они совпадают с теми один в один, что выступило одной из дополнительных

сложностей в изготовлении. Каждый ствол отправил по снаряду с отравой, добавил сверху ещё зажигательные, и расчёт прекратил огонь, дожидаясь, пока компрессор восстановит давление, и подтаскивая ближе снаряды.

А за стеной кричали. Обороняющиеся пытались тушить, но быстро поняли, что водой это пламя не залить. Лучше всего работает магия, однако, сколько магов и запасов маны у них? В основном, тушат морским песком. Но сейчас им не до тушения — кашель слышно аж отсюда.

— Я думал, будет что-то особенное... — разочарованно протянул командир расчёта.

Я хмыкнул, порылся по карманам и достал небольшой мешочек, который закинул в костёр рядом. Зашипело, и от костра поднялось голубовато-белое, стелющееся по земле, облачко.

— Попробуйте кто-нибудь. Только совсем недолго и принесите воды промыть глаза.

— А приятно пахнет. Мы решили сделать их город благоухающим? — усмехнулся один из бойцов и подбежал к костру.

...Чтобы через несколько секунд рвануть обратно, кашляя, со слезами на лице. Он тут же стал промывать покрасневшие в полопавшихся капиллярах глаза, плеская горсть за горстью в лицо. Но через полминуты крикнул:

— Не помогает!

— Ах да, мы же не при тебе проверяли, — сплюнула Фиона и приказала бойцам: — Принесите молока и промойте, должно сработать!

Ополченцы тут же побежали на полевую кухню вместе с пострадавшим. А подошедший Свен, заставший финал демонстрации, кивнул на ящики с маркировкой:

— Это оно?

— Да, командир, — ответил ему вместо меня старший расчёта. И уже обращаясь ко мне спросил: — Это что, они будут тушить огонь вот под таким?

— Именно! — часто-часто закивал я.

Артиллерист посмотрел за стену, расплылся в довольной улыбке и крикнул:

— Парни, тащите зажигалки!

— Не так я представлял себе новое оружие, — покачал головой северянин, смотря, как орудия отправили в небо ещё партию зажигалок, а через несколько секунд и снаряды с химией.

— В любом другом случае я бы не стал использовать подобное, Свен. Но эти твари ничего другого не заслуживают!

Может, до того, как они отправили живую волну перед своими войсками, у меня и была какая-то жалость, то больше никакой не осталось. Ни после подобного «щита», ни после аллей с кольями.

— Они нападут. Не знаю, сколько так выдержат, но потом неизбежно попробуют нас отсюда выбить.

— Будем ждать со всем радушием, — сплюнул я.

Боеприпасы израсходовали за три дня. А на четвёртый, пофыркивая дизелем, прибыл очередной корабль. Это теперь не долго — у нас таких целых три. На судах не то чтобы какие-то сверхмощные движки, но небольшие гружёные кораблики по пятнадцать километров в час делают. А по течению и все двадцать.

Логистика сильно ускорила. Неделя, и у нас очередной корабль из Железногорска, а из Вышгорода или Бродно и того быстрее.

Вот и сейчас я стоял на пирсе, притоптывая в ожидании новых боеприпасов. Позади готовили к погрузке телеги ополченцы.

Приняли швартовы, перекинули сходни, а следом, медленно, придерживая живот руками, вышла Элеонора.

— Зачем?! — воскликнул я, бросаясь к ней.

— Скоро всё кончится. Хочу это видеть, — тяжело отдувалась она, пока я поднял её на руки и донёс до повозки.

— Тут опасно!

— Ты всегда сможешь меня защитить, — отмахнулась принцесса. — И я не полезу на передовую.

— С чего ты решила, что всё кончится? — буркнул я, осторожно сажая девушку на накрытую курткой одного из воинов солому.

Повозка подрессоренная, с толстым слоем сена — как-никак боеприпасы возить. Принцессу не растрясёт.

— Там новые боеприпасы, ознакомься, — протянула она мне лист бумаги.

Я быстро пробежался глазами: «Новый тип, доработан воспламенитель, вещество растворено сразу в огнесмеси, выдаёт газ при воспламенении». Убрав бумагу в карман, задумчиво посмотрел в небо.

— Завтра будет ещё один корабль с такими же, — добила меня Элеонора.

— Ты точно хочешь видеть, что мы сделаем с этим городом, Эля? — поморщился я.

— Совершенно не хочу, — поджала губки брюнетка. — Но я должна тут быть. Вдруг они сдадутся...

— А, тётя... — вспомнил я.

— Да, — тихо произнесла она, смотря в землю.

— Хорошо. Оставайся.

В конце концов, она права. Скоро всё действительно закончится, особенно с новыми снарядами.

Осада, и правда, не затянулась, через два дня обстрела новыми снарядами ворота города распахнулись — оттуда полилась лавина пехоты и даже немного конницы. Они открыли огонь из пушек, ружей, но для их ручного огнестрела слишком далеко. А пушки... Что такое ядро против траншей и окопов, прикрытых колючей проволокой, насыпи, расставленных деревянных ежей.

И, конечно, бьющей прямой наводкой, артиллерии. В том числе и зажигательными снарядами с газом.

Я стоял, спокойно отставив тесак в сторону, и ждал. Скверной я залит буквально по самые брови, а ещё больше переправил за это время в лес. Рядом компрессор на дизеле работает, что пропадать добру?

— Нападут, когда остальные подойдут поближе? — в нетерпении мечом крутнул восьмёрку рядом Аяз.

— Да. Уже скоро. Готовьтесь.

Раньше может быть это и стало бы для меня неожиданностью, но сейчас я прекрасно ощущал почти три сотни мощных источника скверны в городе. Они готовились всю осаду, чтобы выложить свой последний козырь.

Тем временем, простые воины уже подошли на дистанцию выстрела. В нашу сторону полетели пули, и я пригнулся, прикрывшись щитом, так же, как я Аяз. Враги не были

беззащитны, они скрывались за щитами из толстых досок, металла, кто-то и вовсе тягал перед собой целую телегу. Ну а потом, дождавшись уверенного поражения, открыли огонь наши стрелки.

Тысячи винтовок грохнули залпом, внося огромное опустошение в ряды противника. Многие падали, когда пули попадали в ноги, но всё равно продолжали ползти, другие подхватывали трупы товарищей и прикрывались ими. Не отступали. И расстояние уверенно сокращалось, несмотря на плотный огонь и огромные потери.

Вот уже полкилометра, вот двести метров, сто. Пятьдесят. Пошли колючки, ежи и проволока. Но саблями они её прорубали, городили баррикады из собственных трупов, но, всё же, сквозь крики и пламя шли к окопам. А за их спинами из города вырвались те самые бойцы скверны, несущиеся по полю огромными прыжками.

— Пулемёты — огонь! — раздалась спокойная команда Фионы, припавшей к прицелу крупнокалиберной винтовки.

Грохнул выстрел, и одна из летящих к нам фигур упала на землю уже мёртвой. Калибр в тринадцать миллиметров не оставлял шансов на спасение. А за спиной на холме ударило пять штук автоматических стволов того же калибра. Стальные пули прошивали насквозь простую пехоту и бойцов скверны, не делая никаких различий. Лишь сильнее разгорались на стволах руны, охлаждая металл.

Сразу же, большая часть усиленных воинов бросилась к холму с пулемётами, но тут тех, кто добежал, встретил я. Удивлённо раскрыл глаза пышущий тьмой боец, разваливаясь пополам вместе с доспехами. А на моём тесаке лишь сильнее разгорелись красным руны, нанесённые кровью богини магии и питаемые скверной.

Вправо, влево, вперёд, рубить, резать, отрывать головы, руки, ноги. Сносить черепа. Сильно ударило в спину, но я не остановился, зная, что под таким количеством влитой в защиту скверны пуля, даже стальная и крупнокалиберная, доспех не пробьёт. В тело вливалась выплеснутая энергия из убитых, восполняя потери.

Рассмеявшись, я кулаком снёс шлем вместе с головой и взмахнул тесаком, отсекая ноги другому врагу. Они всё лезли и лезли, но потом страх перебил ярость скверны, и они стали разбегаться. Как тараканы, когда включают свет. Промелькнувшая мысль меня отчего-то очень рассмешила, и я хохотал, как сумасшедший, продолжая охотиться на врагов, снабжающих меня силой.

Сколько это длилось сложно сказать. Но в какой-то момент больше не увидел таких опасных врагов, кроме двоих, убегающих в сторону города. Я бросился за ними, догнав уже почти под стенами. Отрубил ноги одному, пришивив тесаком к земле, вогнав по самую рукоять, поймал второго и, ради веселья, ухватившись удобнее за сапоги, разорвал пополам.

— Тва-а-а-арь! Ублюдок скверны! — прохрипел, разбрасываясь кровавой пеной изо рта, исходящий от ярости и боли искалеченный благородный.

Мои губы растянул оскал, и, сильным ударом ноги, я отправил его голову в смявшемся шлеме и торчащим куском позвоночника куда-то в воздух. Лениво посмотрел на стену, с которой пытались стрелять, и ворвался в город, успев до закрытия огромных створок.

Меня встретили стрелами, иногда ружьями, просто камнями. Но я не обращал внимания, вырезав всех возле ворот, не дав их закрыть окончательно. А после, бросился на отряд, стоявший глубоким строем перед воротами.

В голове промелькнула мысль, что получилось очень похоже на то, если бросить помидор в миксер. Воздух вокруг загустел, превратившись в кровавую взвесь,

проламываемую моим телом. Я изредка выхватывал лица с распахнутыми, с красными, слезящимися глазами, текущими носами. Плохо им было от постоянных газовых атак.

Сначала дрались мужчины, потом старики, следом старики и женщины. Подростки, что постарше, а потом уже и вовсе почти дети, пытались бить меня подхваченными у мёртвых взрослых копьями, стрелять из детских луков.

Зарубив белокурую девочку лет двенадцати, в удивлении распахнувшей глаза, когда её верхняя часть отлетела наверх, в кровавом угаре и пытаюсь нагонять ярость воспоминаниями о том, что творили они с крестьянами, я дрогнул. Отмахнувшись тесаком, отступил назад, встряхивая головой и пытаюсь прийти в себя, наконец, получив возможность осмотреться вокруг.

Передо мной ползали раненые матери, умоляя пощадить их детей. Удивительно, но раньше, действуя под ускорением, я не мог разобрать, что они говорят. Или же просто не хотел? Толстым слоем лежали трупы. А город вокруг...

Он выгорел полностью. Несколько десятков каменных зданий, в которых прятались выжившие — это всё, что осталось. Вокруг я видел лишь измождённые, затравленные газом и измученные голодом лица.

— На колени! — прорычал я, сжимая горящий рунами тесак в руках. И уже тихо, обычным голосом, попросил. — Пожалуйста. Или я всех убью.

Их осталось-то перед глазами меньше тысячи. Наверняка, много ещё кто попрятался, как оно и бывает. Но сейчас они медленно опускались на колени. Кто-то практически падал, других, демонстрирующих гордость, цепляясь за одежду, умоляли поступить так их соседи.

Смельчаков нашлось не много, слишком страшно и слишком измучены. За спиной распахнулись створки ворот, и влетел Аяз, оглядываясь по сторонам. Встряхнув тесаком, он протёр его от крови и убрал на пояс.

Оглядев людей, недоверчиво спросил:

— Это все, что остались?

— Остальные уплыли. Или вы их сожгли да отравили, — сухо ответила ему сухощавая женщина лет пятидесяти, спускаясь со стены. Стоящая на коленях толпа расступилась, пропустив её к нам. Она же, остановившись предо мной, посмотрела снизу вверх.

— Вот значит, на кого она променяла всех нас...

— Ты жива? Хорошо. Для Элеоноры это важно. Если сдадите город, останетесь живы, — равнодушно произнёс я, убирая тесак в ножны.

Привычно сосредоточившись на скверне, отправил лишнюю энергию обратно в Лес. Подобное стало даваться легко, слишком много практики. Любопытно, кто-то, кроме меня, так глубоко погружался в скверну? Ты можешь быть сколько угодно бывшим богом или богиней, но если не готов делиться, никто не пустит тебя настолько глубоко.

Те сны, что я вижу, говорят, что с этой заразой всё далеко не так просто. Особенно в наше время. И, более того, Фиона не единственная, кто решил спрятаться в Лесу. Просто остальные лучше прячутся. А кое-кто и умер, насколько богу в глубинах скверны реально умереть. Интересно, флегматичная блондинка не знала или просто молчала?

— Ещё несколько сотен прячутся в подвалах дворца, совсем маленькие дети. Это все, кто остался.

— Когда будут ещё корабли? — оглядывая толпу, поинтересовался я. — И где император?

— Его части лежат под стенами. А рядом мой старший сын. Ты убил их обоих.

— Эти трусы?

— Не трусы. Кто-то должен был закрыть ворота и позаботиться о людях. Не смей порочить их имя! — последние слова она прошипела, стряхнув с глаз злые слёзы.

— Что заслужили, то и получили. Эту гниль давно нужно было вырезать, так что: твари и падаль. Ничего другого они не заслуживают. Хочешь последовать за ними?

— Ты монстр, — одними губами, так, что разобрал только мой форсированный слух, выдохнула она.

— После того, что вы творили в собственных деревнях, я могу просто впустить солдат. И отвернуться. Больше ничего делать не понадобится. Не испытывай моё терпение, женщина. Ты сдаёшь город и людей?

— Да! — выдохнула она, оглядев толпу.

— Тогда уводи их всех к причалу. Прячьтесь там и никаких провокаций, мои воины не удержатся — убьют всех.

— Вы слышали его! — выкрикнула женщина. — Отходим!

Люди поднимались с колен и медленно потянулись к морю, со страхом оглядываясь на мою щедро залитую кровью фигуру.

— Что с ними будет дальше? — тихо спросил меня Аяз.

— Отправим на материк к своим.

— Многие захотят отомстить, Бьёрн. Так их воспитали.

— Я знаю. Но не поднимается рука. Тут одни дети, старики и женщины — те, кто не способен держать лук.

— Они могут отомстить не тебе, слишком боятся. А твоим детям или внукам.

— Да знаю я!

Поникшие спины впереди дрогнули от моего крика и заторопились быстрее, со страхом оглядываясь. А в распахнутые ворота входили наши бойцы, осматриваясь вокруг и обходя расплзающиеся по мостовой огромные лужи крови. Трупов много, большинство частями. Но в отходящих пленных не стреляли и то хлеб.

— Это всё, Ваша Милость? Мы победили? — недоверчиво спросил подбежавший Золтан, оглядывающий всё вокруг поверх прицела крупнокалиберной винтовки.

— Осталось проверить дворец. Атакуйте в ответ, если будут проблемы.

Тяжело ступая, я направился к виднеющемуся впереди, на холме, дворцовому комплексу. Когда-то он сверкал белоснежными стенами, ажурными башенками и террасами. Сейчас же вся сторона, обёрнутая к стене, черна от копоти и потёков огнесмеси.

Длинная широкая лестница, с когда-то растущими посередине деревьями, делящими её на две, обожжена и завалена мусором. Мы поднялись наверх и вошли в сам дворец, невыносимо воняющий гарью. И не менее сильно цветущей яблоней.

Я натянул на лицо кусок ткани, политый водой, и быстрее пошёл вперёд. Ещё лестница, и вот и тронный зал засыпанный битым стеклом из оконных витражей. Тут дышалось немного легче, но всё равно плохо. Маловероятно, что после такой обработки тут кто-то ещё есть из врагов.

Я не думал, что оно окажется так эффективно. Сколько же мы отравы сюда влили? Это же, вроде, относительно безобидный газ. Да и пожары... Мы думали, они хорошо научились бороться с огнём, раз пожаров не видно после обстрелов. А у них просто сгорело всё, что могло сгореть.

Пройдя вперёд, встал пред троном. И остановился, смотря на запылённый символ

власти. Ради этого пролито столько крови? По локоть, да? Я криво усмехнулся, бросив взгляд на свой залитый сверху донизу доспех.

Но, пожалуй, война шла отнюдь не ради этого.

— Ну что же ты, садись, он твой по праву, — вывел меня из размышлений голос Фионы, которую поддержала выкриками часть бойцов.

А вот другая часть ополченцев, меньшая, просто молча и угрюмо наблюдала.

— Если я и сяду на трон, то не сейчас и не на этот, — покачав головой, ответил я бывшей богине.

И, повернувшись к воинам, негромко проговорил:

— Пойдёмте отсюда, товарищи. Нужно отстраивать нашу страну.

— Это отличный порт, расположен ближе к континенту, чем Вышгород. Столица должна быть здесь!

— Бродно заслужил этот статус в боях. И находится в глубине острова, соответственно, в случае атаки врагов, менее уязвим.

— Вот пусть они и атакуют бесполезную столицу, а не основной производственный центр!

— Эля, тебе просто хочется править из красивого замка, — тяжело вздохнул я, лениво выглянув из окна корабля, пришвартованного на причале столицы.

Этот разговор у нас уже шёл не по первому кругу, и конца и края ему не видно. Но я, всё же, добавил ещё один аргумент:

— Этот город столетиями являлся символом угнетения и боли. Оно тебе надо ради красивого дворца? Ты же видишь, что жить здесь больше нельзя, — я махнул на пожарище за окном. — Тут не осталось ничего целого.

— Но замок возможно привести в порядок...

— И приведём. Не сразу, но приведём. А город вычистим и превратим в парк. Но сейчас столице тут не место.

— Хорошо, — недовольно скривилась аристократка.

— Выше нос, возможно, мы тебе ещё замок на континенте отвоюем. В столице совсем другой страны!

— Если он будет в таком же виде, может, и не надо? — ткнула она пальчиком на пепелище по ту сторону стекла.

— Не привередничай, — усмехнулся я и посерьёзnel: — Что ты решила с тётей? Она отправляется на континент вместе с остальными пленными?

— Её там убьют. Она останется на островах, всё равно никогда не любила всю эту местную знать.

— То есть, стерпит, что мы убили её сыновей? — неподдельно удивился я.

— А какие у неё варианты? Попытаться убить нас с тобой? Со мной, пожалуй, и получится, но не с тобой.

Я потёр виски, не понимая, куда и как пристроить родственницу Элеоноры. Впрочем...

— Отошли её в какую-нибудь школу, пусть учит детишек писать и читать. Или занимается восстановлением бывшей столицы.

— Разберусь, не переживай, — кивнула принцесса. — Отправляемся в Бродно?

— Конечно. Лишь решим тут пару вопросов.

Я отправился разговаривать с солдатами, которым предстояло совершить переход до города. Вот тоже проблема — мы успели набрать почти двадцать пять тысяч человек, из которых около трёх тысяч — воющих с самого начала осады Бродно. Это ветераны, которых я в любом случае оставлю на службе.

Но теперь их нужно на что-то содержать, кормить и обеспечивать. Задачи для них найти не сложно — только в охрану наших торговых судов уйдёт не меньше тысячи человек. Плюс опорные пункты на побережье держать обязательно.

Вечером посидел за картой, прикинул: выходит, что десять тысяч мне необходимо в любом случае, особенно с учётом того, что на них, во многом, возложены полицейские

функции. Что следует изменить, формировать гражданскую милицию, куда тоже требуются люди.

Сейчас я отправил армию отрядами по всем крупным деревням, а сам прикидывал, а какая армия необходима стране? Сколько могут выставить королевства континента? Те же двадцать-тридцать тысяч? Причём, отрыв в вооружениях несопоставим.

Требуется проработать места дислокации, снабжение, вооружение. Да, изготовить пулемёты Фиона смогла. Но они сожрали все запасы пороха. Что весьма прозрачно намекает, что пулемёты — вещь совсем для других технологий производства огненного зелья, чем селитряницы. Но главное, я знаю что такие способы есть. Даже уже кое-что получается, раз собирают кислоту, в том числе и из выхлопа дизелей, просто нужно время. И оно у нас теперь есть: благородные покинули острова. Полностью.

Когда ополчение вышло на ту сторону гор, опускаясь на побережье, они, всё же, перестали держаться за свои земли. Воспользовавшись всем, что могло плавать и нанятыми кораблями, покинули острова.

Сколько мы убили аристократов? Тысяч сто? Из которых в бою полегло от силы тридцать-сорок тысяч. Остальные убиты в результате крестьянских восстаний. И по всем прикидкам, минимум сто пятьдесят тысяч ушло на материк.

Массовый исход тех, кто немного умнее общей массы, начался ещё после того, как мы отвоевали Вышгород. В основном, конечно, уходили переждать тяжёлые времена, не окончив свои дни на вилах. Они были в полной уверенности выигрыша, но шкуру таки лучше побережь.

Нам с Элеонорой остались разорённые войной земли, где осталось две трети населения, если отсчитывать от уровня до восстания. Но мы справимся. У нас есть наш Железногорск и Бродно. На торговле сталью вытянем при нужде.

Пока же, за переборкой ровно работал дизель, двигая кораблик по морю. Потом пойдём и по реке, приближаясь к дому. Мы с принцессой, заняли одну каюту, и усевшись за столом с разложенными бумагами, занимаясь каждым своим делом.

— Да что же это! Пишу будущую систему сбора налогов и сразу вижу, как её можно обойти!

Я постучал карандашом по разложенной на столе карте с пометками, где я собираюсь размещать военных, и усмехнулся:

— Хуже было бы, если бы у тебя получилась теоретически прекрасная система, которая не будет работать совсем.

— Они же не будут брать много земли! Только чтобы прокормить себя и получить небольшую прибыль.

— Зато им понадобятся способы поднять урожайность, возникнет запрос на работу магов и удобрения.

— Но кто будет обеспечить твоих рабочих едой? А горожан?

— Запустим государственные предприятия, которые не будут платить налог на аренду.

— Но это же убьёт крестьянские общины, — нахмурилась принцесса.

— Наплевать, их смерть неизбежна. Будущее за очень крупными хозяйствами, а не за маленьким семейным наделом. И налоги с таких больших структур брать проще, чем спорить с каждым крестьянином, припрятавшим зерно. К тому же, рабочие нужны на предприятия.

— Государственное коллективное хозяйство, значит... — задумчиво почесала пером за

ухом Элеонора. — А с твоими заводами?

— Государственная собственность на все основные производства. Частные на общих условиях — через аренду земли.

— Слишком хорошо им получается, — корыстно прищурилась девушка, — у них прибыль совсем другая выйдет при не такой уж и большой аренде.

— Налог на прибыль? — поднял бровь я.

— И как мы его собирать будем?

— Особенно, когда до сих пор даже не чеканим свою монету, — согласно кивнул.

— Кстати о монете, ты, я помню, рисовал варианты? Покажешь?

Я кивнул, потянувшись за рисунками. Авось ей и понравится что из них. Может, сразу перейти на бумажные деньги? Или рано? Кто бы мне сказал, как будет правильно. Всё сами, на ошибках и местном опыте и моих фрагментарных познаниях.

Вот так вот у нас с Элеонорой совместное время и проходит обычно. Обсуждение каких-либо проблем или планов на будущее. Быть может оно и хорошо, нет времени на лишние сложности и выяснения отношений? Никакого тебе: “А ты меня любишь?”.

Фиона плыла с нами, сейчас отдыхая в своей каюте. Как-никак, война закончилась и теперь можно запустить проекты масштабнее и интереснее, а не работать только для фронта. К примеру, попробовать поднять в небо аппарат тяжелее воздуха. О чём, кстати, блондинка мечтает с тех пор, как увидела самолёты у меня в памяти. Хищная красота современных истребителей её просто завораживает. И авиация одна из немногих тем, о которых она любила спрашивать ещё на острове.

В таком вот ключе несколько дней до города и прошли. Вполне плодотворно, каждодневные мозговые штурмы, к которым присоединялась и Фиона, потихоньку вырисовывали контуры устройства будущего государства.

Город встретил нас цветами и восторженными криками собравшейся на центральной площади толпы. Немного страшно вести беременную Элеонору сквозь этот живой коридор. Каждый протягивает руку, стремится поздороваться или хотя бы просто прикоснуться.

В основном, к принцессе, меня простой люд боится. Именно поэтому я шёл впереди, а позади, в окружении охраны, шли Элеоноры и Фиона. По центру площади виднелся помост, украшенный яркими лентами и цветами, к которому мы, в итоге, подошли.

Запрыгнув наверх, оглядел толпу. Всё же, удивительно: всего два года назад они жили в совсем другой стране. Но на данный момент вчерашние забитые крестьяне и мастеровые стоят ровно, открыто смеются, больше ничего не боясь. Они победили в кровавой мясорубке гражданской войны, не имея первоначально вообще никаких к тому шансов.

У них была только вставшая рядом со мной на помост Элеонора, да настойчивое желание выжить и победить наперекор всему. Ну и я, конечно. Так что, обняв её за плечи и подняв руку, попросил тишины у толпы. Дождавшись, когда утих гомон, заговорил:

— Когда два года назад мы с принцессой оказались в этом городе, ни вы, ни мы не ожидали, что придётся выстоять и победить в самой страшной войне со времён катастрофы. Сражение, что шло на уничтожение. Это было тяжело, но мы справились. Благодаря вашему труду и ярости!

Замолчав на долю мгновения, я посмотрел на внимательно наблюдающих за мной людей. Они пойдут за нами и в том случае, если я сейчас провозглашу возрождение Империи Людей. Не сомневаюсь. И именно этого они боятся: люди устали жить впроголодь, воевать из последних сил. После всего пройденного, просто хотят жить, пользуясь плодами своей

победы. И не нужно их разочаровывать.

— Нас впереди ждёт длинный путь развития и процветания. Будут сложности, но мы справимся. И наши дети, — я крепче обнял поддерживающую живот Элеонору, — будут жить несравнимо лучше нас. Это я вам обещаю, даже если весь мир будет против нас!

И, вскинув вверх кулак, громко воскликнул:

— За нашу победу!

— За победу! — взорвалась толпа ответным выкриком.

— Неплохая речь для бывшего качка, — флегматично фыркнула Фиона, вызвав недоумённый взгляд Элеоноры.

— Пойдёмте уже, нам ещё торжества организовывать, — вздохнул я, помогая принцессе сойти с помоста под радостные возгласы собравшихся людей.

Теперь впереди ещё пара дел, а там, надеюсь, у нас появится время хоть немного отдохнуть от войны и привести жизнь на островах к норме. Жителям очень нужно прийти в себя, и праздник лишним не будет.

Местом проведения основного мероприятия выбрали бывший особняк градоправителя. Так-то, там одно время был госпиталь, но потом для него построили отдельное здание, намного больше подходящее для этой цели. Только в этом доме есть зал, способный вместить достаточно много людей.

Замотанный беготнёй и проблемами, всё же, не забыл об одном “зависшем” деле, найдя немного времени, чтобы его закончить.

Стукнул засов, открывая толстую дверь, я вошёл в большую тюремную камеру. Когда-то это было помещение охраны, на самом деле, но его немного переоборудовали. Сидящий за столом старик, неспешно что-то пишущий пером на листке бумаге, поднял на меня глаза.

— Вы всё-таки победили.

Я, ухмыльнувшись, молча прошёл, уселся за стол напротив и сделал первый ход пешкой на расставленной шахматной доске, поинтересовавшись:

— Ты и правда в это не верил? Несмотря на порох?

— Это всего лишь одно из средств ведения боя. Много ли времени потребовалось, чтобы его повторить? — равнодушно ответил Тендзин, делая ход конём.

— Не много. Но достаточно, чтобы нам получить преимущество.

— И вы сумели им воспользоваться, — поморщился он, смотря на доску.

— Если бы вы проводили более взвешенную политику, этого бы ничего не произошло. Большинство убитых, они не в бою: озверевший от ваших зверств народ поднимал на вилы каждого благородного вместе с его семьёй. При такой поддержке населения мы не могли проиграть. Это стало понятно уже после Вышгорода. Даже если бы мы терпели неудачи в поле, укреплённые города бы вы взять не смогли.

— Со временем взяли бы. С помощью того же пороха.

— С учётом того, что вы творили, чтобы держать население в узде? Да лет через пять вам бы стало некем править! А у восставших был бы постоянный приток мотивированных и готовых рвать благородных зубами бойцов.

— Но победили вы не силой необученных масс. Так что не рассказывай мне сказки про чернь, способную уничтожить подготовленное войско.

— Всего лишь изменение тактики, оружия, и вчерашняя чернь становится грозной силой после пары месяцев обучения. Тебе шах.

Он хмыкнул и, закрываясь пешкой от моего ферзя, поинтересовался:

— Война закончена. Что теперь со мной?

— Ты свободен. На континенте собираются ваши. Кажется, одно из герцогств скоро заявит о смене правителя. Им можешь стать и ты, если подсуетишься. Чем не новая карьера?

— Скорее меня убьют, как только там появлюсь. Должен же кто-то ответить за то, что произошло. Кстати, император и его семья?

— Мертвы.

Он тяжело вздохнул и с искренним разочарованием произнёс:

— Жаль. Императрица хорошая женщина. Никогда не была к месту в нашем болоте.

— Кроме неё, — усмехнулся я.

Он вскинулся, сверля меня полным надежды взглядом.

— Где она?

— В бывшей столице. Тоже отказалась плыть на континент. И тебе опять шах.

Он равнодушно отмахнулся от доски и, вскочив, сделал несколько шагов по своей вполне комфортабельной камере, что-то обдумывая. Но, в итоге, рухнул обратно на стул и жарко спросил:

— Я могу остаться на островах? У меня осталось много торговых связей, могу быть очень полезен. Если вам, конечно, есть что продавать.

— Ты удивишься, насколько нам есть что продавать, — улыбнулся я и, достав из кармана свёрнутый свиток, добавил: — Это подорожная, с ней у тебя не должно быть проблем с военными. Но всякое возможно, народ, в основном, неграмотный. Ну а крестьяне могут и просто убить.

— Я разберусь. Банк в городе открылся?

— Только в Вышгороде. Здесь пока нет.

— Хорошо.

Я поднялся и расслабленно повёл плечами, чувствуя радость от решения очередной проблемы. Теперь всё зависит от Тендзина. Может, опять поднимется, а, возможно, закончит с вилами в пузе. Кто знает?

— Спасибо, Бьёрн. Я не забуду, — догнали меня его слова уже возле выхода из камеры.

— Вот и посмотрим, — кивнул я на прощание.

С лёгким сердцем, насвистывая что-то легкомысленное, отправился домой. Праздник сам себя не организует. И не дело оставлять всё на беременную Элеонору.

Через три дня я стоял в полном народе зале, и с лёгкой улыбкой ждал, оглядываясь вокруг. Удивительно, но послов от соседних государств до сих пор не прибыло. Хотя поступил запрос из драконьего банка по этому поводу, да и гномы успели подсуетиться, прислав пышно разодетого низкорослого господина со свитой. Тут ничего необычного, наши товары уже составляют конкуренцию гномам. Куда же без промышленного шпионажа?

Пока же, наблюдал, как открылись двери, и ко мне неспешно, в пышном чёрном платье, немного скрывающем живот, гордо улыбаясь, шла принцесса. На голове у неё сверкала полностью восстановленная диадема Империи.

То, что мы сегодня делаем, приведёт к большой войне. Неизбежно. Выбросив тревожные мысли из головы, с улыбкой принял руку подошедшей принцессы и повернулся к Фионе.

Благосклонно улыбнувшись, бывшая богиня разломала в руках специальный медальон, половинки которого мы теперь будем носить. И, продев специальные шнурки, повесила нам на шею.

— Благословляю этот союз. И пусть старая сила воссияет вновь!

Я обнял девушку, а она, прильнув ко мне на мгновение, отстранилась и сделала шаг назад, усаживаясь в высокое кресло.

— Императрица, — кивнула богиня.

— И как всё к этому пришло? — только и мог прошептать я, усаживаясь на соседний с Элеонорой трон, слушая, как Фиона произносит короткое:

— Император.

Зал взорвался приветственными криками, а я, в который раз за церемонию, поправил тонкий стальной обруч на голове.

А корона-то всё-таки штука неудобная — жмёт!

Больше книг на сайте - Knigoed.net